

А.Б. Широкоград

КАК ЖИЛАЯ РУСЬ СТАЛА ПОЛЬСКОЙ ОКРАИНОЙ

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

Annotation

По истории Украины написаны сотни книг. Среди их авторов – монархисты, коммунисты, националисты. Но так никто и не смог толком объяснить, как добрая треть Древнерусского государства стала польской колонией. Куда исчезли князья, бояре и дворяне Малой Руси? Насколько реальна была возможность воссоединения Великой и Малой Руси в XIV или XV веках? Могли ли в Киеве в 2004 году отпраздновать 350 летие соединения украинского народа с турецким народом? Об этом и многом другом рассказано в монографии А. Широкограда «Как Малая Русь стала польской окраиной».

- [Александр Широкоград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [Фото с вкладки](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
  - [228](#)
  - [229](#)
  - [230](#)
  - [231](#)
  - [232](#)
  - [233](#)
  - [234](#)
  - [235](#)
  - [236](#)
  - [237](#)
  - [238](#)
  - [239](#)
  - [240](#)
  - [241](#)
  - [242](#)
  - [243](#)
  - [244](#)
  - [245](#)
  - [246](#)
  - [247](#)
  - [248](#)
  - [249](#)
-

Александр Широкоград
Как Малая Русь стала польской окраиной

Глава 1

Скучная советская версия

Поскольку в составе великого и могучего Советского Союза была Украинская Советская Социалистическая республика, то, естественно, она должна была иметь свою историю. Я опускаю споры историков школы Покровского 1920-х годов и прочая, и прочая... дабы совсем не наводить скуку и уныние на читателя, а сразу перейду к историографии времен «развитого социализма». Возьмем, к примеру, капитальное издание «История Украинской ССР» в десяти (!) томах, над которым трудились аж 30 остепененных ученых мужей. Так, в томе 2 на странице 323 есть глава «Формирование украинской народности».

Мол, жили-были славяне «в составе единого раннефеодального государства – Киевской Руси».

Но вот беда, образование «древнерусской народности» в оном едином государстве «полностью не завершилось, и она еще не превратилась в стойкую этническую общность»^[1].

Посему и начала формироваться «украинская народность». «Первый этап охватывает вторую половину XII–XIII в. – период феодальной раздробленности. Для этого времени характерны тенденции, с одной стороны, к политической обособленности отдельных территорий, а с другой – в силу общественного разделения труда – к их объединению и усилению экономических связей между ними. На этом этапе появляются новые экономические, политические и культурные центры, создаются соответствующие предпосылки и условия для формирования трех восточнославянских народностей – русской, украинской и белорусской»^[2].

Согласитесь, понять суть в этом наборе слов сложновато, да, думаю, и не надо. Позже мы узнаем, что все это – сплошная «липа».

«Второй этап формирования украинской народности охватывает время с XIV до середины XVI в., когда, с одной стороны, в значительной степени была преодолена феодальная раздробленность в экономической сфере, а с другой – украинские земли находились в составе Польши, Литвы, Венгрии и Молдавии. Иноземное господство и государственные границы, искусственно разделявшие украинские земли, задерживали развитие экономических связей между ними, а установленный захватчиками тяжелейший феодальный гнет и религиозное угнетение отрицательно

сказывалось на развитии культуры украинской народности, ее языка»^[3].

Получается, что если бы не было иноземного господства, то украинские язык и культура еще больше бы развились и, соответственно, обособились от русских.

Ну и, наконец, «третий этап формирования украинской народности охватывает период со второй половины XVI – приблизительно до середины XVII в. Для этого времени характерно дальнейшее развитие ремесла и торговли, усиление роли городов как экономических центров, расширение товарно-денежных отношений, охватывавших и сельское хозяйство. Все это создало условия для возникновения единого внутреннего, т. е. национального рынка на основной территории Украины»^[4].

Браво! На территориях будущей УССР, а теперь Республики Украина сложился единый внутренний рынок. Причем, самый богатый рынок был в украинском городе Кафе (ныне Феодосии) – там торговали рабами со всей Украины.

Ну а если читатель не устал (если устал, смотри сразу 2-ю главу – веселее), я предоставляю слово директору Института русского языка в 1962–1982 гг. Федоту Петровичу Филину и представлю его монографию «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк». В этом 650-страничном труде Федот Петрович утверждает, что «исторические обстоятельства сложились так, что в XIII–XIV вв. древнерусская народность разделяется на три близкородственные народности – русскую, украинскую и белорусскую, что повлекло за собой возникновение трех близких языков с их самобытными, оригинальными путями развития»^[5].

Но вот с доказательствами у Филина слабовато. Главное – отсутствие достаточного массива информации, то есть письменных источников, для того, чтобы делать какие-либо обоснованные выводы. Кое-где это признает и сам Филин: «Ничего не сохранилось от письменности обширных Рязанской и Черниговской земель. Рязанская кормчая 1284 г. представляет собой копию с киевского оригинала, переписанную киевскими писцами, поэтому нет никаких оснований искать в ней проявление особенностей речи исконного населения Рязани. Рязанские и черниговские надписи на вещах X – XIII вв. слишком коротки и немногочисленны, чтобы на их основании можно было делать какие-либо лингвистические заключения (то же можно сказать и о подобного рода надписях всех других областей)»^[6].

Тем не менее автор буквально притягивает отдельные фрагменты документов, вырывая их из контекста, дабы доказать наличие трех

народностей в XIII–XIV веках.

Ну а если серьезно? Создание мифической истории Украины, а также Украинской ССР было для большевиков вынужденной мерой. Почитайте труды Ленина и резолюции съездов до 1917 года. Где там говорится о создании независимых республик на территории Российской империи? Нигде! Правда, есть дежурное блюдо: «право наций на самоопределение, вплоть до отделения», но это не более чем «соблюдение приличий».

Создавать всяческие республики стало для большевиков вынужденной необходимостью уже в конце 1918 года. Советская республика оказалась в кольце врагов – белых армий, интервенции четырнадцати государств Антанты, попыток Германии, Австро-Венгрии и Турции и параллельно ей националистов всех мастей расколоть Россию на куски. Пан Пилсудский пытался организовать Балтийско-Черноморскую федерацию в составе Польши, Литвы, Смоленской области, современной Украины и Краснодарского края. Маршал Маннергейм заявил: «Я не вложу меча в ножны, пока вся Карелия не станет финской». Ну а кроме Карелии белые финны претендовали на Кольский полуостров, Архангельскую и Вологодскую губернии.

Кубанское и донское казачество пытались создать независимые государства. Даже в Сибири так называемые областники пытались отделить Сибирь от России.

Выстоять Советской России против такого множества врагов было невозможно. Единственный выход – лавировать, уступать в мелочах и бить врага по частям. Одним из средств для этого было создание всевозможных республик, как советских так и буржуазных, главное, чтобы эти гособразования находились под контролем большевиков.

Многие республики даже не были национальными, например Крымская, Криворожская, Дальневосточная и т. д. В ряде же случаев из конгломерата земель, которые никогда не были не только в одном государстве, кроме, разумеется, Российской империи, но и не были даже в одном административном районе, создавались национальные республики. Пример – Казахстан. Никогда не было такого государства. Это – конгломерат племен. Грузия – опять же конгломерат племен, говоривших на разных языках. Скажите пожалуйста, какое отношение имели абхазы, аджарцы и осетины к картвелам (собственно грузинам)? То же произошло и с Украиной.

Понятно, что у создававшихся национальных государств может быть только искусственная история. Вот ее-то и начали сочинять советские историки в обмен на ученые звания, кафедры в университетах, большие

зарплаты и государственные премии, дареные автомобили и загородные особняки.

Ну а как население СССР относилось к деятельности профессоромифотворцев? Да никак, если не считать нескольких десятков, в крайнем случае, сотен националистически настроенных интеллигентов. Я в 1980-х годах не менее четырех раз приезжал в город Северодонецк в командировки. Но о том, что сей город относился не к РСФСР, а к УССР, я узнал в середине 1990-х годов. Клянусь, я ни разу не слышал в Северодонецке украинской речи и видел только одного украинца. Он был чем-то вроде завхоза, и у него в кабинете висел большой портрет Тараса Шевченко. Он очень сердился, когда его фамилию произносили на русский манер – СидорЕнко. «Я СИдоренко», – кричал вин.

Я занимаюсь историей с 5-го класса и был близок к нескольким группам диссидентствующей или околодиссидентствующей публики. Там постоянно ругали советскую власть. Среди любимых тем были репрессии, поражения в Великой Отечественной войне, культ личности, нелады в социалистической экономике и т. д. и т. п. Но ни разу никто и никогда не говорил об истории Украины. Советские мифы были скучны, а главное, неактуальны. Но вот распался Союз, и история Украины стала взрывоопасной...

Глава 2

Веселая украинская версия

Но вот в результате тайного сговора в Беловежской Пуще рухнул Советский Союз и возникла независимая Украина. Но откуда взялось оное название? «Нет, не хотим быть жителями окраин!» – возопили творческие интеллигенты Львова и Киева и начали творить свою историю.

Как нельзя кстати тут подвернулась старая сказка о племени «укров». Сказка была написана графом Тадеушем Чацким (1765–1813) в 1804–1810 гг. Однако его книга «O nazwisku Ukrainy i początku kozaków» была издана уже после смерти графа в Варшаве в 1843 г. Чацкий утверждал, что древние укры, положившие начало украинской народности, были кочевой ордой и пришли на Днепр из заволжских степей в VII веке нашей эры.

Любопытно, что ученик иезуитов, ярый польский националист, воевавший в конце XVIII века против русских, был в 1803 г. назначен Александром I инспектором народного образования Подольской, Волынской, а также Киевской губерний, да и жалованье неплохое получал.

Увы, наивная Екатерина II, ее сын и внук полагали, что, давая всяческие льготы польскому дворянству, о которых и мечтать не могли русские дворяне, давая полякам самые хлебные должности в администрации империи, устраивая браки польских и русских аристократов и т. д., они смогут завоевать расположение панства.

В итоге в воссоединенных Екатериной Великой землях Малой и Белой Руси власть над православным крестьянством была оставлена в руках польских католиков, а образование на 95 % оставалось в руках панов, ненавидевших Россию.

Лозунгом «служилого» панства в конце XVIII–XIX веках было: «Не нам, так не вам». То есть если уж Белая и Малая Русь – перестали быть окраиной Речи Посполитой, то надо сделать так, чтобы они вышли из состава Российской империи. Наиболее четко это было изложено польским историком Валерианом Калинкой: «Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности». В этом же духе была составлена и программа Людвиг Мерославского накануне польского восстания 1863 г.

Однако (в XIX веке и начале XX века) дюжина националистических украинских историков, как Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш и других, брезговали пользоваться польской фальшивкой и не рисковали вводить термин «укры» в свои труды. Понятно, что никаких ссылок на исторические документы у Чацкого не было, то есть все было высосано из графского пальца.

Востребованными «укры» оказались лишь в 1991 г. И понеслось... Оказывается, еще Гомер писал об украинцах (украх), однако в силу своей необразованности именовал их киммерийцами.

«Украинский язык – один из древнейших языков мира... Есть все основания полагать, что уже в начале нашего летосчисления он был межплеменным языком». («Украинский язык для начинающих». Киев, 1992). «Таким образом, у нас есть основания считать, что Овидий писал стихи на древнем украинском языке» (Гнаткевич Э. От Геродота до Фотия // «Вечерний Киев» за 26 января 1993 г.). «Вполне возможно, что украинская лексика... несла терминологические, колониционные, жизнеутверждающие заряды на все четыре стороны Света-Первокрая, осваивая и оплодотворяя иноязычные и малоязычные территории... Мы можем допустить, что украинский язык стал одной из живых основ санскрита... Украинский язык – допотопный, язык Ноя, самый древний язык в мире, от которого произошли кавказско-яфетические, прахамитские и прасемитские группы языков» (Чепурко Б. Украинцы // «Основа», Киев, № 3. 1993). «Украинская мифология – наидревнейшая в мире. Она стала основой всех индоевропейских мифологий точно так же, как древний украинский язык – санскрит – стал праматерью всех индоевропейских языков» (Плацинда С. Словарь древнеукраинской мифологии. Киев, 1993). «В основе санскрита лежит какой-то загадочный язык “сансар”, занесенный на нашу планету с Венеры. Не об украинском ли языке идет речь?» (Братко-Кутынский А. Феномен Украины // «Вечерний Киев» за 27 июня 1995 г.).

А как звали древних украинцев? Некоторые академики так и оставляют это название, кто-то заменяет его на «протоукраинцы».

Любопытны изыскания доктора политических наук, проректора по информационно-аналитической работе университета «Украина» Валерия Бебика, изложенные в статье «Украина и Египет»^[7]. Цитаты умышленно даю без перевода, чтобы и колорит сохранить, и избежать обвинений в вульгарности перевода:

«Наявність на території України найдавнішого на планеті релігійно-наукового комплексу Шу-Нун / Кам'яна Могила (XII – III тис. до н. е.) та

найдавнішої держави Аратти (V–III тис. до н. е.) свідчить про те, що українська цивілізація є однією з найдавніших у світі.

Археологами доведено, що в ці ж часи уродженці України о(а)рійці вирушають у похід на Грецію та Малу Азію (Доріда), Єгипет, Сирію і Палестину, потрапивши в історичні хроніки (у тому числі і Біблію) під назвою “морських народів”...

Назва головного єгипетського храму Хет-ка-Пта виглядає “дуже вже українською” (точніше – пеласгійсько-лелегською): “Хат-ка-Птаха”, чи не так?..

Тому і думка І. Кузич-Березовського, що єгипетська державність і колонізація Палестини були здійснені під впливом цивілізацій кушанів і шумерів, котрі споріднені з українською цивілізацією, виглядає обґрунтованою. Він стверджує, що кушани були трипільцями: високі, світлоокі, русьві, ходили у вишиванках та “гуцульських” шапках, говорили праукраїнською мовою і будували церкви, які звалися “ступами”...

Фараони всіляко підтримували релігійність пересічних єгиптян з метою зміцнення своєї влади. Починаючи з фараонів V династії (середина III тис. до н. е.), вони включили до своєї титулатури частку “син Ра”. – А, може, “син (О)Ра”, який водночас вважається прабатьком українців?..

З єгипетським богом Сонця начебто розібралися. Нагадаємо лише, що солярний культ простежується в протошумерській (праукраїнській) міфології VIII–VII тис. до н. е., котра суттєво вплинула на релігійно-міфологічну систему Стародавнього Єгипту...

Загалом велична Єгипетська цивілізація протягом своєї історії формувалася під впливом кількох праукраїнських цивілізаційних хвиль».

Итак, с Древним Египтом все ясно. А как с другими древними народами – шумерами? Тут разъяснение дает доцент Львовского университета И. Лось: «Мы вспомнили, чьих отцов дети. Из глубины веков нас окликнули те наши предки, которые донесли благодатную культуру Триполья (то есть горшки) аж до Междуречья, где и возникла могучая цивилизация Шумерского царства; те прапрадеды, которые под именем “арии” осели в северо-западной Индии, а их предводитель под именем Рама впервые в деяниях человечества утверждал гуманность»^[8].

Академик, профессор, доктор филологических наук П. Кононенко, в своем учебнике «Українознавство» отождествляет князя Кия с Атилой и пишет, что «самі протоукраїнці творили життя у згоді зі своїм зовнішнім і внутрішнім світом. А той світ був глибоким, як сама історія, представники якої ще в давнину вважали скіфів-українців найпершим народом у світовій генеалогії».

Автор «Словаря древнеукраинской мифологии» С. Плачинда относит «протоукраинцев» еще дальше в глубь веков, например: «БАБА – одне з найстародавніших і найбільших божеств у прото-українців (кам'яний вік) та давніх українців (палеоліт, неоліт, енеоліт, бронзовий вік)».

О. Чайченко в изданной Военным издательством Украины в 2003 г. книге «Укры-арии» утверждает, что укры относились к пеласго-этрусским племенам, а протоукры были создателями «Ригведы»^[9].

Тот же С. Плачинда ссылается на античные авторитеты (Плутарха, Дионисия Галикарнасского, Диона Кассия, Страбона, «других античных нестор-летописцев» и, конечно же, на «великих громадян Росії» Классена и Черткова): «Это они рассказали о великой украинской наддержаве Венедии, что предшествовала Римской империи, о Трое, которую основали троянцы, то есть киевляне; об уках на Эльбе и на берегу Дуная; о том, как пелазги (протогреческие племена) еще в 1570 г. до н. э. называли хлеб паляницами... это они расшифровали украинские слова на могиле античного героя и царя Энея и доказали по материалам хроник, что Гомер не кто иной, как наш Боян». «Почему на протяжении почти двух тысячелетий так крепко держалась очень расчлененная, раскиданная повсюду, но могущественная праукраинская держава, что дала жизнь другим народам и государствам? И на чем держалась Венедия, когда в ее состав входило бесчисленное количество самостийных родов-племен, а именно: пелазги, лелеги, галичане, доляне, бодричи, попели, македонцы, горцы, укры, украины, этруски, обричи, троянцы и другие?» – вопрошает Плачинда и сразу дает ответ: «Древняя Украинская наддержава держалась на трех “китах”: вече, волхвы и язычество (обожествление природы)... И понятно, почему 988 год стал началом упадка и краха украинской государственности, которую погубила автократия»^[10].

Именно украинцы создали первую в мире буквенную азбуку, изобрели колесо и даже построили знаменитый ковчег. Небось не знаете, кто бы старик Ной по национальности?

«Владимир Пилат, верховный учитель и президент Международной федерации боевого гопака, придерживаясь схожих идей, отмечал в одной из своих книг, что Северное Причерноморье явилось отправной точкой для всей мировой истории.

Анализируя происхождение слова “гопак”, Пилат делает следующий вывод: “Мифологическая сущность корня-слога „го“ скрывает в себе огромный пласт информации, которая подтверждает мысль, что именно Украина была колыбелью человеческой цивилизации”.

По Пилату, название города Иерусалим означает “Е-рус-алим”, то есть поселение племени руссов, Назарет – город на заре, а Галилея – это город, где проживали галлы, предки галичан.

Говоря о корнях боевого гопака и о цивилизации древних укров, Пилат отмечает: “Боевая культура вавилонян была взята у шумеров и их надднепрянских предков”»^[11].

Единственное в мире упоминание о племени укров содержится в трехтомном труде X века «Деяния саксов» Видукинда Корвейского. В 42-й главе третьей книги есть такая запись: «В тот год Геро одержал славную победу над славянами, которые называются укры. В помощь ему король послал герцога Конрада. Добыча была взята оттуда огромная; в Саксонии поднялось великое ликование».

Говоря «в тот год», Видукинд Корвейский имеет в виду 954 год, под «украями» же подразумевает полабских славян. А при чем тут население Приднепровья? Мало того, большинство европейских историков считают 42-ю главу позднейшей интерполяцией.

Незалежные оппоненты могут мне возразить: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Святая правда! В РФ изданы десятки книг с фантастическими версиями происхождения русского народа, но это все – частные лица, и их печатают небольшими тиражами частные издательства.

Я же цитировал официальные высказывания академиков и профессоров, преподающих в государственных ВУЗах Республики Украина. Их опусы печатаются огромными тиражами и зачастую за казенный счет. Сказочки об «украхах» попадают в школьные и вузовские учебники, а изображения их – на почтовые марки, выпускаемые государством.

Вот 26 апреля 2006 года в Киеве открылась научная студенческая конференция «Молодежь и государственный язык». Ее участников убеждали, что-де Москву основали татары, а в IX веке уже существовал украинский город Севастополь!

Наиболее хитрые незалежные историки, понимая анекдотичность теорий существования народа укров, вынуждены были запутывать историю. Так, в ход пошли утверждения:

«Укры – это специфическая группа людей, древняя каста, интеллектуальная верхушка древнего общества, носители высоких духовных знаний. Это одаренные от Бога люди, люди древних духовных Знаний, люди с чрезвычайной развитой собственной энергетикой (биоэнергетикой), которые способны влиять на окружающих людей и мир.

Это носители очень древнего духовного мировоззрения которое они распространяли тысячелетиями на огромных просторах Евразии!

В разные эпохи, в разных местах, в Персии, Вавилонии, Шумере, Египте, Римской империи, у древних славян, их величали по-разному: мудрецами, пророками, Сыновьями Божьими, отцами, старейшинами, пророками, волхвами (волхвами-украи).

Именно волхвы, духовные учителя (укр и укры (народ) – “сильный духовным разумом”), и есть те загадочные укры, люди с чрезвычайно древней и чрезвычайно духовной (арийской) историей. Именно волхвы-укры создали мощный очаг славянообразования на землях древней Волыни, положив начало процессу духовного роста (просветления) местных народов, и дали своим ученикам имя – росы (просветленные), а также славяне (приподнятые духовно Матерью Славой), и дулибы (прямо идущие духовной дорогой).

История волхвов-укров есть одновременно и величественной и трагической. С периода своего появления в Европе в VI в. до н. э. и к началу активной войны идеологических противников против созданной ими просветительской системы волхвы-укры осуществили гигантскую объединительную работу и построили славянообразующий центр на Волынских землях – общеславянское государство Дулибию Рось»^[12].

Ну а есть ли на Украине историки, придерживающиеся иной точки зрения? Есть, безусловно, но их не допускают на кафедры университетов. А над некоторыми, как, например над Олесем Бузиной, устраивают физические расправы. Поэтому многие остепененные историки Украины, особенно ее юго-восточной части, в своих школьных и вузовских учебниках помалкивают об уках и о происхождении населения Приднепровья. Но даже у них украинский народ был всегда в пределах нынешних границ, а термин «Украина» был еще до Рождества Христова.

Вот, к примеру, труд весьма умеренного историка В.К. Губарева, изданный в Донецке в 2004 г.: «В VII в. до н. э. на смену киммерийцам в украинские степи с востока приходит другой воинственный народ – скифы»^[13].

Представьте себе французский или итальянский учебник истории, где было бы написано: «В I в. до н. э. итальянская армия под командованием Юлия Цезаря вторглась в Южную Францию». Тут хохотала бы вся Западная Европа.

Но профессора-незалежники твердо заучили формулу «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой». В результате несмотря на

всю анекдотичность басен о самом древнем народе на земле, все большее и большее число школьников и студентов начинают в это верить.

Глава 3

Сколько же лет граду Киеву?

«Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве» – так об основании Киева сказано в «Повести временных лет» в переводе Д.С. Лихачева.

Ну а в «Хронике» польского историка XV века Яна Длугоша говорится, что Аскольд и Дир – потомки Кия. Но Длугош ничего не говорит про V век, а еще хуже – именует Кия... польским князем^[14], потомком знаменитого Леха. Кстати, тот же Длугош упоминает о древней славянской легенде, повествующей о родных братьях Леха – Чехе и Русе. Естественно, эта легенда не имеет под собой никаких реальных оснований, но зато показывает историкам память народов о том, что когда-то поляки, чехи и восточные славяне были одним братским народом. Итак, по Длугошу, поляк Рус, потомок Леха, возглавил Русское государство.

Увы, версия об основателе Кие никогда всерьез не воспринималась историками. Даже ультранационалист М.С. Грушевский писал: «Из этих рассказов видно только, что о начале киевских князей ничего верного тогда в Киеве не знали, так как имя Кия и его рода произведены от имени киевских поселений; так обыкновенно рассказывают о начале какого-нибудь поселения, когда не знают его начала. Харьков – ну, значит, его основал Харько, Чернигов – основал его какой-то Чернига и т. п. Это обычное явление не только у нас, а и везде»^[15].

Но вот в 1979 г. некий киевский «совковый вельможа» Валентин Згурский решил сказку о Кие сделать былью и заодно «состарить» Киев лет эдак на 500. Для реализации этой идеи необходимо было разрешение Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР, а получить его было довольно сложно, поскольку в Политбюро требовали все новых и новых

подтверждений древности города. В 1980–1981 гг. в Москву то и дело наведывались то вице-мэр Киева Галина Менжерес, то председатель Общества охраны памятников истории и культуры УССР академик Петр Тронько. Они предоставили сотни «исторических» справок и документов, доказывающих, что к концу V века Киев действительно был уже городом. Как составлялись оные справки, нетрудно догадаться.

Окончательно вопрос решился, лишь когда первый секретарь ЦК компартии Украины В.В. Щербицкий лично обратился к генсеку Л.И. Брежневу. После этого Политбюро ЦК КПСС и Совет министров СССР издали совместное постановление о праздновании 1500-летия Киева.

Празднование юбилея назначили на 28–30 мая. Эту дату выбирали, исходя из практических соображений: тепло, солнечно, цветут каштаны, и при этом еще не начался период отпусков.

Вот как решались проблемы истории в брежневские времена – простенько и со вкусом.

К юбилею учредили и медаль «В память 1500-річчя Києва». Первое вручение этой медали было произведено 26 мая 1982 г., когда член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий вручил ее Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежневу «за огромный вклад в социально-культурное и экономическое развитие столицы Украины города-героя Киева». На 1 января 1995 г. юбилейной медалью «В память 1500-летия Киева» было награждено 780 180 человек.

Ну, медаль медалью, а лики основателей города треба побачить киевлянам. И вот скульптор Василий Бородай подарил по макету своей скульптуры – ладьи с основателями города – Брежневу и Щербицкому. Ладья понравилась обоим. Были даны соответствующие указания, и вот 22 мая 1982 г. состоялось торжественное открытие памятника в киевском парке у моста Патона.

Компания из трех братьев и их сестры Лыбеди стала темой множества анекдотов. Наиболее распространенные названия ладьи – «ковчег Ноя», «корыто», «лодка с пиратами» и «Титаник».

Ну а был ли мальчик, то бишь Кий? Начну с того, что слово «кий» в древнерусском языке означало «палка», «боевая палица». Отсюда и появился бильярдный кий. Ни в одном языке мира нет имени Кий, зато есть несколько славянских городов с близкими названиями: Киево (Польша), Кийова (Словакия), Киёво (Сербия). Не исключено, что названия всех городов произошли от польского слова «куява» – песчаный холм.

Большинство русских городов – Москва, Смоленск, Ярославль и др. –

исчисляют свой возраст от первого упоминания в достоверном источнике – летописи, хронике и т. д. Если же основываться на находках каких-то стоянок первобытного человека, селищах и т. д., то возраст русских, да и иностранных городов, можно увеличить в 2, 3, а то и в 10 раз.

Так, археолог В.В. Хвойка раскопал поселения позднего палеолита, известного под названием Кирилловской стоянки на Кирилловской улице (в советское время ул. Фрунзе) на Подоле. «На стоянке, в частности, были обнаружены остатки целого ряда небольших наземных жилищ в виде округлых и овальных в плане скоплений крупных костей животных, входивших в их конструкцию. Жилища эти в свое время имели вид конических шалашевидных построек, близких к чумам – жилищам народов Крайнего Севера в недавнем прошлом. Они были сооружены из деревянных жердей и покрыты шкурами животных. Снаружи для прочности и утепления стены жилищ были обставлены крупными костями животных, в частности, черепами мамонта, и частично присыпаны землей. На месте таких разрушенных жилищ в культурном слое сохранились скопления этих костей, обнаруженные при раскопках стоянки.

Кирилловская стоянка, представленная нижним культурным слоем, была родовым поселением охотников на мамонтов и других древних животных, большие стада которых встречались в то время на территории Среднего Приднепровья, в том числе и на территории Киева»^[16].

Если возраст Киева определять по этим стоянкам, то можно насчитать десятки тысяч лет.

Дело в том, что место, на котором сейчас стоит Киев, весьма удобно по ряду стратегических соображений. Так, оно расположено немного ниже впадения в Днепр его главных притоков Десны и Припяти. А по реке Десне проходит один из вариантов «пути из варяг в греки». Поднявшись по притоку Десны, а затем по Болтве, русы перетаскивали свои суда в реку Жиздру, приток Оки. Ну а приток Днепра Ворскла был соединен с Северским Донцом, притоком Дона.

Ну а поднявшись по Припяти, затем по ее притоку Пине, можно было волоком (а в XIX веке там был сооружен Днепро-Бугский канал) попасть на реку Буг, а далее на Вислу и на Балтику. Наконец, киевский холм был крайне удобен для строительства там фортификационных сооружений. Крутые берега на 80 и более метров возвышались над Днепром.

Так что несложно понять мотивы людей, периодически основывавших поселения на месте Киева. Другой вопрос, что никто пока не сумел доказать, что эти поселения существовали непрерывно, а это – главный критерий древности города, признанный учеными всего мира. И опять же

никто доподлинно не доказал, кто основал эти поселения и кто в них жил до IX века.

Археолог М.Ю. Брайчевский сообщает о находке в ходе раскопок 1947–1950 гг. на Замковой горе в Киеве медной римской монеты времен республики – асса, чеканенного в 200 г. до н. э. консулом Спурием Афранием^[17].

Кроме того, в разных частях Киева были найдены еще пять кладов римских монет III–IV веков. Так, в районе Оболонской улицы был найден клад, состоявший из римских и малоазиатских монет III–IV веков. Этот клад интересен тем, что указывает на взаимоотношения восточных славян не только с населением римских центров Северного Причерноморья и Подунавья, но и Малой Азии. Клад римских монет I–II веков н. э., который насчитывал свыше 350 монет, был найден на Кирилловской улице.

Большой клад римских монет был выкопан на Львовской площади. Здесь во время закладки фундамента при постройке бани рабочие нашли металлическую посудину, похожую на ведро (римскую сугилу), в которой было обнаружено около четырех тысяч римских монет. Находки римских монет встречались также на улице Толстого, вблизи Выдубецкого монастыря, на Печерске, около Мариинского дворца и в других местах.

Ну о чем это говорит? Да ни о чем! На этих местах могли быть временные стоянки купцов, обронивших или закопавших современные им монеты. Может, места стоянок могли быть казной вождей каких-то племен. Наконец, это могло быть розыгрышем археологов. Очень часто археологи подбрасывают в раскопки древние монеты, найденные совсем в иных местах. Цель – посмеяться над простаками или устроить «мировую сенсацию».

Каждый может в Интернете поинтересоваться, сколько римских и финикийских монет и даже финикийских текстов, вырубленных на камне, найдено в Новом Свете. Часть находок уже разоблачена учеными, о других историки спорят, но никому пока в голову не приходило менять дату открытия Америки.

Так что римские монеты, найденные на территории Киева, в самом лучшем случае доказывают факт прохождения торговых караванов по Днепру в первые века Новой эры.

Любопытные факты приводит археолог С.И. Климовский: «В 1876 г. при земляных работах в усадьбе купца Мара, расположенной под горой [Юрковицей], раскапывая ее склон, “нашли большую полость, наполненную огромным количеством костей – мужских, женских и детских... всего до 4000 черепов”. В 1863 г. здесь же обнаружили клад из

194 серебряных арабских монет. В 1845 г. клад медных арабских монет был найден возле Кирилловского монастыря. Из всего этого Антонович сделал вывод, что Юрковица и прилегающий район в VIII–IX вв. представляли собой многолюдный и торговый центр города, а саму гору отождествил с Хоревицей. Позднее его горячо поддержал Петров. Но вывод был сделан без раскопок самой Юрковицы и оказался ошибочным.

К тому же Антонович неправильно датировал оба клада. Клад 1863 г. был сокрыт не в VIII в., а не раньше середины X в., а клад, найденный возле Кирилловского монастыря, вообще уникален и точной датировке не поддается, поскольку содержал не только арабские монеты X в., но и монеты Золотой орды, чеканенные в 1253–1254 гг.»^[18].

Как видим, с датировкой монет как у дореволюционных, так и у современных ученых большие проблемы. А захоронение в полости из четырех тысяч черепов до сих пор так и не идентифицировано.

Боюсь, что дело тут не столько в нерадивости ученых, сколько в нежелании их, а главное, их начальства, делать какие-либо сенсационные открытия, которые могут разрушить столь любимые профессорами и президентами мифы.

«Византийских монет, являющихся памятником торговых связей восточных славян с Византией, на территории древней Руси встречается меньше, чем арабских. Это объясняется тем, что Русь вывозила в Византию примерно столько же товаров, сколько ввозила»^[19].

Сей вывод, на мой взгляд, более чем странен. Традиционно считается, что число найденных монет пропорционально объему торговли с регионом, откуда поступали эти деньги. Получается, что в VIII–IX веках торговые связи населения Киева были налажены в основном с Востоком.

Ряд зарубежных историков, в том числе Омелян Прицак, указывают, что на основе анализа древнерусских источников и трудов арабского литератора, историка и географа X века ал-Масуди Киев, как город и поляне с левого берега Днепра, как клан Кия, связаны с хазарами, а имя Кий (Киуа) является хорезмийским, относящимся к восточноиранским языкам. Носитель этого имени, согласно этим источникам, был хазарским вазиром (военачальником)^[20].

Возникновение Киева относится ими к началу VIII века, когда эти места были подвластны хазарам, а населяли их тюркские, иранские и славянские племена. Указывается, что русы начали проникать в хазарский Киев лишь в 910-х годах.

Любопытно, что в середине X века византийский император

Константин VII Багрянородный называл Киев «Самбатас». Как видим, это хазарское название, а не славянское.

Версия основания Киева хазарами была крайне неприятна как русским императорам, так и советским генсекам.

«Так, в 1951 г., в разгар борьбы с космополитизмом, в “Правде” появилась статья некоего П.И. Иванова “Об одной ошибочной концепции”. Статья осуждала публикации результатов исследований по истории давно исчезнувших хазар и явилась прологом крестового похода против ученых, преувеличивавших значение хазар в русской истории и принижавших роль русского народа в мировой истории. Выступление “Правды” вызвало замешательство в среде ученых и надолго задержало публикации объективных научных трудов о хазарах.

В 1952 году, вслед за статьей в “Правде” вышла работа будущего академика Б.А. Рыбакова “Русь и Хазария”, изображающая Хазарию маленьким полукочевым паразитическим государством, существовавшим за счет взимания пошлин с купцов, следовавших через хазарские города. Труд этот на долгие годы предопределил отношение ученых к проблеме Хазарии. А позднее, в 1953 г., Н.Я. Мерперт в статье “Против извращения хазарской проблемы” (в сборнике “Против вульгаризации марксизма в археологии”) сформулировал “правильный” взгляд на историю хазар...

В хазарские времена в Киеве существовала большая еврейская община, которая имела обширные связи с единоверцами разных стран и славилась своей ученостью. Первый документ, в котором встречается упоминание о Киеве, был написан евреями города, в котором сидел хазарский наместник. Это письмо членов общины, найденное в генизе (хранилище для неиспользуемых книг и рукописей, в которых упоминается Бог) древней синагоги города Фустат-Миср, столицы средневекового Египта. Письмо в 1896 г. нашел учёный и путешественник Соломон Шехтер и передал его в библиотеку Кембриджского университета в составе коллекции подобных манускриптов, где оно пролежало до нынешних времен. Это письмо является автографом, подлинным документом, а не позднейшей копией и явно написано хазарскими евреями, проживавшими в Киеве в первой половине X в. Документ составлен на прекрасном литературном иврите, в нем упоминается этот город, он подписан евреями, носящими как хазарские, так и еврейские имена, и имеет приписку должностного лица города на хазарском языке, написанную тюркскими рунами, означающую “Я прочел (это)”, что свидетельствовало о достоверности документа при использовании в путешествии. В Кембриджской университетской библиотеке письмо было обнаружено в

1962 г. Н. Голбом, исследовано им и опубликовано в 1982 г. в Лондоне. Письмо убедительно опровергает распространенное среди некоторых советских ученых мнение, что известные источники об иудаизации хазар являются подделками»^[21].

О том, что в Киеве жили хазары, свидетельствуют и топонимические термины: «козары», «хазарские ворота», «жидове», «жидовские ворота», упоминаемые в русских летописях 1146 и 1151 годов. Ряд русских летописей говорят и о дани, которую платило хазарам население Приднепровья.

Итак, какие же выводы делает автор? Ну, во-первых, основание Киева в 482 г. от Рождества Христова – бредовая выдумка киевских партаппаратчиков. В I–VIII веках люди периодически селились на киевских горах, но никакого непрерывно функционирующего города не было. Ну а Кий – или миф, или какой-то хазарский князек VIII – первой половины IX века. Ну и, наконец, красная, а затем оранжевая профессура сделала все, чтобы запутать до предела историю возникновения Киева, исходя из корыстных интересов власть имущих.

Глава 4

Пришествие варягов

В лето 6370^[22] от Сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?” Тамошние же жители ответили: “Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»^[23].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску.

Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь Средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный и опасный путь. Сколько норманнских драккаров ежегодно гибло в омывавших Европу морях.

Замечу, что даже в XIX веке штормы в Северном море и Бискайском заливе наводили ужас на торговых и даже военных моряков. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или

войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «φοισεῦχτοι», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славяно-норманнских отношений.

Разобравшись с варягами, обратимся к личности Рюрика. Ряд историков, включая Б.А. Рыбакова, отождествляет летописного Рюрика с Рёриком Ютландским из семьи мелкого датского конунга, владевшего местечком Дорестада в Фрисландии.

Полное имя Рюрика Herraud-Hrorekr Ludbrandson Srgnjotr Thruvar (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия). Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов.

Рюрик родился в 800 г. Его отцом был Людбрант Бьерк – мелкий датский конунг из рода Скъелдунгов. В 782 г., то есть еще до рождения Рюрика, Людбрант был изгнан из Ютландии и поступил на службу к королю франков Карлу Великому. Король пожаловал Людбранту ленное владение во Фрисланде (на побережье Северного моря). В царствование сына Карла Великого Людовика Благочестивого Рюрик и его старший брат Харальд приняли крещение. После этого Людовик даровал братьям в ленное владение область Рустриген во Фрисланде. Вскоре Харальд умирает, и Рюрик становится единственным владельцем лена.

Однако в 843 г. новый император Лотарь отобрал фрисландский лен у Рюрика. Рюрик, естественно, обиделся, вернулся в язычество и занялся пиратством.

В 845 г. его дружина грабила берега Эльбы, а в следующем году Рюрик совершил набег на Францию. В 850 г. он погулял по восточному побережью Англии.

В 862 г. Рюрик исчезает из западных Хроник. Лишь в 870 г. он вновь появляется на Западе. К этому времени император Лотарь был уже мертв. В 870–873 гг. Рюрик ведет переговоры с королем франков Карлом Лысым и германским королем Людовиком.

Ряд западных и польских историков полагают, что Рюрик умер в Западной Европе между 874 и 876 гг.

Любопытно, что все русские летописи молчат о кончине Рюрика и его деятельности после 870 года. Лишь в «Повести временных лет» говорится: «В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу

своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»^[24].

Зато современные авторы выдвигают самые различные предположения о последних годах жизни Рюрика. Он-де вернулся в 874 г. в Новгород и умер там в 879 году. По другой версии он умер в городе Корела, и вообще Рюрик – уроженец Карелии. Увы, никаких достоверных подтверждений этих и других версий их авторами не приводится.

Так что наиболее вероятно, что конунг Рюрик с дружиной действительно прибыл на Русь в 862 г., а спустя 8 лет поехал возвращать свои ленные земли во Фрисланд, где и скончался.

А вот его братья Синеус и Трувор являются плодом фантазии русского летописца. Возможно, он имел какой-то документ, славянский или норманнский, где и нашел непонятые слова «синеус» (*sine hus* – свой род) и «трувор» (*thru varing* – верная дружина). Видимо, о Рёрике было сказано, что он прибыл со своими родичами и верной дружиной, которых малограмотный летописец превратил в братьев Рюрика. Не имея никаких сведений о деятельности Трувора и Синеуса и об их потомстве, летописец умертвил обоих братьев в 864 году.

Теперь остается последний вопрос, а какую это «русь» привел Рюрик? В книге «Викинги», изданной в Москве в 1995 году огромным для нынешнего времени тиражом 50 тысяч экземпляров, говорится: «Славяне называли викингов русами, поэтому территория, где расселились русы, получила название Русь (впоследствии – Россия)»^[25]. Мягко выражаясь, это буйная фантазия господ Филиппы Уингейт и Энна Милларда, как, впрочем, и иных иностранных и отечественных историков^[26]. Дело в том, что в Скандинавии не было не только племени варягов, но и руси. А русью или русами норманнов называли только в Восточной Европе.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «*routsi*», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, адвигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

В IX – X веках знаменитый «путь из варяг в греки» стал государствообразующим для России. Сразу оговорюсь: этот «Путь» надо понимать не в узком смысле, как нас учили в школе: Финский залив – Нева

– Ладога – Волхов – Ильмень-озеро – Ловать – волоки – Днепр – Черное море. Это лишь один из вариантов пути, по которому, по моей оценке, в IX – XI веках не проходило и десятой доли товарооборота Древней Руси. На самом деле русы освоили несколько десятков речных и озерных путей, которые можно с некоторой натяжкой включить в «путь из варяг в греки».

Начну с того, что перейти с Балтики на Днепр, скажем, в районе Смоленска, можно еще как минимум тремя путями. Первый путь из Финского залива через реку Нарову в Чудское, а затем в Псковское озеро, после вверх по реке Великой и ее притокам, затем волок и – в Днепр.

Второй путь (для удобства читателя я опишу его в обратном направлении) ведет из Чудского озера в Балтийское море. Поднимаясь вверх по реке Эмба до озера Выртсьярва, ладьи затем входили в устье реки Тянасилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Третий путь из Балтики на Днепр наиболее простой – вверх от нынешней Риги по Западной Двине до нынешнего городка Сураж на границе Беларуси и РФ, а оттуда вверх по притоку Северной Двины реке Каспле до озера Каспля. А от озера вверх до впадения в него речек Клец и Лелеква. Обратим внимание, рядом деревня Волоковая. Далее – волок 6–7 км по болотам и озеро Курино, из которого вытекает речка Катынь – правый приток Днепра.

Стоит сказать, что название поселка Катынь на одноименной реке произошло не от слова «кат» – палач, то есть место, где жили палачи, как выдумали господин Збигнев Бжезинский и другие наши заклятые друзья поляки, а от слова «катить». Именно там перекатывали на бревнах ладьи.

Рассматривая систему волоков, невольно приходишь к выводу, что центром пересечения речных путей на Руси и, соответственно, ключевым пунктом «пути из варяг в греки» был не Новгород, не Ладога^[27] и уж подавно не Киев, а древний Смоленск.

По этому поводу профессор П.В. Голубовский писал: «От озера Селигера, в направлении с северо-запада на юго-восток, Смоленскую землю окаймляла р. Волга. Впрочем, озеро Селигер лежало уже вне Смоленского княжества, зато озера Пено и Волго принадлежали ему, по всей вероятности, целиком. Из ее левых притоков для нас интересна река Медведица. Еще важнее Вазуза с притоком Гжатью, Лама и Ока, приносящая свои воды в Волгу с правой стороны. В реку Оку текут с левой

стороны Угра, Протва, Москва. Последняя своими верховьями и притоком Колочей, как и Протва, речками Берегой и Рудью, сближаются с системой реки Вазузы. Тут посредствующими звеньями является множество мелких речек, из которых мы отметим Оболонь. Сюда же своими верховьями подходит река Воря, вливающаяся в Угру с левой стороны. Верховья левых притоков Вазузы приводят к системе реки Днепра. Не труден был переход целым рядом речек и самых ничтожных волоков и волочков в реку Вязму и Десну, или в реку Обшу, которая уже вела на запад в систему двинскую. Последняя через Обшу в свою очередь соединяется природой с системой днепровской, именно с верховьями самого Днепра, которые отделяются от Обши и других речек двинской системы лишь узким гребнем.

Течение Днепра в верхней его части довольно извилисто. Общее направление его – к юго-западу продолжается приблизительно до города Орши, откуда он круто поворачивает на юг. Из притоков его с правой стороны останавливают на себе наше внимание: Вержа Большая, Воць, в которую впадает Вотря с Вотрицей (Ветрицей); множество небольших речек с озерами большей или меньшей величины сближают правый берег Днепра с левыми притоками Западной Двины. Почти у самых верховьев Днепра в него впадает небольшая речка Солодовня, интересная лишь в том отношении, что на ней, по предположению, стоял один из городов Смоленского княжества. Далее идут: Вязма, Сожь и Десна. Последняя, впрочем, принадлежала Смоленской земле лишь своими верховьями, точно так же, как и ее левый приток, Болва. Зато Сожь почти до самого своего устья протекала по Смоленскому княжеству. Из его притоков следует упомянуть: Осетр с левой стороны, а с правой Вехру и Проню с Басей.

К верховьям Волги подходит начало реки Западной Двины. Я уже говорил, что с бассейном волжским последняя сближается чрез Обшу, левый приток Межи, впадающей в Западную Двину с левой же стороны. Затем обращает на себя внимание Касиля, очень близко подходящая своим истоком к системе Днепра. С правой стороны Западная Двина принимает р. Торопу и р. Жижцу, вытекающую из озера Жижца; тут же невдалеке лежит озеро Двино, соединяющееся с Западной Двиной. Смоленской же земле принадлежала р. Кунья, правый приток Ловати, но ее устье находилось уже в области Великого Новгорода»^[28].

Элементом «пути из варяг в греки» можно считать и волоки, соединявшие притоки Днепра с Окой и Доном. Поднявшись по притоку Днепра Десне, а затем по Болтве, русы перетаскивали свои суда в реку Жиздру, приток Оки. Ну а приток Днепра Ворскла был соединен с Северным Донцом, притоком Дона.

И, наконец, Волга и Дон в районе городка Переволочны, там, где в конце 40-х годов XX века был построен канал Волго-Дон, были соединены волоками.

Не следует забывать, что в VIII–XII веках реки в Центральной России были куда более полноводными, чем сейчас. Да и в начале XX века по Днепру пассажирские и грузовые пароходы ходили вверх от Смоленска до Дорогобужа, а сейчас Днепр у Смоленска можно перейти вброд.

На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точек зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII–VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства, или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского морей. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по «пути из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датированных одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город Aldeigja (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержащих 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–

760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современно Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

Был и другой путь с Балтики на Волгу – через Новгород. Из Ильмень-озера варяги выходили в реку Мству, а у Вышнего Волочка волоком тащили суда в реку Тверцу. Тверца же впадает в Волгу у нынешней Твери.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800 – 1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории Угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево, недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века. Рядом с поселением обнаружено свыше четырехсот курганов. Любопытно, среди раскопанных курганов есть как норманнские, так и славянские захоронения, а также захоронения племен, близких к угрофиннам. В Тимереве найдено несколько кладов с тысячами арабских монет, самая древняя датирована 867 годом. К сожалению, большинство монет расхищено.

Кроме Тимерева норманнские поселения и клады арабских монет обнаружены в районе Михайловки, Петровского (рядом с Ярославлем) и в других районах верхней Волги.

Много поселений основали варяги и на «Пути из варяг в греки». Самым крупным считается так называемое Гнездовское городище. Археологи еще в XIX веке обнаружили большой город у села Гнездово в 12–15 км от современного Смоленска. Гнездовское городище было защищено земляным валом. Рядом расположено свыше двух тысяч курганов с захоронениями в большинстве случаев варяжского типа. Археологи считают, что Гнездовское городище возникло в начале IX века, а с начала X века жизнь в нем постепенно стала гаснуть. В конце же IX века там проживало 4–5 тысяч жителей, в основном воинов и купцов.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег захватил в 882 г. Смоленск. Однако советские археологи так и не смогли найти в Смоленске культурного слоя IX – X веков^[29]. В свою очередь, ни в одной русской летописи не упоминается Гнездовское городище или иной город, расположенный рядом со Смоленском. Это дает основание полагать, что Гнездово и есть древний Смоленск, а в конце X – начале XI века город был перенесен на другое место. Кстати, перенос города – довольно типичное событие для Средневековой Руси. Так, к примеру, на новые места были перенесены Тверь, Белозерск и другие города.

Как же называлось в IX – X веках Гнездовское городище? Историки на этот счет молчат. Я же решил предположить, что Смоленском. Дело в том, что арабские географы IX – X веков знали город Измилинка (Измилинка) на Днепре. Если в это время не было нынешнего Смоленска, то это значит, что арабы так называли Гнездовское городище.

Возможно, я немного утомил читателя рассказом о водных путях и варяжско-славянских городищах. Но ведь именно в этих городищах и возник новый народ русов. А «путь из варяг в греки» стал государствообразующим путем. Речные пути и волоки были единственным звеном, связывавшим славянские земли.

И вот пришел смелый и удачливый конунг Рюрик, и ему подчинились русы на севере славянской земли, а спустя 20 лет его воеводе Олегу подчинились и южные города Руси.

А кто же тогда киевские князья Аскольд и Дир? Согласно русской летописи, Аскольд и Дир – вроде бы бывшие воеводы Рюрика и объявляются в Киеве в середине IX века. При этом наши летописцы не знают, каким маршрутом прибыл Аскольд.

18 июня 860 г. Аскольд привел русскую дружину («россов», как писали византийцы) под Константинополь. Из устья Днепра около двухсот судов приплыли к Босфору. Византийский автор описывает это нашествие следующим образом: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле, и по имени народ, ... посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте

их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять...»^[30].

Взять Константинополь тогда руссам не удалось, но они страшно опустошили окрестности византийской столицы, включая Принцевы острова в Мраморном море, и 25 июня отправились восвояси.

Византийские источники и русские летописи приводят различные причины ухода россов. По одной из них, к Константинополю форсированным маршем подошел император Михаил с большим войском, которое ранее направлялось для войны с арабами. По другой версии, разразилась страшная буря, изрядно потрепавшая суда россов. Наконец, по третьей версии, византийцы и россы заключили мир, и последние, получив солидные откупные, отправились домой.

Согласно русским и византийским источникам, Аскольд и часть его дружины крестились, причем Аскольд получил христианское имя Николай. В русских летописях содержатся лишь отрывочные сведения о деятельности Аскольда. Так, в 872 г. «убиен был от болгар сын Аскольдов». В 875 г. «Оскольд [Аскольд] избиша множество печенег». В 875 г. «ходил Оскольд на кривичей^[31] и тех победив...»

Июньским днем 882 г. к Киеву с севера подошел караван ладей с купцами-русами. Они причалили к берегу, и начался торг. Князь Аскольд (а по летописи, естественно, Аскольд и Дир) с небольшой свитой вышел посмотреть на товары и узнать новости. Внезапно с ладей выскочили спрятанные там варяги. После короткой стычки Аскольд (вместе со своей «тенью») был убит.

Изумленные горожане узнали, что перед ними не купцы, а дружина русов во главе с воеводой Олегом, который приходился каким-то родственником Рюрику и привез с собой из Новгорода Игоря – малолетнего сына Рюрика.

Согласно летописи, Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского», и, указывая на вынесенного в это время из ладьи Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков».

Олег с честью похоронил князя Аскольда. В летописях и былинах есть упоминание об «Аскольдовой могиле», при этом о «Дировой могиле» никаких сведений нет, разумеется, за исключением досужих «сенсаций» желтой прессы.

В пику православным людям «оранжевые» власти Украины в 1993

году отдали церковь «Аскольда-Николая» в Киеве, вблизи которой, по преданию, похоронен князь Аскольд, униатской церкви.

Любопытно, что арабский историк ал-Йа'куба (умер между 897–905) в своей «Книге стран» писал, что «в реку Кордовы [река Гвадалквивир] вошли маджусы^[32], которых называют руссами, в году 229/843 – 844, и грабили, и жгли, и убивали»^[33].

Ряд арабских историков упоминают, что отряд русов состоял на службе у эмира Кордовы. А командовал ими... Аскольд аль-Дир.

Легко реконструировать дальнейшие события. Отслужив эмиру Кордовы, Аскольд аль-Дир южным путем через Византию или северным путем через Балтику и Новгород мог попасть в Киев. Он, судя по всему, занимает город без борьбы. Киевляне признают его своим князем. А вот позже русские летописцы, видимо, из-за какой-то описки в недошедших до нас манускриптах превратили князя русов в двух князей – Аскольда и Дира.

Замечу, что имя Ashold, или Asholt, в переводе с готского обозначает «честь ариев». Его давали будущим воинам, судьба которых была заранее предопределена. А Дир – это прозвище Аскольда. В переводе с готского Dyr, Djur означает «зверь».

Но вот перед нами книга «арабского Геродота» Хасим Ал-Масуди (умер в 956 г.), где говорится: «Эта разновидность славян и другие из них примыкают к востоку и [простираются] с запада. Первый из царей славянских – ал-Дир. У него обширные города и многочисленные земли. Купцы-мусульмане направляются в его столицу с товарами»^[34].

Так значит, аль-Дир был реальным владетельным князем, а не мифом! Но позвольте, а где Аскольд? Все русские летописи упоминают об Аскольде и Дире только в паре – «шерочка с машерочкой», а у арабов, как видим, или «Аскольд аль Дир», или «аль Дир». Итак, вместе они не встречаются ни у арабов, ни у византийцев.

Советский историк номер один академик Борис Александрович Рыбаков в 1992 г. писал, что византийский император Василий I (867–886) называл Аскольда «прегордым Каганом северных скифов». «Личность князя Дира нам не ясна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Оскольду, так как при описании их, якобы совместных, действий грамматическая форма дает нам единственное, а не двойственное или множественное число, как следовало бы при описании совместных действий двух лиц»^[35].

Как видим, и время, и должность заставляют академика прибегать к осторожным формулировкам.

Итак, что же «выпадает в осадок»? Аскольд аль Дир на 99,99 % был одним человеком. Мало того, он не имел никаких родственных связей ни с мифическим Кием, ни с хазарскими князьями. Другой вопрос, что Аскольд мог платить дань хазарам. Во всяком случае, русы, ходившие в походы на Каспий в конце IX – начале X века, отдавали часть награбленной добычи хазарскому князю.

Как видим, без наличия «пути из варяг в греки» было бы невозможно создание Древнерусского государства. Именно дружины варягов и славян, называемые руссами, создали русский народ и Древнерусское государство. Причем центром «кристаллизации» было не одно какое-то место, например, Киев, а параллельно несколько – та же Ладога, Гнёздовское городище под Смоленском, Тимерево городище на Волге, остров Русов на Таманском полуострове и др. Причем варяги и славяне во всех этих центрах в целом ничем не отличались друг от друга. Все они были русы, о чем писали как в русских летописях XI–XII веков, так и в многочисленных свидетельствах современников – арабов, византийцев, франков и др.

Глава 5

Герой двух мифологий

В начале ХХI века сложилась трагикомическая ситуация. У одной и той же страны Руси-России-СССР оказались две истории, причем взаимоисключающие друг друга. Предатели и мошенники одной стороны являются героями другой. Как, например, Мазепа и Петр Великий, Щорс и Петлюра. Создателем Черноморского флота вместо Потемкина и Ушакова объявлен... гетман Сагайдачный и т. п.

На Украине уже 15 лет ведется война памятников. Одни памятники уничтожаются, другие оскверняются. Причем делается сие как официальными властями, так и частными самостийниками. Дошло до того, что приехавшие из Львова студенты осквернили памятник затопленным кораблям в Севастополе.

Однако есть одна историческая личность, которую два последних десятилетия усиленно превозносят ученые мужи Москвы и Киева. Речь идет о князе Ярославе Мудром. Сразу замечу, что «Мудрым» его не звали ни современники, ни праправнуки. Впервые киевского князя Ярослава Владимировича назвал «Мудрым» придворный историк начала ХIХ века Николай Михайлович Карамзин, и пошло-поехало...

23 октября 1993 г. в Ярославле в присутствии Президента РФ Б.Н. Ельцина был торжественно открыт памятник Ярославу Мудрому. В Киеве решили не отставать и в 1997 г. открыли свой памятник украинскому князю Ярославу Владимировичу.

На обоих памятниках князь держит в руках макет каких-то построек, за что остряки обоих народов окрестили его «мужиком с тортом». Зато какая разница во внешности князя! Русский князь Ярослав Мудрый – природный русак с классической бородой, как у Александра Невского на картинах Павла Корина. А украинский князь Ярослав Мудрый первоначально тоже был бородатым, но потом его побрили и прилепили лихие казацкие усы. Теперь он прямо просится на картину Василия Сурикова «Запорожцы пишут письма турецкому султану».

Бородатый Ярослав украшает российскую 1000-рублевую купюру, а усатый Ярослав – купюру в 2 гривны.

Зато иерархи Украины оценили Ярослава выше, чем в России. Так, 8 декабря 2005 г. по благословению Московского патриарха Алексия III дата

20 февраля (5 марта) была внесена в месяцеслов как день памяти святого князя Ярослава Мудрого. А в ноябре 2011 г. в Ярославле митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеймон освятил первый храм «в честь князя Ярослава».

Ну а решением Священного Синода Украинской православной церкви от 10 февраля 2011 г. положено совершать празднование святого благоверного князя Ярослава Мудрого 15 (28) июля, в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира.

Итак, и в России, и на Украине попы воздают молитвы, а верующие бьют поклоны бородавтому или, соответственно, усатому мудрому князю.

Так кем же был князь Ярослав, сын Владимира Святого? Полное изложение истории Древнерусского государства выходит за рамки нашей работы, но сказать несколько слов о том, что произошло в Киеве после убийства в 882 г. князя Аскольда аль– Дира все-таки придется.

Князь Олег сделал Киев своей столицей. О правлении Олега известно очень мало. Он совершил несколько походов на славянские племена. Где силой, где угрозами он заставил их платить дань Киеву. Начал он в 883 г. с древлян, на следующий год пошел на северян, затем почти двадцать лет ушло на покорение дулебов, хорватов и тиверцев, но кривичей покорить не удалось.

Князь Олег вошел в нашу историю знаменитым походом на Царьград.

В 907 г. Олег, оставив Игоря в Киеве, отправился в поход на Константинополь. Конные воины двинулись берегом, а большинство ратников – на судах. Согласно русской летописи, у Олега было 2000 судов, на каждом из которых размещалось по 40 человек. Таким образом, только морем шла восьмидесятитысячная рать. Это, естественно, многократное преувеличение летописца, но бесспорно, что число ратников было очень велико.

В ходе непродолжительной осады Константинополя часть русского войска рассеялась по окрестностям византийской столицы и разорила их. Согласно русской летописи, «много палат разбили и церквей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море».

В конце концов греки пообещали Олегу выплатить огромную контрибуцию – по 12 гривен на весло (по другим сведениям, на корабль).

Обратим внимание на условия договора с греками, они нам еще пригодятся.

«Олег отправил к императору послов – Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще клады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов,

Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи; Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев – хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях, сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якоря, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи его приняли условия, только с следующими изменениями: русские, пришедшие для дел торговли, не берут месячины; князь должен запретить своим русским грабить села в стране греческой; русские, пришедши в Константинополь, могут жить только у св. Мамы [храм св. Мамы в предместье Константинополя – А.Ш.], император пошлет переписать их имена, и тогда они будут брать свои месячины – сперва киевляне, потом черниговцы, переяславцы и другие; входить в город будут они одними воротами, вместе с чиновником императорским, без оружия, не более 50 человек и пусть торгуют, как им надобно, не платя никаких пошлин»^[36].

Император Леон (Лев VI, годы правления 886–912) целовал крест в соблюдении договора. Олег и его мужи клялись оружием и славянскими богами Перуном и Велесом. Любопытно, что и в 907 г., и через четыре года, когда послы из Киева приезжали за подтверждением договора, из четырнадцати человек лишь двое имели славянские имена – Велемудр и Стемир, а остальные – скандинавские: Карл, Фарлаф, Рулав, Руальд, Труан и т. д. Но оба раза все послы клялись славянскими богами.

Согласно легенде, именно в этом походе Олег демонстративно прибил свой щит к воротам Константинополя в знак покорения греков его воле.

Как мы знаем из летописей, князю Олегу наследовал сын Игорь. После Игоря правила его жена Ольга, а затем – их сын Святослав.

Тут стоит заметить, что до конца XVIII – начала XIX века никто нигде и никогда не использовал термин «Киевская Русь». В X – XII веках Древнерусское государство именовали просто Русской землей. Ну а введенное через тысячу лет обозначение «Киевская Русь» оказалось очень удобной меткой, поскольку в XIII–XIV веках часто русские земли именовали по названиям главных городов – Рязанская земля, Новгородская земля, Московское государство и т. п.

Кстати, антиисторические, но удобные метки постоянно используются современными историками. И я, грешный, иной раз могу написать «древний боярский род». Этот термин справедлив лишь для Господина Великого Новгорода и Юго-западной Руси IX–XIV веков, где звание боярина было наследственным. Ну а для Владимиро-Суздальской Руси и

позже Московского государства это сродни «древнему генеральскому роду». Сын боярина при отсутствии способностей мог остаться на всю жизнь стольником, а то и спиться или быть убитым в звании рынды.

Такой же удобной меткой был и термин «Киевская Русь». Однако после 1991 г. «оранжевые» историки стали использовать этот термин для доказательства того, что Правобережье и Левобережье Днепра было каким-то особым государством и помимо Киевской Руси имело второе название – «Украина-Русь». Разумеется, никаких доказательств этому нет, но и без них эти фэнтези попали на страницы школьных и вузовских учебников по истории.

Ну а мы пойдем вперед, к мудрому Ярославу – герою двух мифологий.

У Святослава Игоревича было два сына – Ярополк и Олег – от жены Преславы и сын Владимир от ключницы Малуши. Надо сказать, что у славян в IX–X веках была распространена полигамия, и князья, как правило, имели несколько жен. Бытует мнение, что с принятием христианства полигамия исчезла автоматически. На самом же деле отдельные князья и в XI–XII веках имели параллельно по несколько жен.

Отправляясь в поход в Болгарию, Святослав оставил сына Ярополка княжить вместо себя в Киеве, а Олега назначил наместником в древлянские земли. Малолетний Владимир был послан наместником в далекий Новгород.

После смерти Святослава мир между братьями продолжался недолго. В ходе княжеских свар в 977–980 гг. сыновья Святослава Олег и Ярополк были убиты, а на Киевский стол сел Владимир.

В 981 г. Владимир пошел войной на польские земли. Напомню, что польский князь Мешко I еще в 966 г. принял христианство, но не от греков, а от немцев.

Русские заняли Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты [\[37\]](#).

Русские же летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря.

Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко

«за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война велась в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967 – 1025 гг.), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Примерно^[38] в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира Святополка.

Еще в начале своего княжения Владимир попытался реформировать пантеон славянских богов и сделать язычество государственной религией.

Как гласит «Повесть временных лет»: «И постави кумиры на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голову его серебряную, а ус золотой, и Херса, и Дажьбога, и Стрибога, и Семарьгла, и Макошь».

Таким образом, официальный пантеон состоял из шести богов. Новые идолы были поставлены не в отдалении («на холме»), как стоял Перун во времена князя Игоря, а непосредственно рядом с княжеским дворцовым комплексом, но не внутри его, что замыкало бы богослужение в узком придворном кругу, а «вне двора теремного», в самом центре киевской крепости.

В конце X века Византия переживает трудные времена. Болгария, покоренная после ухода войска Святослава, вновь отпала от империи. В Малой Азии поднял мятеж полководец Варда Фока. К лету 988 г. его войско захватило большую часть Малой Азии. Мятежники заняли высоты вокруг Хрисополя (Скутари) – азиатского предместья Константинополя. Возникла реальная угроза власти императора Василия II. Обстоятельства вынудили василевса^[39] вновь вспомнить о дружинах киевских князей и искать у Руси помощи.

Далее я предоставляю слово арабскому историку первой половины XI века Яхье Антиохийскому: «И стало опасным дело его (Василия) по причине силы войска и победы [Варды Фоки], истощились его богатства, и побудила его нужда послать к царю руссов – а они его враги, – чтобы просить их помочь ему в настоящем положении, и согласился тот на это. И заключили они между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия после того, как он поставил ему условие, чтобы крестился он и весь народ его страны, а они народ великий... И послал ему царь Василий впоследствии митрополита и епископов, а те окрестили царя и всех, кого обнимала его земля, и отправил к нему сестру свою, и она

построила многие церкви в стране руссов. И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войсками греков, какие были у царя Василия, и отправились на борьбу в Вардой Фокой морем и сушей к Хрисополю. И победили Фоку»^[40].

Рассказ Яхьи очень лаконичен и точен. Действительно, летом 988 г. русский шеститысячный отряд прибыл в Константинополь на помощь Василию II. Через несколько дней русские дружины были десантированы с византийских кораблей на азиатский берег Босфора у Хрисополя. Войска мятежников были разбиты. Затем византийский флот произвел еще один десант на малазийском берегу под Лампсаком. В апреле 989 г. у города Абидоса произошло решающее сражение императорской армии, ядром которой были русские дружины, с войском Варды Фоки. В разгар сражения Варду Фоку хватил апоплексический удар. Смерть вождя и натиск императорской армии привели к полному разгрому мятежников.

Но, получив русскую помощь, Василий II не спешил выполнять соглашение и отправлять сестру в далекий языческий Киев.

Взбешенный киевский князь Владимир решил добиться обещания силой. Весной 989 г. русская флотилия подошла к византийскому городу Херсонесу (Корсуню), который сейчас территориально входит в состав Севастополя. Русские суда вошли в нынешнюю Карантинную бухту и высадили там десант. Однако осада затянулась на несколько месяцев, не принося желаемого результата, так как защитники, стойко оборонявшие крепостные стены, продолжали получать продовольствие с моря, а воду – из городского водопровода.

Согласно русской летописи, однажды один знатный корсунянин Анастас пустил в русский стан Владимира стрелу с прикрепленной запиской: «За тобою, с восточной стороны, лежат колодцы, от них вода идет по трубе в город, перекопай и перейми ее». Узнав об этом, Владимир поднял глаза к небу и воскликнул: «Если это сбудется, я крещусь». Это был не первый случай, когда языческий князь принимал христианскую веру при условии победы, которую должен получить с помощью нового божества.

Владимир тотчас же приказал копать напротив трубы, и вода была перенята, что вынудило херсонесцев, изнемогавших от жажды, сдаться.

Владимир с дружиной вошел в город и послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем».

Испуганные императоры велели ответить великому князю киевскому: «Не следует христианам отдавать родственниц своих за язычников; но если

крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе царство небесное, и с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать сестры своей за тебя». Владимир отвечал на это императорским посланцам: «Скажите царям, что я крещусь; и уже прежде испытал ваш закон, любя мне ваша вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные нами мужи».

Императоры обрадовались и уговорили свою сестру Анну выйти за Владимира, а ему послали сказать: «Крестись, и тогда пошлем к тебе сестру». Но Владимир велел отвечать: «Пусть те священники, которые придут с сестрою вашею, крестят меня». Императоры так и сделали, и послали Анну вместе с несколькими сановниками и пресвитерами.

Сразу замечу, что ряд историков оспаривают эту версию, но, увы, не приводят исчерпывающих доказательств.

Результатом крещения Владимира стало то, что русская церковь попала в полную зависимость от византийской. Правда, хитроумные греки поначалу решили «не перегибать палку», и большая часть попов, присланных на Русь, была не этническими греками, а болгарами. Есть сведения, что даже первый русский митрополит Михаил, присланный из Константинополя, был этническим болгаринном. Однако все последующие митрополиты, присылаемые в Киев, были этническими греками – Иоанн, Феопемпт, Илларион, Ефрем и т. д. Любопытно, что и киевские князья по отношению к церкви решили действовать на византийский манер. Власть князя существенно превышала власть митрополита, как власть императора – власть константинопольского патриарха.

За крещение Руси князь Владимир был причислен к лику святых.

Увы, моральный облик святого братоубийцы был далек от идеала. В «Повести временных лет» о нем четко сказано: «Любил жен и всякий блуд». С.М. Соловьев писал: «Кроме пяти законных жен было у него 300 наложниц в Вышгороде^[41], 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове».

В русских источниках упоминаются следующие законные жены Владимира: скандинавка Ольга, полочанка Рогнеда, богемка Мальфреда, чешка Адиль, болгарка Милолика, гречанка Предлава, византийка Анна и даже неизвестная дочь германского императора, на которой он якобы женился после смерти Анны в 1011 году.

Еще более существенно разнится число сыновей любвеобильного князя. Никифоровская летопись, В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин называют десять, С.М. Соловьев – одиннадцать, Новгородский и Киевский своды – двенадцать, а родословная Екатерины II – тринадцать сыновей: Вышеслава, Изяслава, Всеволода, Вячеслава, Мстислава, Станислава, Бориса, Глеба,

Судислава, Позвизда, Святополка, Ярослава, Святослава. А в Ипатьевской летописи упоминается еще и Олег.

Тут следует заметить, что помимо славянских имен дети Владимира имели и церковные имена. Так, Святополк был Петром, Ярослав – Георгием (Юрием), Борис – Романом, Глеб – Давидом.

В «Житии Бориса и Глеба» сказано: «Владимир имел 12 сыновей. Старший среди них – Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его, гречанка, прежде была монахиней, и брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее этого окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев».

Этот разнобой связан с тем, что отечественные летописи почти полностью замалчивают события на Руси в последние 27 лет правления Владимира (988 – 1015). Казалось бы, все должно быть наоборот. С принятием христианства на Русь приезжают греческие священники и монахи и фиксируют в летописях славные деяния Владимира. Но, увы, об этом периоде историки располагают лишь отрывочными данными иностранцев. Создается впечатление, что кто-то после смерти Владимира уничтожил все, что касалось этих 27 лет, столь важных для нашей истории.

Где-то между 980-м и 986 годом Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров (в летописи указан Пинск), Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир делал сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

Между 1001-м и 1010 годами умерли своей смертью два старших сына Владимира – Вышеслав и Изяслав. В 1010 г. Владимир производит второе распределение городов. В Новгород направлен из Ростова Ярослав, в Ростов, якобы, Борис из Муром, а на его место – Глеб, Святослав – к древлянам, Всеволод – во Владимир Волынский, Мстислав – в Тмутаракань (в Крыму). Полоцк же был оставлен за сыном умершего Изяслава Брячиславом.

В конце 1012 г. или в начале 1013 г. Святополк вместе с женой (дочерью польского короля Болеслава) и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграться фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с вельможи Болеслава

подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»^[42].

В немецкой хронике Титмара Мерзебургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара, Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником или, наоборот, Святополк правил страной от имени отца. Известно, по крайней мере, два типа монет, чеканившихся с именем Святополка.

Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси творился бардак или беспредел – кому как нравится. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным преемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

Сразу после смерти Владимира Красное Солнышко на Руси начинаются странные и таинственные события. И при проклятом царизме, и при развитом социализме, и при нынешней демократии наши историки, описывая дальнейшее, опирались исключительно на два древнерусских источника: «Повесть временных лет» и «Сказание о Борисе и Глебе».

Вопрос очень важный, и наберемся терпения, чтобы внимательно прочесть две длинные цитаты. Вот что говорится в «Повести временных лет»: «Когда Борис возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: “Отец у тебя умер”. И плакался по отце горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты^[43]. Сказала же ему дружина отцовская: “Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя, сядь в Киеве на отцовском столе”. Он же отвечал: “Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то

пусть этот у меня будет вместо отца”. Услышав это, воины разошлись от него. Остался Борис с несколькими отроками. Между тем Святополк задумал незаконное дело, воспринял мысль каинову и послал сказать Борису: “Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца”, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: “Преданы ли вы мне всем сердцем?” Отвечали же Путша с вышгородцами: “Согласны головы свои сложить за тебя”. Тогда он сказал им: “Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса”...

...Посланные же пришли на Альту ночью и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню: так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его...»^[44].

Борис молится и поет по очереди шестопсалмие, псалмы, канон и вновь молится.

«И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него как звери дикие из-за шатра, и просунули в него копья и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом»^[45].

А вот версия «Сказания о Борисе и Глебе»: «Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: “Пойди сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках”. Он же им отвечал: “Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого что я как отца”. Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: “Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя!”...

...Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страсотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: “Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня” – и остальные псалмы, до конца...

...И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: “Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим”...

...И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия и

обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные: Путьша, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, – где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою!» Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили...

...Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И, когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался и воспринял неувядаемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде, и погребли в земле у церкви святого Василия»^[46].

А тем временем сам Сатана начал подстрекать Святополка на новое преступление – убийство еще одного брата – Глеба Муромского. Святополк отправил гонца в Муром: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб с малой дружиной немедленно отправляется в путь. Вблизи Смоленска его нагнал посланец Ярослава из Новгорода: «Не ходи, – велел сказать ему Ярослав, – отец умер, а брата твоего Святополк убил». Но Глеб почему-то упорно жаждет смерти и тоже безропотно ждет убийц. Естественно, в конце концов и его зарезали.

За это двойное убийство наши историки называли Святополка Окаянным. Ну, убивать братьев потомству Рюрика было не привыкать. Святослав убил родного брата Улеба, а Святой Владимир – Ярополка, так что Святополк лишь продолжил традиции отца и деда, которых, кстати, никто не называл «окаянными».

Другой вопрос – о мотивах убийства Бориса и Глеба. Мы уже знаем, что Владимир вел с Ярополком борьбу за Киев, а фактически – за владение Русью, и убийством брата предотвратил большую войну. Владимир был узурпатор, а Ярополк – законный наследник престола. Оставить его в живых – это постоянно иметь дамоклов меч над головой.

Святополк оказался совсем в другой ситуации. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тмутараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

Я не зря подчеркиваю, что Борис и Глеб были младшими братьями, и им не светил киевский престол в случае гибели Святополка. По закону его должен был занять старший из братьев – Мстислав, Ярослав и т. д. Святополк же начинает свое правление с убийства... двух верных своих союзников. В выигрыше оказались лишь сепаратисты Ярослав и Брячислав, которые из мятежников превратились в мстителей за убиенных братьев. Создается впечатление, что Святополк тронулся головой.

Да и братья Борис и Глеб ведут себя как умалишенные или самоубийцы. С одной стороны, они не пытаются сопротивляться или бежать в Новгород, Полоцк, Тмутаракань или «за бугор», с другой – не пытаются объяснить с братом, рассказать ему, что тот окружен врагами и они его единственные верные вассалы.

К сожалению, наших дореволюционных, советских и демократических историков отличают неумение и нежелание разбираться в сложных и спорных ситуациях и тупая верность навешенным ярлыкам. Приклеили историческим персонажам этикетки «святой», «мудрый», и историки тысячу лет поют им осанну до очередного «высочайшего указания».

Церковь же в 1072 г. канонизировала братьев Бориса и Глеба, они стали первыми русскими святыми.

Култ Бориса и Глеба прижился. На Руси народ любит праздники: атеисты пьют на Пасху, демократы – на 7 ноября и т. п. А для сильных мира сего новые святые стали прямо находкой. Это было мощное идеологическое оружие против любых конкурентов в борьбе за власть. Забавно, что события тысячелетней давности используются и сейчас в политических играх. Главы правительств возлагают цветы к памятнику Ярославу Мудрому в Киеве, а бывший секретарь обкома заложил в Москве Храм Бориса и Глеба. Не удивлюсь, если вскоре «чудесным образом» найдутся останки Бориса и Глеба. Их утеряли после взятия Вышгорода татарами в 1240 г. Императрица Елизавета Петровна, а позже Александр I делали безрезультатные попытки найти мощи Бориса и Глеба. Но нет крепостей, которых бы не взяли большевики, хотя бы и бывшие – они могут найти все, что угодно. Нашли же недавно останки московского князя Даниила Александровича, могила которого была утеряна еще в XIV веке, нашли «останки царской семьи». А тут что – слабо?

Глава 6

Варяжская версия древнерусского детектива

Все бы было хорошо, но варяги, служившие у русских князей, имели дурную привычку рассказывать о своих походах скальдам – норманнским сказителям.

В Норвежском государственном архиве среди других древних текстов сохранилась «Сага об Эймунде». Эта рукопись, по мнению специалистов, датируется 1150–1200 годами.

В 1833 г. «Королевское общество северных антикваров» издало в Копенгагене малым тиражом (всего 70 экземпляров) «Сагу об Эймунде» на древнеисландском языке и в латинском переводе. Эймунд – праправнук норвежского короля Харальда Прекрасноволосого и командир отряда варягов, состоявших на службе у Ярослава Мудрого. Естественно, сага заинтересовала русских историков, и профессор Петербургского университета О.И. Сенковский переводит сагу на русский язык. Она привела достопочтенного историка в ужас.

Сага представляет собой незатейливое повествование о походах норвежского конунга Эймунда. Он с дружиной был среди варягов, нанятых Ярославом для борьбы с отцом. Эймунд потребовал у Ярослава (в «Саге...» он фигурировал как Ярислейф) платить каждому конунгу по эйриру серебра (около 30 грамм), а кормчим на кораблях – еще по половине эйрира плюс бесплатное питание. Ярослав начал торговаться, заявил, что денег у него нет. Тогда Эймунд предложил платить бобрами и соболями. На том и порешили.

Детали, приведенные в Саге, свидетельствуют о ее древности и достоверности. С этим согласен даже составитель книги «Древняя Русь в свете зарубежных источников»: «Как видим, практически все упомянутые в договоре Эймунда с Ярицлейвом реалии имеют точные соответствия в практике найма военных отрядов русскими князьями X – начала XI в., как она отражена в летописях. Вкупе с архаичной терминологией это дает основания считать, что описанные условия, на которых Эймунд служил на Руси, отнюдь не являются выдумкой человека, записавшего сагу в “Книге с Плоского острова”, и даже не подробностями, вымышленными

рассказчиками истории Эймунда в “век саг”»^[47].

Сага об Эймунде расставляет все точки над «i». Ярослав из-за хлопот с женитьбой и набором наемников сумел выступить в поход из Новгорода лишь в конце лета 1016 года. Борис не ломал комедию с роспуском войска и ожиданием убийц, а, как и положено, встал на сторону старшего брата. Мало того, Борис нанимает отряды печенегов. Вполне возможно, что тут ему помогло его восточное происхождение (по матери).

Борис (в «Саге...» – Бурислейф)^[48] вместе со своей русской дружиной и печенегами идет навстречу войску Ярослава. В ноябре 1016 г. рати сошлись на берегу Днепра в районе города Любеча. Попробуем сравнить описание этой битвы в «Повести временных лет» и в «Саге...».

«Повесть временных лет» рассказывает: «Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною своею. Ярослав же наутро, приготовив дружину свою к бою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, они оттолкнули ладьи от берега и пошли в наступление, и сошлись обе стороны. Была битва жестокая, и не могли из-за озера печенеги прийти на помощь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили они [воины Святополка] на лед, и подломился под ними лед, и одолевать начал Ярослав. Увидев это, Святополк обратился в бегство»^[49].

Из приведенного текста видно, что войска Ярослава находились в более выгодном положении, у них была возможность переправиться на лодках. Воины же Святополка ступили на лед и начали проваливаться. Им некуда деваться, как будто сама природа зажала их между двух озер и рекой с обманчивым льдом.

А теперь процитирую «Сагу...»: «Дело пошло так, как думал Эймунд, – Бурицлав выступил из своих владений против своего брата, и сошлись они там, где большой лес у реки, и поставили шатры, так что река была посередине; разница по силам была между ними невелика. У Эймунда и всех норманнов были свои шатры; четыре ночи они сидели спокойно – ни те, ни другие не готовились к бою. Тогда сказал Рагнар: “Чего мы ждем и что это значит, что мы сидим спокойно?” Эймунд конунг отвечает: “Нашему конунгу рать наших недругов кажется слишком мала; его замыслы мало чего стоят”. После этого идут они к Ярицлейву конунгу и спрашивают, не собирается ли он начать бой. Конунг отвечает: “Мне кажется, войско у нас подобрано хорошее и большая сила и защита”. Эймунд конунг отвечает: “А мне кажется иначе, господин: когда мы пришли сюда, мне сначала казалось, что мало воинов в каждом шатре и

стан только для виду устроен большой, а теперь уже не то – им приходится ставить еще шатры или жить снаружи, а у вас много войска разошлось домой по волостям, и ненадежно оно, господин”. Конунг спросил: “Что же теперь делать?” Эймунд отвечает: “Теперь все гораздо хуже, чем раньше было; сидя здесь, мы упустили победу из рук, но мы, норманны, дело делали: мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением. Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а шатры пусть стоят пустыми, вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою”. Так и было сделано; затрубили к бою, подняли знамена, и обе стороны стали готовиться к битве. Полки сошлись, и начался самый жестокий бой, и вскоре пало много людей. Эймунд и Рагнар предприняли сильный натиск на Бурицлава и напали на него в открытый щит. Был тогда жесточайший бой, и много людей погибло, и после этого был прорван строй Бурицлава, и люди его побежали. А Эймунд конунг прошел сквозь его рать и убил там много людей, что было бы долго писать все их имена. И бросилось войско бежать, так что не было сопротивления, и те, кто спаслись, бежали в леса и так остались в живых»^[50].

Попробуем сравнить содержание этих источников. «Повесть временных лет» и «Сага...» удивительно сходятся в деталях битвы у Любеча. Удивительно потому, что компиляция исключена, автор «Повести...» не знал о «Саге...», и наоборот. Есть только небольшое расхождение в дате сражения и принципиальное – в имени противники Ярослава. В «Повести...» это Святополк, а в «Сага...» – Борис-Бурислейф. Святополк в «Саге...» вообще не упомянут. Это и понятно, сага посвящена не гражданской войне на Руси, а действиям отдельного варяжского отряда, который не участвовал в битвах со Святополком.

Есть и еще один источник. Новгородский летописец освещал битву при Любече ближе к тексту «Саги...», уточняя некоторые детали: новгородцы переправляются ночью, обвязывают головы белыми убрусами и побеждают Святополка на рассвете. Но, по мнению новгородского летописца, он бежит к печенегам.

Обратим внимание, согласно «Повести...», Святополк бежит в Польшу, по Новгородской летописи, Святополк бежит к печенегам, и, наконец, «Сага...» утверждает, что Борис (Бурислейф) бежит к печенегам.

Единственным разумным объяснением этого противоречия является вариант, при котором Святополк не участвует в битве у Любеча, а бежал из Киева за помощью к своему тестю великому князю Болеславу, Борис же направился к своим друзьям печенегам. Через короткое время, опираясь на союзные войска, братья с запада и с востока атакуют Ярослава. Как видим,

все братцы стоят друг друга: один привел варягов, другой – ляхов, третий – печенегов. Любопытно, что русские летописи представляют Святополка вездесущим – то он у поляков, то у печенегов. Что, он летал птицей через войска Ярослава?

Что касается Глеба, то он, по всей вероятности, был на стороне Ярослава, но вскоре был убит своими подданными муромчанами. Из «Повести временных лет» известно, что еще при жизни Владимира Святого муромчане не пускали Глеба в город, а гражданская война совсем развязала им руки. В конце 1016 г. войско Ярослава заняло Киев.

«Сага об Эймунде» частично подтверждается, увы, и другими зарубежными источниками. Современник Владимира Красное Солнышко Титмар, епископ Мерзебурга, оставил нам «Хронику», где довольно подробно описаны события в Польше и на Руси. Позднейшие историки считали его «Хронику» весьма ценным и достоверным источником. Титмар продолжал работать над «Хроникой» до самой смерти, последовавшей 1 декабря 1018 года. Но в рассказе о гражданской войне на Руси он нигде не упоминает о таком ключевом моменте, как убийство Бориса и Глеба. Таким образом, по крайней мере до середины 1018 г. Борис был жив.

Более сложный вопрос с «Польской историей» Яна Длугоша (1415–1480). Он писал о событиях 450-летней давности, опираясь на разные, в том числе и неизвестные нам источники. Согласно Длугошу, Святополк и Борис (!) сразу после смерти князя Владимира «вступают в битву с Ярославом и его народом. И Ярослав, побежденный со своими союзниками печенегами и варягами, бежит»^[51]. Правда, дальше Длугош пытается пересказывать версию русских летописцев, что, мол, позже Борис и Святополк поссорились и последний убил Бориса.

Но для нас важно именно начало гражданской войны. Ведь Длугош не придумал ее, а опирался на какие-то документы.

О событиях, происшедших в 1017 году, русские летописи пишут кратко и невнятно. «В год 6526 Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви»^[52]. Более загадочного сообщения в летописи нет. Во-первых, это повтор предыдущего сообщения о том, что после победы у Любеча Ярослав пришел в Киев. Во-вторых, совершенно непонятно, почему погорели церкви. Сведения других летописей о большом пожаре в городе, о нападении печенегов не раскрывают картины. Короче говоря, до сих пор причина большого пожара в Киеве неизвестна. Понять эту фразу можно, только если принять во внимание текст «Саги об Эймунде».

Варяги не называют ни город, ни дату, но описывают приготовления

города к защите, сообщают о пребывании зимой Бурислейфа в Баярмии и о скором приходе его сюда, то есть туда, где жили в это время Ярослав и Эймунд. Все указывает на то, что это был Киев.

Эймунд занялся укреплением города – велел рубить деревья с ветками и ставить их на крепостные стены, чтобы таким образом создать помехи печенежским стрелам. Вокруг наружной стены Эймунд велел выкопать огромный ров, заполнить его водой и замаскировать ветвями. Местом сражения конунг наметил два городских воротных сооружения. План его был таков: впустить печенегов, привыкших к бою в открытом поле, и перебить их в тесных городских улицах.

Накануне того дня, когда в Киеве ждали нападения врага, Эймунд велел всем женщинам надеть самые лучшие украшения и выйти на стены, как только появятся печенеги. По его замыслу, дорогие украшения и наряды на красивых улыбающихся женщинах должны были усыпить бдительность печенегов и заманить их в город. Так и случилось. Бурислейф с дружиной и печенегами, увидев спокойно гуляющих по городским стенам нарядных женщин, устремился к городу. Тут многие попадали в замаскированный ров и погибли.

Бурислейф заметил, что все ворота города закрыты, кроме двух, но к ним не так-то просто было подступиться. Ярислейф и Эймунд заняли оборону – каждый у своих ворот. И началась жестокая битва, шедшая с переменным успехом. В самый ответственный момент Ярислейф был ранен в ногу, и Эймунд поспешил ему на выручку. Но печенеги уже ворвались в город. Они грабили дворцы и церкви, захватывали богатую добычу и поджигали церкви.

Эймунд быстро собрал своих варягов и контратаковал противника, занятого грабежом. Знаменосец Бурислейфа был убит, знамя упало, и печенеги решили, что погиб их предводитель. Началось паническое бегство. Эймунд и его люди преследовали беглецов до самого леса.

Согласно «Повести временных лет», в 1018 г. Святополк вместе с Болеславом ходил из Польши походом на Русь. На самом деле все было несколько иначе. При захвате Киева в 1016 г. в руки Ярослава попала жена его брата Ярополка, дочь великого князя Болеслава.

Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже

отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (родился в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржиха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Нимч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак Болеслава с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (Бресту). При этом войско Ярослава прошло через земли древлян, князем которых был его брат Святослав, поставленный там еще Владимиром. Согласно «Повести временных лет», Святослав, узнав о гибели Бориса и Глеба, испугался Святополка и бежал в Венгрию. Святополк Окаянный послал за ним погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Замечу, о Святославе говорится скороговоркой, нет никаких причитаний, как о Борисе и Глебе.

Летописная версия о гибели Святослава более чем неубедительна. Древлянский князь имел сильную дружину и ряд крепостей, но, испугавшись слухов об убийстве братьев, в панике бежит в Венгрию... Между тем в это время Святополк контролировал лишь район Киева. На

него с ратью шел Ярослав, враждебный нейтралитет (как минимум) держали брат Мстислав Тмутараканьский и племянник Брячислав Полоцкий. Так что официальная версия русских и советских историков не имеет логического объяснения.

Если же принять свидетельство «Саги...» и других источников, то убийство Бориса произошло уже после похода войска Ярослава Мудрого, а не Святополка Окаянного (!)^[53], то и бежать ему пришлось не от слуха о мифическом убийстве Бориса, а от войска Ярослава. Вполне логично, что свирепый братец послал за беглецом погоню, которая настигла его в Карпатах и прикончила.

Итак, пройдя Древлянские земли, Ярослав подошел к Берестью. Город к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с прибытием печенегов, ведомых Борисом Владимировичем.

Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начала насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»^[54]. По словам летописца, Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». То же говорят и

русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Блуда (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли ладьи Ярослава, так говоря: “Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком”. Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора Святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

Польские хронисты утверждают, что великий князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает Золотые ворота города, так следующей ночью будет обещана сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название “щербец”, так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые

ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим «мудрый» Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Святополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники саксонцы, венгры и печенегі отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска поехал в Киев, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых русских денариев с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В «Повести временных лет» говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти синхронно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными драгоценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал

чеканить собственную серебряную монету. А тем временем мудрый Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому королю Олафу I Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с мудрым Ярославом.

Тут русские и советские историки обычно ставят точку. А между тем Ингигерд еще раньше была обещана конунгу Олаву Харальдссону, которого она безумно любила. В сборнике саг «Гнилая кожа» говорилось, что конунг Ярицлейф позвал Ингигерд в свои хоромы на пир и сказал: «Видала ли ты где-нибудь такую прекрасную палату и так хорошо убранную, где, во-первых, собралась бы такая дружина, а во-вторых, чтобы было в палате той такое богатое убранство?» Княгиня отвечала: «Господин, в этой палате хорошо, и редко где найдется такая же или большая красота, и сколько богатства в одном доме, и столько хороших вождей и храбрых мужей, но все-таки лучше та палата, где сидит Олав конунг, сын Харальда, хотя она стоит на одних столбах». Конунг рассердился на нее и сказал: «Обидны такие слова, и ты показываешь опять любовь свою к Олаву конунгу» – и ударил ее по щеке. Она сказала: «И все-таки между вами больше разницы, чем я могу, как подобает, сказать словами»^[55]. И Ингигерд разгневанная ушла.

Возникает резонный вопрос: с какой стати шведский король решил испортить жизнь дочери и отдать ее за нелюбимого человека? А ведь в 1015 г. Ярослав был всего лишь новгородским князем и бунтовщиком... Ларчик открывается просто: Ингигерд получила в качестве свадебного дара Альдейгъюборг (Ладогу). Причем получила не «в кормление», как это было в Московской Руси. Например, вдовая царица Мария Нагая с сыном получили «в кормление» город Углич. Ингигерд получил Ладогу в полное владение. После ее смерти Ладога должна была остаться за ее шведскими наместниками, что, кстати, так и случилось.

Новый тесть отправил Ярославу сильную дружину. Ярослав, по данным «Саги об Эймунде», считал своим основным противником не Святополка, а Бурислейфа, то есть Бориса. И с ним удалось покончить весной 1019 г.^[56] Войско Ярослава двинулось к Киеву. Навстречу ему шел, по русской летописи, Святополк, а по «Саге...» – Бурислейф (Борис). Последний провел несколько месяцев у печенегов и теперь вел печенежскую рать.

Эймунд правильно оценил ситуацию. Даже в случае поражения Борис через какое-то время вновь приведет печенегов. В такой ситуации Эймунд

обратился к Ярислейфу: «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит».

Эймунд, его родственник Рагнар и десять варягов переоделись в купеческое платье и двинулись навстречу войску печенегов. Эймунд нашел близ реки Альты на дороге удобную для лагеря полянку. В центре полянки был дуб. По приказу Эймунда варяги нагнули верхушку дуба и привязали к ней систему веревок, примитивную подъемную машину, замаскированную в ветвях. Как и предвидел Эймунд, печенеги остановились именно в этом месте. Под дубом был разбит большой княжеский шатер. В центре шатер поддерживал высокий шест, украшенный сверху золоченым шаром. Ночью шесть варягов остались стеречь лошадей, а остальные во главе с Эймундом направились к шатру. Печенеги были утомлены походом и изрядно выпили перед сном. Варяги беспрепятственно подошли к шатру, накинули на верхушку шеста петлю веревки, связанной с дубом. Веревка, удерживающая согнутую верхушку, была перерублена. Дерево распрямилось, сорвало шатер и отбросило его в сторону. Эймунд бросился к спящему князю, убил его копьем и быстро обезглавил. Прежде чем печенеги опомнились, варяги уже бежали к лошадям.

По прибытии в Киев Эймунд принес конунгу Ярислейфу голову Бурислейфа: «На! Вот тебе голова, господарь! Можешь ли ты ее узнать? Прикажи же прилично похоронить брата».

Конунг Ярислейф отвечал: «Опрометчивое дело вы сделали, и на нас тяжело лежащее. Но вы же должны озаботиться и его погребением».

Эймунд решил вернуться за телом Бориса. Как он правильно рассчитал, печенеги ничего толком не поняли и были поражены смертью князя и исчезновением его головы. Ясно, что не обошлось без лукавого. Во всяком случае, они в панике бежали, оставив тело князя на поляне.

Варяги Эймунда обрядили тело князя, приложили к нему голову и похоронили.

После бегства печенежской рати Ярослав овладел Киевом. Святополку пришлось уносить ноги. «И во время бегства напал на него бес, и расслабил суставы его. Он не мог сидеть на коне и несли его на носилках. Принесли его к Берестью, убегая с ним. Он же говорил: “Бегите бегом со мною, гонятся за нами”. Отроки же его посылали посмотреть: “Не гонятся ли кто за ними?” И не было никого, кто бы гнался по их следам, и продолжали бежать с ним... Ему невыносимо было оставаться на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый божьим гневом, и прибежал в пустынное место между Польшей и Чехией, и там кончил

бесчестно жизнь свою. Праведный суд постиг его, несправедного, и после смерти он принял муки окаянного... посланная ему богом смертельная рана безжалостно кинула его смерти, и по смерти он, связанный, терпит вечные муки. Стоит могила его на этом пустынном месте и до сего дня, и исходит из нее смрад жестокий»^[57].

Почти сразу после убийства Бориса Ярослав перестал платить жалование отряду Эймунда. То ли жадность обуяла князя, то ли он хотел, чтобы нежелательные свидетели отправились домой или куда-нибудь в Византию. Но варяги – не шахтеры и не учителя, они не выходили на митинги с транспарантами: «Требуем выдать в ноябре зарплату за январь». Эймунд пошел к Ярославу и сказал: «Раз ты не хочешь нам платить, мы сделаем то, чего тебе менее всего хочется – уйдем к Вартилаву конунгу, брату твоему. А теперь будь здоров, господин». Варяги сели на ладьи и поплыли к Полоцку, где им щедро заплатил князь Брячислав (Вартилава).

Внук Владимира Святого Брячислав Изяславич держал нейтралитет в войне Ярослава с братьями. Его больше всего устраивало взаимное истощение сторон. Сам же Брячислав зарился на стратегические волокиты на пути «из варяг в греки» в районе Усвята и Витебска, а в перспективе метил и на Киевский престол.

Получив варяжскую дружину, Брячислав осмелел и в 1021 г. взял Новгород. Ярослав собрал войско и двинулся на племянника. Согласно русским летописям, в битве на реке Судомире^[58] полоцкая рать была наголову разбита, а Брячислав бежал в Полоцк. Вскоре Ярослав и Брячислав заключают мир. По его условиям Витебск и Усвят отходят к Брячиславу, как будто бы он победил на Судомире.

В «Саге об Эймунде» эти события изложены совсем по-другому. Битвы на Судомире не было вообще. Дружины Ярослава и Брячислава неделю стояли друг против друга, не начиная сечи. И тут опять решающую роль сыграл «спецназ» Эймунда. Группа варягов во главе с Эймундом ночью похитила жену Ярослава Ингигерд и доставила ее Брячиславу. После этого Ярославу пришлось заключить с племянником унижительный мир. Какая прекрасная тема для беллетриста – ради любимой жены князь отдает два города. Но наша повесть строго документальная, и мы должны верить только фактам, а они заставляют предположить, что Ярослав предпочел бы видеть жену убитой, нежели взятой в заложники. Ингигерд не была русской княгиней-затворницей XIV–XV веков. Наоборот, она была воительницей и дала бы много очков вперед какой-нибудь Жанне д'Арк.

Когда Эймунд уезжал от Ярослава к Брячиславу, Ингигерд пыталась

убить конунга, и лишь случайность спасла его. Согласно «Саге...», захват Ингигерд произошел ночью на дороге, по которой она куда-то скакала в сопровождении всего одного дружинника. В схватке под Ингигерд была ранена лошадь.

Мало того, в личном распоряжении Ингигерд с самого начала войны находился большой отряд варягов. В отличие от дружины Эймунда эти варяги вообще не подчинялись Ярославу. Нетрудно догадаться, что в такой ситуации у Ярослава просто не было выбора.

Заклучив мир с племянником (Брячиславом Полоцким), Ярослав Мудрый решил разобраться с еще одним своим братом – Мстиславом Тмутараканским. До этого Мстислав не принимал участия в войнах Ярослава с братьями. То ли он не хотел ввязываться в их свары, то ли его отвлекали непрерывные войны с хазарами, касогами и другими кочевыми племенами.

Летописи представляют нам Мстислава сказочным богатырем и опытным полководцем. Во время войны с касогами их князь богатырь Редедя предложил Мстиславу: «Зачем губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолеешь ты, возьмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею, – возьму все твое». Мстислав убил Редедю и наложил дань на касогов.

Начало войны с Мстиславом было неудачно для Ярослава. В 1023 г. Мстислав осадил Киев, но не смог его взять и обосновался в Чернигове. Ярослав традиционно бежал в Новгород и отправил гонцов в Швецию за помощью. Вскоре из Швеции прибыла миротворческая миссия – конунг Якун Слепой (Одноглазый) с дружиной.

Ярослав и Якун двинулись к Чернигову. Войска братьев сразились у города Листвена (в начале XX века Листвен был селом в 40 км от Чернигова). У Листвена Ярослав решил повторить тактический прием, принесший ему победу у Любеча семь лет назад. В середине войска он поставил свою ударную силу – дружину Якуна, а по краям – славянских дружинников. Но перед ним был не неопытный Борис, а хитрый Мстислав, который, наоборот, свою отборную дружину расположил на флангах, а в центр поставил недавно покоренных северян. Еще до рассвета рать Мстислава атаковала противника. Грозные варяги контратаковали северян и врубались клином в их ряды. Большая часть северян погибла, но остальные упорно сопротивлялись и убили немало варягов.

В это время конница Мстислава легко разбила на флангах Ярославовы дружины, а затем с тыла и флангов обрушилась на варягов. Не берусь судить, слышал ли Мстислав о Ганнибале, но Листвен оказался ничем не

хуже Канн. Тут полегла и дружина Ярослава, и почти все варяги. Как сказано в летописи, днем Мстислав объехал поле битвы и сказал: «Как не порадоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела».

Ярослав с Якуном бежали с поля боя. При этом Якун, чтобы не быть узнанным, сбросил свое золотое облачение – «луду». Ярослав добежал до Новгорода, а Якун перевел дух аж в Швеции.

После Листвена Мстислав мог легко овладеть и Киевом, и Новгородом, но он поступил благородно, почти как в рыцарских романах. Мстислав отправил грамоту Ярославу: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет та сторона», то есть левый (восточный) берег Днепра. Но Ярослав не решился идти в Киев и держал там своих посадников, а сам жил в Новгороде. Только в 1025 г., собрав большое войско, Ярослав пришел в Киев и у Городца заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле», – говорит летописец.

Между 1020 и 1023 годами новгородцы за свою поддержку вытребовали у Ярослава особую грамоту (по другим источникам – «Правду», а говоря современным языком, конституцию). Текст Ярославовой грамоты до нас не дошел, ее уничтожили московские князья. Но из постоянных ссылок на нее в позднейших документах явствует, что грамота содержала налоговые льготы Новгороду, расширение прав народного собрания (вече) по сравнению с другими русскими городами, а также существенные ограничения власти киевского князя и его наместников в Новгороде.

Между тем Ладогой и прилегающей областью от имени княгини Ингигерд стал править ее родич ярл Рёгнвальд. Де-факто и де-юре эта область отпала от Киевской Руси. Рёгнвальд вскоре не только вышел из подчинения Ингигерд, но и сделал свою власть наследственной. После смерти Рёгнвальда Ладогой правил его первый сын Ульв, а затем второй сын Эйлив. Третьего же сына Рёгнвальда Стейнкиля в 1056 г. вызвали из Ладоги в Швецию, где он был избран королем и стал основателем новой шведской династии. Лишь в конце XI века новгородцы сумели выгнать варягов из города Ладоги.

В 1036 г. Ярославу неожиданно крупно повезло – на охоте погиб богатырь Мстислав. У Мстислава был единственный сын Евстафий, но тот умер еще в 1032 г. В связи с этим земли Мстислава мирно отошли к Ярославу. Князь Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым, ввел новый

свод законов («Русскую правду»), строил города и церкви и даже выдал дочь Анну за французского короля Генриха I. В 1060 г. Анна овдовела и стала официальной регентшей при своем сыне, малолетнем короле Филиппе I, от имени которого она и правила Францией два года.

Сам Ярослав и его воеводы ходили походом на поляков, литву, в Византию и на чудь заволоцкую (то есть к устью Северной Двины).

В 1030 г. сам Ярослав Мудрый возглавил поход в Эстляндию. Там Ярослав основал город Юрьев. Город получил название в честь Ярослава, который помимо славянского имел и христианское имя Георгий, то есть Юрий. В 1224 г. датчане переименовали город в Дерпт, в 1893 г. император Александр III вернул городу историческое имя Юрьев, но в 1919 г. эстонские националисты переименовали его в Тарту. К концу правления Ярослава большая часть Эстляндии входила в состав Киевского государства.

20 февраля 1054 г. умер Ярослав Мудрый. Два его сына – Илья и Владимир – скончались еще при жизни отца, еще пять сыновей – Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь, Вячеслав – были уже в солидном возрасте. Наследовал отцу старший сын Изяслав. Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, то есть всю Северную землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань. Всеволод получил Переяславль, Игорь – Волынь, а Вячеслав – Смоленск. Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле. Теперь почти вся Русь принадлежала детям и многочисленным внукам Ярослава. Все остальные дети и внуки князя Владимира Святого умерли или были убиты.

Исключение представлял Судислав Владимирович, который долгие десятилетия провел в темнице, заключенный туда братом Ярославом. Изяслав Ярославич перевел дядю из тюрьмы в монастырь, где тот и помер в 1063 г. Да еще в Полоцке сидел правнук Владимира князь Всеслав Брячиславич по прозвищу Чародей. В Полоцком княжестве власть стала наследственной – в 1044 г. умер Брячислав, и ему наследовал единственный сын Всеслав.

Ярославовы внуки начали усобицы еще в 1063–1064 гг. Но тут в их дела вмешался полоцкий Чародей, который в 1066 г. захватил Новгород. Тут дети и внуки Ярослава объединились и пошли ратью на обидчика. Им удалось взять штурмом город Минск, население которого было полностью перебито. Но в марте 1067 г. кровопролитная битва на реке Нимиге закончилась вничью. Как сказано в «Слове о полку Игореве»:

У Немиги кровавые берега
не добром были посеяны —
посеяны костями русских сынов...

В июле 1067 г. Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла. Всеслав почему-то поверил им, и не один, а с двумя сыновьями, без надлежащей охраны переплыл на челне Днепр. В ходе переговоров Изяслав приказал схватить Чародея с сыновьями. Вскоре их отправили в Киев и посадили в подземную тюрьму. Все прошло в лучших традициях мудрого Ярослава. Однако полоцких князей спасло появление половецкой орды. Навстречу им вышли три брата Ярославича. В сражении на реке Альте русские потерпели полное поражение.

Поражение переполнило чашу терпения киевлян, которым давно приелось правление мудрого Ярослава и его деток. На киевском торгу собралось вече, которое потребовало у князя Изяслава Ярославовича раздать народу оружие для борьбы с половцами. Князь отказался. Тогда горожане осадили княжеский двор. Братьям Изяславу и Всеволоду Ярославичам ничего не оставалось, как бежать из Киева. Причем Изяслав боялся оставаться в пределах Руси и бежал в Польшу.

Киевляне освободили из тюрьмы полоцкого князя Всеслава Чародея и выбрали его князем киевским. Но усидеть на киевском престоле Всеславу удалось лишь 7 месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву двинулось большое польское войско во главе с великим князем Болеславом II. Вел войско Изяслав Ярославович. Всеслав двинулся навстречу полякам, но у Белгорода, узнав о большом численном превосходстве врага, ушел со своей дружиной в Полоцк.

Киев был вынужден капитулировать перед поляками. В город вошел карательный отряд во главе с Мстиславом – сыном Изяслава Ярославовича. 70 горожан было казнено, несколько сотен – ослеплено. Изяслав вновь оказался на киевском престоле. Однако после этого очередная гражданская война на Руси не только не затихла, но разгорелась с новой силой.

Изяслав с дружиной и поляками двинулся к Полоцку и захватил его. Всеслав Чародей, как всегда, сумел скрыться. Изяслав посадил наместником в Полоцке своего сына Мстислава, а после его смерти, другого сына – Святополка.

Полоцк вернулся под власть Киева всего на четыре года. В 1074 г. Всеслав Чародей навсегда вернул себе Полоцкое княжество, а Святополк

позорно бежал.

Тем временем Святослав и Всеволод Ярославичи начали войну за киевский престол со старшим братом Изяславом Ярославичем.

Как видим, Изяслав Ярославич, вернувшись в Киев, сидел на киевском престоле, как на горячих углях. В довершение всего в 1071 г. в Киеве объявились волхвы, открыто проповедовавшие о грядущих вселенских катаклизмах. В такой ситуации экстренно требуется какой-либо крутой пропагандистский трюк.

И вот в 1072 г. Изяслав организывает торжественное действо – перенесение останков князей Бориса и Глеба в специально построенный каменный храм в Вышгороде близ Киева. Естественно, что около могил начинают твориться чудесные знамения и исцеления больных.

Любопытно, что в 1050 г., то есть еще при жизни Ярослава Мудрого, его внук, сын Изяслава, был назван Святополком. То есть в 1050 г. об истории Бориса и Глеба никто не помнил или не хотел вспоминать. Как мы помним, варяги убили Бориса тайно, и все они погибли или убыли на родину. За 50 лет в Киеве власть менялась насильственным путем раз двадцать, и у древних стариков в головах неизбежно перепутались многие события. Тем не менее даже из летописи видно, что канонизация прошла не совсем гладко. Так, при перезахоронении братьев глава русской церкви митрополит Георгий «бе бо нетверу верою к нима», то есть очень сильно сомневался, но «потом пал ниц». Первым внесли в храм Бориса в деревянном гробу, а вот с Глебом, которого несли в каменном гробу, вышла заминка. В летописи сказано: «... уже в дверях остановился гроб и не проходил. И повелели народу взывать: “Господи, помилуй”».

Мало того, митрополит Георгий вынул из каменного гроба правую руку Глеба и благословил ею стоявших рядом князей Изяслава и Всеволода Ярославичей. И только тогда гроб с телом Глеба прошел в церковь.

Интересно, зачем летописцу в краткое описание захоронения включать эту деталь? Может, он хотел эзоповым языком сказать, что у Глеба были серьезные основания не лежать рядом с Борисом?

Возможно, у кого-то возникнет вопрос: а как народ воспринял в 1072 г. такую фальсификацию? Ведь должны же были старики помнить события 54-летней давности? Ну что ж, спросите у пожилых киевлян, кто из них в 1974 г. помнил все перипетии Гражданской войны, когда Киев в 1918–1920 гг. переходил из рук в руки столько же часто, как в 1015–1019 гг. Тем более что в «Саге об Эймунде» несколько раз говорится, что убийства Бориса никто не видел. Ну а кто помнил, того заставили молчать. Не зря же митрополит Георгий упорно не желал канонизировать Бориса.

Ряд церковных и светских авторов пишут, что сразу же после переноса мощей князей состоялась их канонизация. Тем не менее это не так. Первое упоминание о святом Борисе в древнерусских документах встречается после 1117 года. Как сказано в исследовании Н.И. Милютенко, «канонизация состоялась только 2 мая 1115 г., когда мощи святых были перенесены внуками Ярослава в пятиглавый каменный храм. Это подтверждает и месяцеслов Архангельского Евангелия (1092 г.), где тоже нет памяти Бориса и Глеба. Впервые 24 июля упомянуто в Евангелии, переписанном для Мстислава, сына Владимира Мономаха, в начале XII в.»^[59].

Видимо, ежегодное поминание чтимых усопших постепенно превратилось в празднование памяти святых.

До перевода «Саги об Эймунде» на русский язык на нестыковки в летописи никто не обращал внимания. А вот потом наших историков начало буквально трясти. Закончив перевод «Саги...», профессор О.И. Сенковский понял, что ее публикация может кончиться длительным путешествием на Соловки. Тогда он нашел неостроумный, но единственно возможный выход из положения – объявил Бурислейфа Святополком. Царское правительство этот подлог устраивал. А при советской власти шла борьба с норманистской теорией, и все, что связано с варягами, предавалось забвению.

Лишь с началом перестройки полемика об убийцах Бориса и Глеба вновь обострилась. В 1990 г. в Минске выпущена книга Г.М. Филиста: «История “преступлений” Святополка Окаянного» с анализом «Саги...» и других русских и зарубежных источников, доказывающим, что Борис убит Ярославом. В 1994 г. в Москве выходит книга Т.Н. Джаксон «Исландские королевские саги в Восточной Европе». Эта дама, «не углубляясь в полемику», поддерживает версию Сенковского, мол, Бурислейф в «Саге...» надо читать как Святополк, а не как Борис. Понятно, что с такими дамами вести полемику не следует, а лишь стоит задать один риторический вопрос: а зачем писать 250-страничную книгу и посвящать в ней самому интересному и единственному политически злободневному вопросу два абзаца – менее половины страницы?

Официальные же историки заняли в споре нейтральную позицию. С одной стороны, аргументы сторонников «Саги...» более чем убедительны, и оспаривать их при отсутствии официальной цензуры – рисковать подвергнуться всеобщему осмеянию, но и назвать Ярослава убийцей страшно – придется переписывать все учебники и вступать в конфликт с церковью. Поэтому до сих пор школьники зубрят по учебникам: Ярослав –

Мудрый, Святополк – Окаянный. Увы, историческим штампам не страшны ни революции, ни смены экономических формаций.

Еще ранее, в 1986 г., А.С. Хорошев в книге «Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)» на странице 23 подробно изложил версию «Сказания о Борисе и Глебе» и «Саги об Эймунде» и ... блестяще уклонился от изложения собственного мнения по данному вопросу. Помните анекдот советского времени: «А вы имеете собственное мнение? – Мнение-то у меня имеется, но я с ним в корне не согласен».

Канонизация Бориса и Глеба не помогла Изяславу Ярославовичу, через несколько месяцев он с сыновьями был вынужден вновь бежать в Польшу. На киевский престол сел его брат Святослав Ярославич. Но усьобицы по-прежнему продолжались.

В 1097 г. в город Любеч на Днепре съехались внуки и правнуки Ярослава Мудрого «на устроение мира». После долгих споров князья пришли к сомонову решению: «Пусть каждое племя держит отчину свою». То есть официально было объявлено о распаде единого государства. Произошла констатация сложившегося порядка вещей. Замечу, что Всеслав Чародей не поехал на Любечский съезд – Полоцк и так принадлежал его династии.

В Любече, «уладившись», князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь из нас поднимется на другого, то мы все встанем на зачинщика и крест честной будет на него же». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Но, увы, ничего не изменилось, и вновь начались междоусобные войны. Зато историки получили точку отсчета – Любечский съезд – для нового параграфа в учебнике «Феодалная раздробленность Руси».

Глава 7

Война и мир Рюриковичей и Пястов

К началу XII века Древнерусское государство разделилось на 15 княжеств. Причем Киев и Приднепровские земли постепенно приходят в упадок. Так, с начала XII века по 1167 г. в Киеве сменилось 14 князей, то есть в среднем правление каждого составляло 4,5 года. Помимо княжеских усобиц с конца XI века Южная Русь подвергается интенсивным набегам половцев. Естественно, что русские князья систематически наносят контрудары по половецким землям. Так, тот же Владимир Мономах (1053–1121) провел не менее 20 сражений с половцами. Ну а неудачный поход 1185 года князя Игоря Святославича Северского вошел в историю благодаря «Слову о полку Игореве».

Серьезную угрозу представляли половцы и торговому пути «из варяг в греки». Так, к примеру, в 1168 г. Ростислав Киевский и Глеб Юрьевич Переяславский выходили с дружинами в степи навстречу купеческому каравану, шедшему вверх по Днепру.

Еще до призвания варягов началось заселение славянами (русами) бассейна верхней Волги и междуречья Волги и Оки. К началу XI века уже существуют города Белоозеро, Ростов, Суздаль и др. А в 1108 г. князь Владимир Мономах закладывает на реке Клязьме город Владимир. Ну а в 1132–1135 гг. Ростово-Суздальская земля окончательно утрачивает политические связи с Киевом.

Ну а как складывались отношения русских князей с их западными соседями? Еще князь Ярослав Мудрый останавливал экспансию поляков, так, в 1030 г. он захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи, «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси^[60]; и пребывают они там и до сего дня».

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смирницкой: «Изведал лях лихо

и страх»).

Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был синхронизирован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко. Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и в 1037 г. Польшу охватило восстание смердов. Причем восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши восстанавливается спокойствие, а власть прочно держит в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058). Казимир и Ярослав заключают союз в борьбе против Моислава – бывшего дружинника Мешко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причем войско его идет варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо лена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю.

Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком – сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042–1081 гг., король с 1076 г.) а вместо него

на престол был возведен его брат – слабовольный Владислав (Володислав) I Герман (1043–1102).

Как писал С.М. Соловьев: «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области»^[61].

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям в 1139 г.) умирает польский король Болеслав III Кривоустный (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статуте Болеслава Кривоустного, изданном в 1138 году. Согласно этому Статуту, Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын – Владислав II (1105–1159) получил Силезию, Мешко (1126–1202 гг.) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статутом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса – дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и

Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешел следующему по старшинству брату – Болеславу IV Кудрявому.

Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. – ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II – дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. – 1147 г., с 1146 г. великий князь киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобретает Галицкое удельное княжество.

Город Галич возник на месте древнего славянского поселения XIII–IX веков. Точная дата его основания неизвестна. Город впервые упоминается в летописи под 1138 годом.

Город Владимир-Волынский возник также на месте славянского поселения, но позже – в конце X – начале XII века. Около 1157 г. при князе Мстиславе Изяславиче Владимиро-Волынская земля окончательно обособилась от Киева и образовала самостоятельное княжество. В это же время произошло и объединение Галицких земель под властью Владимира Володаревича (ок. 1141 г. – ок. 1153 г.).

После смерти Владимира Володаревича Галицкий стол наследует его 18-летний сын Ярослав Владимирович Осмомысл. Любопытно, что 22 декабря 1158 г. Осмомысл даже на время захватил Киев.

Перед своей смертью в 1187 г. Осмомысл обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь

приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. – ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и бабами, по словам летописца, он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и драпанул из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владимирово-волынский князь Роман Мстиславич (род. после 1149 г. – ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича – Казимира II Справедливого^[62]. После смерти Казимира великим князем был избран его сын – несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника.

В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман

Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной уособице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижают нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой – во Владимир-Волынский.

Тем не менее, союз с Казимировичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Замечу, что теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов Мешко III вроде бы твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласкононому (1161–1231). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца, в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.

С.М. Соловьев писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом

окрестных варваров – половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: “он стремился на поганных, как лев, – говорит народное поэтическое предание, – сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху”. Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь»^[63].

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать корни деревьев по новым местам.

Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей – четырехлетнего Даниила и двухлетнего Василько^[64].

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. До кучи набрали еще и половцев. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром, и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир-Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (около 1170–1212 г.). Свое правление Владимир

Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее и, уповая на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью, Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велел передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить ее. Однако убить удалось всего около пятисот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, с которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования. Поэтому я приведу лишь один эпизод, хорошо иллюстрирующий и обстановку в Галиче, и характер мальчика. С.М. Соловьев писал: «Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке. За последнего хотела было управлять его мачеха, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же ее выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня. Анна поспешила вырвать у него из рук меч, упростила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку и оттуда к королю в Венгрию»^[65].

В конце концов Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь

Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

Молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленном городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А краснорожий боярин Семьюнко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро Даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, – говорил он, – никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 году. Однако кампании 1232 и 1233 годов были выиграны Даниилом.

Возможно, кто-то из читателей посетовал на автора, зачем он уделил столько места «делам давно минувших дней». На самом же деле «преданья старины глубокой» очень важны. Они показывают, с одной стороны,

общность восточных и западных славянских племен. Хотя их языки и имели значительные отличия, но русские и поляки понимали в X – XII веках друг друга без переводчика. Культура и быт обоих народов были также близки. Кстати, я сказал «народов», но под поляками X – XII веков надо понимать совокупность различных племен с разными языками. И племена эти были объединены в подавляющем большинстве насильственно Мешко I, Болеславом-Храбрым и их потомками.

С другой стороны, появилась и основа будущих конфликтов. Это – ленная зависимость Польши от германских императоров, а также сильное религиозное и культурное воздействие Германии и других западных стран.

Наконец, история русско-польских отношений X – XII веков уже важна тем, что все поляки – от обывателей до кинорежиссеров – уверены, что на землях современной Украины и Беларуси до прихода поляков ничего не было, а туземцы владели жалкое существование наподобие американских индейцев XV века.

Глава 8

Упадок Киева

А теперь вновь вернемся к Киеву. В 1146 г. на Киевский стол сел Игорь Ольгович. Однако новый князь не поладил с киевлянами, и Киевом овладел владими́ро-волы́нский князь Изяслав Мстиславич.

Князь Игорь Ольгович поначалу был насильственно пострижен в монахи, а затем горожане вытащили его из монастыря, убили, а тело бросили на торгу.

В 1149 г. князь Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, без боя захватил Киев. Так, по мнению «незалежных» историков, началась колониальная экспансия москалей на «вильну Украину».

До этого вроде имели место разборки «древнеукраинских» князей, как их назвал профессор Михайло Грушевский. Но Юрий Долгорукий уже был москалем, благо, еще в 1147 г. он будто бы основал Москву, а скорей всего, устроил там грандиозную пьянку.

Овладев Киевом, Юрий решил прочно обосноваться в Южной Руси. Так, своего старшего сына Ростислава он посадил на переяславский стол, а трех других сыновей разместил в киевских пригородах – Вышгороде, Белгороде и Каневе, на Поросьи.

Юрий выдал свою дочь Ольгу за уже известного нам галицкого князя Ярослава Осмомысла.

Увы, в 1149 г. Юрию Долгорукому пришлось покинуть Киев. В следующем 1150 году он опять на короткое время овладел «матерью городов русских» и снова был вынужден уйти.

Окончательно Киев переходит под власть Долгорукого в 1154 году. Однако 15 мая 1157 г. Юрий умер, по некоторым данным, был отравлен на пиру у какого-то боярина Петриша. Смерть князя вызвала бунт горожан. «Разграбиша двор его красный, и другый двор его за Днепром разграбиша, его же завшет сам раем, и Васильков двор сына его разграбиша в городе; избивахут Суждалци по городом и по селом, а товар их грядяче»^[66].

После смерти Юрия Долгорукого его сын Андрей Боголюбский оставил Киев и избрал своей резиденцией вновь построенный замок Боголюбово вблизи Владимира-на-Клязьме. А за киевский стол началась страшная драка. Князья менялись через каждые несколько месяцев.

Зимой 1168/69 г. князь Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого,

отправил к Киеву рать во главе со своим сыном Мстиславом.

Правивший в Киеве князь Мстислав Изяславич призвал на помощь половцев. Тем не менее 8 марта 1169 г. Киев был взят суздальским войском, которое, по свидетельству летописца, «грабиша за 2 дни весь град, Подолье и Гору, и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицю, и не бысть помилования никому же ниоткуда же, церквам горящим, крестьяном убиваемом, другим вяжемым, жены ведоми быша в плен, разлучаеми нужею от мужий своих, младенци рыдаху зрящее материй своих; и взяша [суздальцы] меняя мноество»^[67].

По сему поводу популярный украинский историк Олесь Бузина писал: «В выпущенной во Львове в 1934 году и неоднократно перепечатанной в Канаде “Історії для дітей шкільного віку” есть очаровательная картинка “Москалі руйнують Кипв”. На ней бородатые гоблины в островерхих шлемах живописно режут, хватают за патлы и насилуют несчастных киевлян. Сердце кровью обливается.

Но, почитав текст под картинкой, начинаешь искренне хохотать – оказывается, что “руйнують” они в 1169 году, когда никаких “москалей” еще в природе не существовало, а сама Москва едва прописалась на страницах истории. Ее и упоминают-то впервые в летописи всего двадцатью двумя годами ранее как крошечный городишко суздальского князя Юрия Долгорукого. По значению это было что-то вроде нынешнего райцентра. Поэтому писать, что в 1169 году “москалі руйнують Кипв” – то же самое, что предположить, что для столицы нынешней Украины представляет опасность банда свинокрадов из Кобеляк»^[68].

В Киеве стал княжить сын Долгорукого Глеб Юрьевич. Однако 20 января 1170 г. князь Изяслав умер, и Киев опять пошел по рукам князей Рюриковичей.

В 1174 г. Андрей Боголюбский организовал новый поход на Киев, закончившийся полным провалом. В дальнейшем борьба за Киев велась между галицко-волынскими, смоленскими и черниговскими князьями.

Киев неоднократно горел и подвергался разграблениям. Так, в 1202 г. город был разграблен дружиной князя Рюрика Ростиславича и его половецкими союзниками. Увы, в том же 1202 году из Киева его выбил галицко-волынский князь Роман Мстиславич. Рюрик несколько месяцев просидел в Овруче, но в 1203 г. вновь «вокняжился» в Киеве.

Однако в 1204 г. Роман Мстиславич захватил Рюрика и насильственно постриг вместе с женой в монахи. Но в следующем 1205 году Роман скончался, а Рюрик на радостях сбросил рясу. И вот в 1206 г. расстрига

вновь на Киевском столе. После этого Рюрик пошел походом на Галич, где правил малолетний сын Романа Даниил. Но последнему пришел на помощь венгерский король, и Рюрику пришлось снять осаду города.

В это же время Киевом завладел черниговский князь Всеволод Чермный. Но Рюрик выбил его оттуда и вновь занял Киевский стол. При этом Рюрик захватил еще и Переяславль-Южный. В 1207 г. Всеволод Чермный вновь осадил Киев и заставил Рюрика Ростиславича бежать в Овруч. В конце того же года Рюрик опять захватил Киев. Эта борьба между князьями завершилась тем, что Рюрик попал в плен к Всеволоду и там в 1215 г. умер.

Как видим, и князья, и киевские горожане жили очень весело. Но я боюсь, что читателю от всех этих приключений стало скучно.

И потому мы на короткое время перенесемся в Византию, где тоже шла борьба за власть, которая крайне негативно повлияла на судьбу Киева.

Четвертый крестовый поход, в ходе которого в 1204 г. западноевропейские рыцари взяли штурмом Константинополь, вызвал всеобщее возмущение на Руси. Это нашло отражение в известном древнерусском произведении «Повесть о взятии Цареграда крестоносцами». Имя автора повести до нас не дошло, но, несомненно, он получил информацию от участников событий, если не сам был очевидцем. Автор обличает бесчинства крестоносцев, которых именует фрягами: «А на утро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуда. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатах и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви

в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города»^[69].

Самое забавное, что эту банду рыцарей-грабителей ряд наших историков и писателей «образца 1991 г.» именуют «воинами Христа». Погром православных святынь в 1204 г. в Константинополе не забыт православными людьми до сих пор ни в России, ни в Греции. И стоит ли верить речам папы римского, на словах призывающего к примирению церквей, но не желающего ни по-настоящему покаяться за события 1204 года, ни осудить захват православных церквей католиками и униатами на территории бывшего СССР.

В том же 1204 году крестоносцы на части территории Византийской империи основали так называемую Латинскую империю со столицей в Константинополе. Русские княжества не признавали этого государства. Русские считали законным властителем Царьграда императора Никейской империи (основанной в Малой Азии). Русские же митрополиты продолжали подчиняться константинопольскому патриарху, жившему в Никее.

Нетрудно догадаться, что в 1204 г. подвергся полному разрушению и торговый русский квартал. Главное же то, что в захвате Второго Рима решающую роль сыграла Венецианская республика. Венецианцы захватили огромную добычу в Византии и стали владеть рядом стратегически важных островов и крепостей, включая Дарданеллы. К этому времени уже три века венецианцы вели беспощадную войну на Средиземном море со своими конкурентами – арабами и генуэзцами. Надо ли говорить, что, проникнув в Черное море, венецианцы беспощадно топили или захватывали византийские и русские суда. Замечу, что после взятия Константинополя от Византии на Черном море остался небольшой анклав – Трапезундская империя.

Венецианские купцы беспощадно торговали в Константинополе, а генуэзцев, да и то с большими ограничениями, венецианцы допустили в Черное море лишь по договору 1218 года.

Кроме того, в XIII веке несколько городов на черноморском побережье Малой Азии захватили турки-сельджуки. Их пираты также бесчинствовали на Черном море.

Греческий хронист Иоанн Лазаропул в «Синописе чудес св. Евгения» поведал историю о том, как в 1223 г. турецкий корсар из Синопа Этум-Раис (Хатум-Раис) захватил и ограбил шедшее из Херсонеса в Трапезунд судно,

перевозившее в метрополию богатый груз – государственный налог с заморских провинций Великих Комнинов (по данным Мухаммада ал-Хамави, этот захват произошел в 1225 г.). Среди пленных греков оказался высокопоставленный чиновник Алексей Пактиар. Указанная пиратская акция привела к крупномасштабной греко-сельджукской войне. Корсары из Трапезунда выступили против синопского наместника сельджуков, высадились в Карусе и, атаковав оттуда Синоп, сумели вернуть захваченный корабль, пленников и все деньги. Из сообщения Лазаропула явствует, что Этум-Раис совершил также набег на Херсонес, опустошив окрестности города^[70].

После 1204 г. исчезают всякие сведения о движении русских судов в Черном море и присутствии русских купцов в Константинополе. После 1204 г. Русское море стало итальянским. А о том, какое значение придавали ему венецианцы и генуэзцы, говорит то, что они называли Черное море «Великим морем».

В то время как путь по Днепру «из варяг в греки» фактически перестал функционировать, объем торговли существенно возрос по Волге и Дону. В итоге экономика Киева и Приднепровья постепенно приходила в упадок.

Глава 9

Батыева рать

16 декабря 1237 г. орда хата Батыя осадила Рязань, а через 5 дней город был взят и практически полностью уничтожен.

От Рязани войско Батыя двинулось вверх по Оке и подошло к Коломне, а там татар ждали дружины владимирского князя Юрия Всеволодовича и остатки рязанской дружины во главе с князем Романом Ингваревичем. Замечу, что сам великий князь владимирский Юрий Всеволодович с войском не пошел, а отправил своего старшего сына Всеволода с воеводой Еремеем.

Татары окружили русских. В битве погибли Роман Ингваревич и воевода Еремей с большей частью войска. Юрию же Всеволодовичу удалось убежать к отцу во Владимир. Коломна была взята татарами и разграблена.

7 февраля татары начали штурм города Владимира. Город также был взят и разрушен. А 4 марта 1238 г. на реке Сити было разбито войско великого князя Юрия Всеволодовича. В бою погиб и сам князь.

Все эти события хорошо известны из школьных учебников и исторических романов, поэтому я лишь кратко упоминаю о них.

А вот дальнейшие события объяснены нашими историками довольно невнятно. Татары захватили город Торжок по пути к Новгороду и разорили его, а затем пошли «безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»^[71].

Забавно, что сейчас вновь объявились сторонники «небесной версии». Так, Ю.В. Кривошеев пишет: «...вмешательство божественных сил (самого Творца, святой Софии, Кирилла и других святых православной церкви) свидетельствует о каких-то неведомых и самим этим силам причинах божественного происхождения не появления монголов под стенами волховской столицы»^[72].

А более прагматически настроенные историки вот уже 200 лет спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что

татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь»^[73]. И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгород, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью Великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Ну а что зимой – весной 1238 г. происходило в Киеве, где с 1236 г. княжил младший брат великого князя Юрия Всеволодовича Ярослав?

Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану – Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси неубранные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому, Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел капитально задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос: а как он доехал до Владимира? Ведь, по летописным данным, татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 года. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой

Киев – Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте-июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

Любопытно, что некоторые авторы, в том числе Д.Г. Хрусталеv, пытаются объяснить «странное поведение» Ярослава Всеволодовича тем, что он якобы поехал из Киева в Новгород, чтобы оттуда, собрав войска, прийти на помощь брату Юрию. Версия сия более чем несерьезна. В Новгород никогда не ездили князья, чтобы собирать там войска, поскольку своей сильной дружины там никогда не было. Затем и приглашали новгородцы к себе князей не чтобы управлять «глупыми» новгородцами, а чтобы их дружины защищали город.

Ну, предположим, что Ярослав поехал в Новгород не за дружиной, а так – по делам, допустим, поклониться какой-нибудь местной иконе. Не трудно догадаться, что произошло бы с его дружиной, если бы он форсированным маршем прогнал ее в конце зимы – начале весны от Киева до Господина Великого Новгорода, а затем оттуда во Владимир. Да в ней остался бы в лучшем случае каждый десятый воин.

А, может, Ярослав приехал во Владимир осенью 1238 г., когда татары ушли в степи? Но тогда почему всю весну и лето лежали во Владимире неубранные трупы? Жизнь в разоренном городе обычно возобновляется спустя несколько дней после ухода врага. Вспомним Москву в 1812 г. после ухода французов, хотя бы в замечательном описании Л.Н. Толстого.

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы – Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелили, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

А чем занимался Александр в Новгороде весной 1238 года? Тоже повседневной военно-политической учебой дружины. Ну ладно, не помог на Сити дяде Юре, с которым у отца сложились плохие отношения. А почему не помог Торжку? Ведь, как показывает история, новгородцы и их князья насмерть дрались с любым «низовым» князем, посягнувшим на Торжок. Видимо, прав болгарский летописец: и тут был договор с татарами.

На Руси татары жгли русские города, а наш храбрый Александр Ярославич занят был личными делами. В 1239 г. он в Новгороде изволил жениться на Александре (по другой версии Параскеве) Брячиславне.

Происхождение ее неизвестно^[74].

А чем занимается великий князь Ярослав Всеволодович в 1239 году? Готовит Владимиро-Суздальскую Русь к отпору монголам? Ведь не исключено новое нашествие. Увы, нет. Вместо этого он отправляет свою дружину на разгром достаточно удаленных от Владимира русских княжеств.

Так, зимой 1238/39 года Ярослав Всеволодович и его сын Александр идут походом на Смоленск, якобы спасти оный град от литовцев. Ряд историков утверждают, что-де литовцы захватили большую часть Смоленского княжества, а некоторые считают, что и сам Смоленск был захвачен литовцами. Но вот ни русские летописи, ни западные хроники этого факта не подтверждают.

Спору нет, набеги литовцев имели место. Сколько-нибудь крупные из них описаны в летописи, как, например, набег 1234 года на Торопец, но чтобы Литва взяла Смоленск в 1238 г. – полный бред.

Замечу, что в летописи есть упоминание, что «Ярослав Смоленск урядил и посадил там князя Всеволода Мстиславича».

Есть сведения, что смоленский князь Святослав Мстиславич был убит дружиной Ярослава Всеволодовича под стенами Смоленска.

Следует отметить, что ставленник Ярослава князь Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Старого, был довольно серой личностью. В 1219 г. отец посадил его княжить в Новгороде, но через три года вече «показало ему путь», и с тех пор бедный Всеволод мыкался без места.

Замечу, что великий князь Ярослав не ограничился Смоленском. В том же 1239 году он двинулся на юг к городу Каменцу. Город был взят, и там захвачена в плен жена соперника Ярослава князя Михаила Всеволодовича Черниговского.

Понятно, что затевать захватнические (а не оборонительные!) войны на западе и юге великий владимирский князь мог, лишь только обеспечив себя на востоке.

В ходе борьбы с татарами погибли многие ветви Рюриковичей. Самое же интересное, что все семейство Ярослава Всеволодовича уцелело. Остались живы все сыновья – Александр, Андрей, Константин, Ярослав, Афанасий, Даниил и Михаил. Именно они будут владеть всей Северо-Восточной Русью, о чем без татар они и мечтать не могли.

Новый великий князь владимирский Ярослав Всеволодович в том же 1239 году отправился в Булгар с большой казной. Замечу, год еще 1239-й, Киев еще не взят, никакой Золотой Орды нет, практики выдачи ордынских ярлыков русским князьям нет, я уж не говорю о том, что Ярослав сел

абсолютно законно на место своего старшего брата. Наконец, татары еще никакой дани не установили.

И вот великий князь Ярослав приезжает в Булгар к татарскому наместнику Кутлу-Буга. Привезенную Ярославом дань поделили между собой Гази Барадж и Кутлу-Буга: три четверти взял посол-наместник, а четверть – эмир.

Профессор З.З. Мифтахов иронизирует по сему поводу: «Кто заставил Ярослава привезти такое огромное количество дани? Никто. Эмир Гази Барадж даже очень удивился такой прыти, такой степени покорности. Еще более удивился и посол, и эмир тому, в каком виде явился великий князь. По свидетельству очевидца Гази Бараджа, Ярослав “явился с обритыми в знак покорности головой и подбородком и выплатил дань за три года”. Возникает резонный вопрос: кто заставил великого князя в знак покорности сбрить голову и бороду? Это он сделал по своей инициативе, ибо и эмир Волжской Булгарии, и посол-наместник великого хана Монгольской империи были поражены увиденным.

Так началось развитие того явления, которое впоследствии стало называться *игом*. Как известно, в мир русской историографии термин “иго” запустил Н.М. Карамзин (1766–1826 гг.). “Государи наши, – писал он, – торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров”.

Необходимые пояснения: слово “выя” означает “шея”, а “иго” – “хомут”, а также то, чем скрепляют хомут.

Итак, Н.М. Карамзин утверждал: “Наши государи добровольно отреклись от прав народа независимого и склонили шею под хомут варваров”. Сказано образно, сказано верно! Действительно, великий князь Ярослав Всеволодович по своей инициативе заложил фундамент новых отношений между Северо-Восточной Русью, с одной стороны, Монгольской империей и Волжской Булгарией, с другой»^[75].

Судя по всему, Ярослав Всеволодович, покидая Киев, не оставил там даже части дружины. Поэтому черниговский князь Михаил, сын Всеволода Святославича Чермного, сразу по отъезде из Киева князя Ярослава Всеволодовича захватил Киев и объявил себя великим князем киевским. Из-за этого ему, видимо, и недосуг было защищать Чернигов. Этим занялся его двоюродный брат Мстислав Глебович. Но в битве у Чернигова дружина Мстислава Глебовича была разбита, а сам князь бежал в Венгрию.

Татары взяли и сожгли Чернигов, однако пожалели местного епископа и часть клира. Уже тогда хан начал заигрывать с православной церковью.

По взятии Чернигова племянник Батыя, сын Угедея Менухан приехал к

Песочному городку на левый берег Днепра, чтобы посмотреть на Киев, раскинувшийся на другом берегу. По словам летописца, татарин удивился красоте и величеству Киева и отправил послов к князю Михаилу Всеволодовичу и к киевлянам, чтобы склонить их к сдаче города.

Князь Михаил Всеволодович приказал перебить татарских послов. Позднейшие наши историки пытались выгородить будущего святого: «Кажется, это случилось против воли самого Михаила, потому что вскоре после убийства он, не дожидаясь осады, бежал в Венгрию»^[76]. Так поэтому Михаил и драпанул, опасаясь мести татар.

Свято место пусто не бывает, после бегства Михаила в Киев из Смоленска прибыл князь Ростислав Мстиславович и объявил себя великим князем киевским. Но княжить ему пришлось недолго.

К Киеву подошла рать Даниила Романовича Галицкого и захватила город. Ростислав Мстиславович был взят в плен. Но оставаться в Киеве Даниил не пожелал и оставил в качестве наместника своего тысяцкого Дмитра.

Между прочим, Михаил Всеволодович, убегая из Киева в Венгрию, потерял по пути жену и бояр. Они были захвачены дружиной князя Ярослава Всеволодовича. Узнав об этом, Даниил Галицкий послал ему сказать: «Отпусти ко мне сестру, потому что Михаил на обоих нас зло мыслит». Ярослав исполнил просьбу Даниила и отправил черниговскую княгиню к брату.

В Венгрию Михаил Всеволодович прибыл с сыном Ростиславом, которого он надеялся сосватать за дочь венгерского короля Белы IV. Иметь зятя изгнанника король не пожелал и велел отцу и сыну убираться восвояси. Михаил и Ростислав с горя отправились в Польшу к князю Конраду I Мазовецкому – своему дяде^[77]. Но ляхи были заняты своими сварами, и им было не до Киева. И пришлось Михаилу каяться перед Даниилом и Василько Романовичами.

Отписали они им грамоту: «Много раз грешили мы перед вами, много наделали вам вреда, и обещаний своих не исполняли; когда и хотели жить в дружбе с вами, то неверные галичане не допускали нас до этого; но теперь клянемся, что никогда не будем враждовать с вами».

Романовичи простили Михаила, отпустили к нему свою сестру и самого привели к себе из Польши. Мало того, они пообещали отдать ему Киев, а его сыну Ростиславу – Луцк. Но Ростислав, боясь татар, не шел в Киев, а ходил по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Князя Даниил и Михаил не зря боялись оставаться в Киеве. Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч болгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские»^[78].

Тысяцкий Дмитрий был взят в плен татарами. Согласно русским летописям, он, видя гибель земли русской, сказал Батю: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров. Если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее».

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побежал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом – в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

Забегая вперед, скажу, что Даниил попытался в Венгрии женить своего сына на дочери короля Белы IV, но тот отверг это предложение. Тогда Даниил со Львом отправились к мазовецкому князю Болеславу, который принял их довольно радушно и дал «в кормление» город Вышеград.

Князь же Михаил Всеволодович, испугавшись татар, решил бежать дальше – в Шленску (Силезия). Однако между Вроцлавом и Легнице на него напали немецкие купцы. Они перебили свиту и ограбили обоз, и Михаилу с сыном едва удалось бежать обратно в Мазовию.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин^[79] на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна непреступная крепость Кременец.

Глава 10

Галицкое королевство

Уже известный нам молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленном городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А краснорожий боярин Семьюнко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро Даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, – говорил он, – никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 году. Однако кампании 1232 и 1233 годов были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своем уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Оттона, в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей – сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович – номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей – старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров. Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, одев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду, и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных

боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским – польской.

Князя Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников – пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 годом. По его словам, Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галицким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена Францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимиро-Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима

вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 году. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?» – велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную

греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.^[80] в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

В 40-х годах XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными,

выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына – на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русский полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, недолго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае вернуться в язычество. В летописи говорится: «Крещение его было лъстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Василько с племянником Романом Данииловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал

всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк – христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, королю Даниилу удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII века полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брючислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил – сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа – неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека – одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин синхронного

совместного удара по ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее, литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, – у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг, согласно языческим обычаям, решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу – мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил

рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Даниловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир-Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк – в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол.

Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) – князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Данилович не уgomонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногай помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в Волынские земли у Берестя. Поляки разорили с десятков сел и пошли назад. Но жители Берестя во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими – детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату – бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь» – и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостью бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на руку да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестю, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и

крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге. Один был родом прусс, а другой – придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда русские войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав Семовитович выехал из города, чтобы поймать какой-нибудь небольшой отряд, на все же войско он напасть боялся.

Князь Владимир приказал своим воеводам не распускать войска, но тридцать человек отделились и поехали в лес, чтобы ловить челядь, скрывавшуюся от них из окрестных сел. Болеслав напал на отряд, все разбежались, кроме двоих – Раха и прусса. Прусс бросился на самого Болеслава, но тут же был убит, а Рах убил знатного боярина Болеслава, но и сам заплатил жизнью за свой подвиг. По словам летописца, умерли они мужественно и оставили по себе славу будущим векам.

Глава 11

Как Киев оказался без князей и митрополитов

Если история Галицкого королевства более-менее известна, по об истории Киевского княжества во второй половине XIII – начале XIV века молчат или бормочут нечто невнятное как русские, так и украинские историки. После нашествия Батыя наступает «темное» столетие.

В 1243 г. хан Батый дал ярлык на Киевское княжество великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу. Но тот в Киев не поехал, а якобы поставил там своего наместника – тысяцкого Дмитра Ейновича. Почему я пишу «якобы»? Ну, во-первых, личность этого Дмитра не ясна. Возможно, это был тот самый воевода, оборонявший Киев. Позже он сопровождал армию Бату-хана в походе в Центральную Европу. Во-вторых, нет никаких конкретных документов об управлении владимирским князем Киевом.

В 1246 г. в Орде впервые был убит русский князь – Михаил Всеволодович Черниговский. Наши церковники, а затем и историки раздули и мифологизировали этот инцидент. Поэтому нам придется рассмотреть его поподробнее.

Князь Михаил Всеволодович (1195–1246) даже для своего бурного века был авантюристом высшей пробы. Так, в 1236 г. он повел половцев на Киев, чтобы выгнать оттуда Ярослава Всеволодовича. Но прокняжить там ему удалось несколько недель, и войско Ярослава вышибло его из Киева.

В 1239–1243 гг. Михаил Всеволодович ездил по Венгрии и Польше, пытаясь собрать там войско для вторжения на Русь. Потерпев неудачу, он возвращается в Чернигов.

В Житии Михаила Черниговского утверждается, что-де хан Батый вызвал в Орду князя Михаила Всеволодовича. Риторический вопрос: а на кой он был нужен хану? Ему что, не доставало десятков русских князей, законно владеющих своими княжествами? А тут авантюрист без удела, без дружины, большую часть жизни мотавшийся по чужим странам.

Наоборот, Михаил поехал в Орду в инициативном порядке – жаловаться на князей-конкурентов. Батыю он явно не был нужен, а князя Ярослав Всеволодович и Даниила Романович видели в нем врага.

По житию, хан Батый ласково встретил Михаила, но попросил его пройти «сквозь огонь и поклониться кусту и онгеви и идолом их». Князь же

гордо отказался и заявил: «Не хочу только именем зватися христианин, а дела творити поганых». Хан-де приказал убить князя Михаила и его боярина Федора, причем убийство совершил русский – некий Роман из города Путивля.

Судя по всему, убийство Михаила было организовано конкурирующим кланом князей, скорей всего, кланом Ярослава Всеволодовича.

По некоторым данным, после казни Михаила Всеволодовича татары в 1246 г. вновь разорили Чернигов, а в 1263 г. ярлык на Черниговское княжество был отдан Александру Невскому.

Но мы забежали вперед. После смерти князя Ярослава Всеволодовича в далеком Каракоруме состоялась раздача ярлыков. Младший сын Ярослава Андрей получил ярлык на Владимир, а старший Александр – на Киев. Предположительно, и Невский до 1263 г. поставил в Киеве своего наместника. Затем до 1271 г. ярлык на Киев имел его младший брат Ярослав Ярославич, который традиционно не появлялся в Киеве. Забегая вперед, скажу, что и позже татарские ханы выдавали ярлыки на Киев великим князьям владимирским. Так, владельцем такого ярлыка был даже Иван Калита.

Ряд историков считают, что Киев, так же как и Канев, и другие города, управлялся вечем и какими-то самозванными персонажами не Рюриковичами, а атаманами. Так, Плано Карпини пишет, что в Каневе управлял какой-то Михай. А в своей грамоте рязанский князь Олег Ингорович упоминает о «владельце Черниговском Иване Шапке» (около 1250 г.).

«То, что Киев в этот период являлся автономной самоуправляющейся городской общиной, косвенно подтверждается также рядом фактов из истории церкви. Так, в описании общерусского церковного собора 1273 г., проходившего в Киеве, князь не упоминается, хотя он должен был обязательно находиться на столь знаменательном собрании, принявшем правки к “Кормчей книге”, по которой еще долго строилось управление церковными организациями всей Руси. Не упоминается он и на похоронах видного церковного деятеля того времени, митрополита Кирилла, погребенного в 1282 г. в Софии, хотя летописец и отмечает, что “тамо (в Софийском соборе) паки певшее на нимъ и служившее вси епископи Русстии со всем священнымъ съборомъ”»^[81].

Несколько слов стоит сказать и о положении русской церкви. В Древнерусском государстве православная церковь была строго централизована. Во главе ее стоял киевский митрополит, назначаемый константинопольским патриархом.

Во время Батыева нашествия митрополитом на Руси был Иосиф, но после 1240 г. он совершенно исчезает из летописей, что дает историкам возможность предположить что либо он был убит татарами, либо бежал в неизвестном направлении.

Через несколько месяцев после исчезновения Иосифа князь Даниил Галицкий назначает митрополитом «некого Кирилла»^[82]. Семь лет он остается «нареченным митрополитом». Лишь в 1247 г. Кирилл отправляется в Константинополь, где официально посвящается патриархом в митрополиты. Немного пожив в Киеве, Кирилл в 1250 г. отправляется во Владимир, где становится верным прислужником Александра Невского. Данные о поездках Кирилла в Орду отсутствуют, но он завязал хорошие отношения с ханами. При Кирилле православные попы начинают постоянно поминать в своих молитвах ордынских «царей». В свою очередь, за моральную поддержку и идею непротивления «батогу божьему» ханы позволяют Кириллу основать в 1261 г. в Сарае епархию. Первым епископом сарайским Кирилл назначил Митрофана.

В 1280 г. Кирилл скончался в Переяславле-Залесском, но ради соблюдения приличий – как никак, он был митрополитом киевским – его тело перевезли в Киев и погребли в соборе Святой Софии.

Преемника Кириллу, по всей вероятности, нашел сам константинопольский патриарх. В 1283 г. в Киев из Константинополя прибыл новый митрополит Максим, грек по национальности. Через несколько недель Максим покидает митрополию и едет в... Орду для утверждения золотоордынским ханом. Туда-Менгу выдает ему ярлык, и вот Максим снова в Киеве.

В 1284 г. он собирает там всех русских епископов, а в следующем 1285 году совершает инспекционную поездку на север – он приглядывается. И вот в 1299 г. Максим переселяется из Киева во Владимир. «Пришел с клиросом и со всем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего»^[83].

Перенос кафедры во Владимир Максим задумал давно и для этого провел рокировку церковных иерархов. Он с 1295 г. держал вакантной кафедру епископа (владыки) ростовского и лишь перед самым своим переездом отправил в Ростов владимирского епископа Симеона.

Перенос митрополии из Киева во Владимир вызвал осуждение у части князей Рюриковичей и, особенно, у населения южных княжеств. Не

понравилось это и константинопольскому патриарху. Поэтому Максим всеми силами старался оправдать свое бегство из Киева. Так, он придумал легенду о явлении Богородицы. Вскоре после прибытия Максима во Владимир, Богородица якобы явилась ему во сне и сказала: «Рабе мой Максиме, добро пришел еси семо посетити град мой... Прими сей омофор и паси в граде моем словесныя овцы». Видение митрополита было запечатлено на иконе, помещенной в Успенском соборе.

Как писал историк Н.С. Борисов: «Переезд Максима во Владимир в 1299 г. послужил началом затяжного конфликта внутри русской церкви. Уже в 1303 г. шесть епархий Галицко-Волынской Руси – галицкая, перемышльская, владимиров-волынская, луцкая, холмская и туровская – образовали самостоятельную, независимую от владимирской, митрополию. Поставление первого галицкого митрополита Нифонта, несомненно, было поддержано галицким князем Юрием Львовичем, внуком Даниила Галицкого. Патриарх Афанасий счел за лучшее признать новую митрополию. [В 1303 г. Афанасий поставил Нифонта митрополитом Галицким – А.Ш.] С этого момента и на протяжении более чем ста лет борьба против выделения самостоятельной галицкой митрополии становится постоянной заботой великорусских иерархов»^[84].

Именно поэтому Максим объявил себя «митрополитом всея Руси». До него киевским митрополитам и так подчинялась вся Русь, и лишний раз говорить об этом не приходилось, но сейчас ситуация стала постепенно меняться.

6 декабря 1305 г. митрополит Максим умер во Владимире. Почти одновременно в Галиче скончался и Нифонт. Великий князь владимирский Михаил Ярославич Тверской и слышать не захотел о каком-то Киеве и приказал похоронить Максима во Владимире. Так Максим стал первым митрополитом, погребенным в Северо-Западной Руси, а не в Киеве.

Сразу же после смерти Максима игумен Геронтий приступил к исполнению обязанностей митрополита. Разумеется, сделать это Геронтий мог только с санкции Михаила Тверского. Видимо, в связи с нестабильной ситуацией на Руси Геронтий не сразу отправился в Царьград для рукоположения в митрополиты, а почти два года пробыл во Владимире.

Зато галицкий король Юрий Львович, который был крайне недоволен постоянным пребыванием митрополита всея Руси в далеком Владимире, оперативно отправил к константинопольскому патриарху своего кандидата. Им стал игумен Спасского монастыря (на реке Рате близ Львова) Петр Ратский.

Юрий отправил патриарху хорошую «милостыню», и Афанасий

рукоположил Петра митрополитом. И лишь спустя некоторое время в Царьграде объявился Геронтий. Позже церковные авторы будут утверждать, что Петр спокойно доплыл до Босфора, а судно Геронтия попало в сильную бурю и его долго носило по всему Черному морю.

Так или иначе, но Афанасию было уже неудобно переназначать митрополита всея Руси, и патриарх, не мудрствуя лукаво, заявил: «Не достоин миряном избрания святительския творити». Затем патриарх взял у Геронтия святительские одежды, пастырский жезл и икону.

Поначалу Петр Ратский решил, как ему и было предписано патриархом, осесть в Киеве, но по заведенному митрополитом Киприаном обычаю ему пришлось еще поехать на утверждение в Орду. Золотоордынский хан Тохта 12 апреля 1308 г., а по другим источникам, 21 апреля 1309 г. выдал Петру ярлык. В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших». Позже новый хан Узбек даст митрополиту Петру новый ярлык, где будет добавлено, что митрополит Петр управляет своими людьми и судит их во всяких делах, не исключая и уголовных, что все церковные люди должны повиноваться ему под страхом гнева Великого хана.

Из Орды митрополит Петр едет во Владимир (на Клязьме) и остается в Северо-Восточной Руси на постоянное жительство. Там Петр вступает в конфликт с великим князем Владимиром Ярославичем и становится на сторону московского князя Ивана Калиты. Победив в конфликте с Владимиром Ярославичем и поддерживавшим его духовенством, митрополит начал думать и о смене резиденции. Спору нет, Владимир уже давно был столицей Северо-Восточной Руси, там имелись большие каменные храмы и митрополичьи палаты, но великие князья владимирские назначались ханами, и, не дай бог, завтра там вновь окажется тверской князь. Поэтому Петр переносит митрополичью кафедру в Москву, где были только деревянные церкви.

Для поддержания своего престижа Петр упросил великого князя московского Ивана Калиту возвести в Москве каменный епископский собор, подобный тем, что украшали все главные города Северо-Восточной Руси. Калита исполнил желание митрополита и 4 августа 1326 г. заложил в Кремле первую каменную церковь во имя Успения Богородицы. Петр, не ожидая конца строительства, собственными руками построил себе каменный гроб в стене церкви. И действительно, в декабре 1326 г. Петр преставился.

Калите был срочно нужен собственный святой, и вот «некий сухорукий юноша исцелился у гробницы Петра уже через 20 дней после

его кончины. Потом чудесным образом Петр исцелил слепого. Князь Иван велел записывать все эти происшествия, а также составить краткое «житие» – рассказ о жизни святого.

Вскоре во Владимире-на-Клязьме состоялся поместный собор Русской Церкви. Исполнявший тогда обязанности митрополита ростовский епископ Прохор зачитал присланный из Москвы список чудес, случившихся у гробницы Петра. Для причисления к лику святых (канонизации) требовались три условия: чудеса у гроба; наличие письменного «жития» и нетленные мощи. Впрочем, иногда обходились и двумя первыми.

«Владимирский собор утвердил местное, московское, почитание Петра как Святого. Это был первый шаг к его общерусской канонизации, состоявшейся в 1339 году. Тогда святость Петра была признана и константинопольским патриархом»^[85].

Таким образом, Калите удалось реализовать свою задачу только наполовину – Петр Ратский стал лишь местным святым.

Гораздо труднее было решить вторую задачу – поставить на кафедру нового ручного митрополита. В последние месяцы жизни Петр Ратский подготовил себе преемника, некоего архимандрита Федора. Он, как и Петр, был с Волыни, возможно, из того же Ратского монастыря. И вот летом 1326 г. в Константинополь прибыли московские бояре со своим кандидатом Федором. Естественно, бояре привезли богатые дары патриарху и его иерархам. Но что-то не сладилось, и патриарх Исайя поставил митрополитом киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста.

Новый митрополит оказался неглупым человеком. Киевский митрополит не пожелал иметь кафедру в Киеве, но не поехал и в Москву, а отправился во Владимир. Это, естественно, не могло понравиться Калите, но он не повторил ошибки Михаила Тверского, поссорившегося с митрополитом Петром Ратским. С самого начала Калита стремился быть в хороших отношениях с Феогностом, проявляя показное почтение. Феогност несколько раз приезжал в Москву, где удостоивался торжественной встречи и останавливался во дворце покойного Петра. Ну а главное, Иван щедро распахнул свою калиту^[86] перед новым митрополитом. В итоге Феогност начал активно сотрудничать с Иваном, хотя ручным так и не стал.

В 1339 г. митрополит Феогност по указанию великого князя московского Ивана Калиты добился у константинопольского патриарха согласия на общерусскую канонизацию Петра Ратского.

Умер митрополит Феогност весной 1353 г. во время «мора» (эпидемии чумы) в Москве.

Незадолго до смерти грек по настоянию великого князя Симеона Гордого посвятил инок Алексея в сан епископа владимирского. Его-то московские бояре и решили сделать митрополитом всея Руси после почти одновременной смерти Феогноста и Симеона. Алексей уже по происхождению должен был стать ручным московским владыкой.

Алексей (мирское имя Алферий) был сыном боярина Федора Бяконта, пришедшего на службу к Даниилу Московскому. Крестным отцом Алферия был сам Иван Калита.

Сразу же после смерти Феогноста Алексей едет в Орду, и 11 февраля 1354 г. ханша Тайдула выдает ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь. Там Алексею пришлось пробыть около года. Дело в том, что константинопольский патриарх Каллист вступил в конфликт с императором Кантакузином и вскоре был заменен Филофеем. А главное, иерархи Византии ждали, будет ли усобица на Руси после смерти Симеона Гордого, и кто получит ярлык на Великое княжество Владимирское. В Константинополе прекрасно понимали, что Алексей – исключительно московская кандидатура и если великое княжение получит не Иван Красный, а кто-либо другой, то Алексея взащей прогонят из Владимира и престиж патриарха заметно пострадает. Замечу, что в 50-х годах XIV века у Византии были серьезные проблемы с турками-османами, которые заняли уже весь противоположный берег Мраморного моря.

Наконец Алексей был рукоположен в митрополиты, причем патриарх впервые официально признал местом митрополичьей кафедры не Киев, а Владимир (с опозданием на полвека). Радостный Алексей отплыл на Русь. Но тотчас после его отъезда патриарх Филофей рукополагает еще одного русского митрополита – Романа.

Роман родился в Твери в боярской семье и даже состоял в родстве с князем Михаилом Александровичем. Но главное, Романа поддержал великий князь литовский Ольгерд. Дело в том, что владимирские митрополиты были заняты на 99 % делами Владимиро-Суздальской Руси, Орды и Новгорода, и лишь эпизодически, раз в 10–20 лет посещали Юго-Западную Русь. Надо ли говорить, что иметь таких духовных пастырей (карманных московских владык) ни паства, ни духовенство, ни русско-литовские князья юго-западных земель не желали.

Роман устроил митрополичью кафедру в Новгороде Волынском. Между обеими митрополиями началась война не на жизнь, а на смерть. Как писал Р.Г. Скрынников: «В 1356 году по настоянию Романа патриарх

вызвал Алексея в Константинополь для окончательного раздела русской епархии. Вступив в спор из-за обладания титулом митрополита Киевского, владыки не жалели денег. Чтобы получить необходимые средства, они посылали данщиков в одни и те же епископства, что было разорительно для паствы. Москва не хотела лишаться древнейшей церковной столицы Руси – Киева. Литва не желала считаться с претензиями Москвы. В конце концов константинопольский патриарх принял решение, не удовлетворившее ни одну из сторон. Алексей сохранил титул митрополита Киевского и всея Руси, а Роман стал митрополитом Малой Руси без Киева. Однако Роман отказался подчиниться постановлению и, опираясь на поддержку Ольгерда, провозгласил себя митрополитом Киевским»^[87].

Опираясь на решение патриарха, Алексей решил «показать флаг» в Киеве, куда он и прибыл в 1358 году. Однако местный князь, видимо, с санкции Ольгерда, заключил под стражу Алексея и его свиту. Бежать из плена в Москву Алексею удалось лишь спустя два года.

Роман, в свою очередь, совершил рейд на Русь. Роман объявился в Твери, но здешний владыка (архиепископ) Феодор не захотел его принять, но, по словам летописца, князя, бояре и некоторые другие давали ему все потребное. Особенно отличился князь Всеволод Александрович Холмский, оказав Роману большой почет и одарив его богатыми дарами.

В отличие от своих предшественников, митрополит Алексей ни разу в 60 – 70-х годах XIV века не появился ни в Киеве, ни в других южных и западных русских землях. Щедрыми дарами и льстивыми письмами он сумел завоевать расположение патриарха Филофея. По настоянию Алексея Филофей в 1370 г. подтвердил постановление, «чтобы литовская земля ни под каким видом не отлагалась и не отделялась от власти и духовного управления митрополита Киевского» (Алексея).

Но всему есть предел. На Алексея буквально валом шли жалобы из Литвы, Твери, Великого Новгорода и других земель за его беспринципную поддержку московских князей, идущую вразрез не только с интересами других русских земель, но и самой православной церковью. Несколько раз патриарх пытался вразумить Алексея. Так, в 1372 г. специальное послание патриарха в Москву привез монах Аввакум. Затем Филарет послал в Москву двух своих протодьяконов, Георгия Пердика и Иоанна Докиана. Они должны были «произвести дознание о жизни Алексея, выслушать, что будут говорить против него обвинители и свидетели и донести священному собору [в Константинополь – А.Ш.] письменно обо всем, что откроется».

Однако московские власти и священнослужители не только не допустили проведения патриаршего розыска, но и начали угрожать

протодьяконам, да так, что тем пришлось просить защиты у самого Алексея.

Между тем 23 октября 1373 г. папа Григорий XI обратился к литовским князьям Ольгерду, Куйстуту и Любарту с призывом принять латинскую веру, в каковой они только и смогут спасти свои души.

Литовских же князей вопросы веры интересовали лишь в той степени, в какой они касались их интересов. Так, Ольгерд решил сыграть на папской булле. Он пригласил в Киев митрополита Алексея для ведения церковных дел, тот традиционно отказался. Тогда в Константинополь пошла жалоба от киевского клира. А сам великий князь литовский Ольгерд направил грамоту Филофею, в которой угрожал поставить своего митрополита от папы римского, если патриарх откажется от устройства особой православной митрополии в Литве.

И вот 2 декабря 1375 г. Филофей возводит в сан митрополита киевского болгарина Киприана. Филофей познакомился с Киприаном, еще будучи настоятелем Афонского монастыря. Сам Киприан происходил из древнего боярского рода Цамвлаков.

Замечу, что константинопольские патриархи до этого всеми силами пытались сохранить единовластие на Руси. Так было и проще качать деньги с такой огромной территории, и управлять легче, а главное, меньший риск отложения в «латинство» какого-либо русского княжества. Поэтому Филофей сделал хитрый ход. Было объявлено, что киевская митрополия создается временно, до смерти старого Алексея, а затем Киприан станет митрополитом всея Руси.

Появление конкурента вряд ли обрадовало митрополита Алексея, и тот сам решил подыскать себе преемника. Им стал хорошо известный в Северо-Западной Руси Сергей Радонежский. В середине 40-х годов XIV века инок Сергей (в миру боярский сын Варфоломей) вместе с братом Стефаном основал монастырь в пустом ранее Радонежском уделе. Стефан вскоре становится духовным отцом московского князя Симеона Гордого (1316–1353).

С подачи митрополита Алексея патриарх Филофей осенью 1355 г. прислал похвальную грамоту и золотой нагрудный крест-мощевик Сергию – игумену Троицкого монастыря в Радонеже.

Сергий стал самым «политизированным» игуменом XIV века на Руси. Ряд историков утверждают, что именно он уговорил великого князя Дмитрия Ивановича пойти навстречу Мамаю и дал ему двух богатырей-монахов Ослябю и Пересвета.

Митрополит вызвал Сергия Радонежского и не только предложил ему

стать преемником, но и попытался публично возложить на него драгоценные митрополичьи регалии. Сергей довольно резко отказался. Наши историки обычно объясняют это скромностью игумена. На самом же деле Сергей в очередной раз проявил себя опытным политиком. Ведь у Дмитрия Донского уже был свой претендент, а Сергей ни в коем случае не хотел вступать в конфликт с великим князем.

Великокняжеский кандидат вошел в историю под именем Митяя. Он, в отличие от большинства русских иерархов церкви того времени, не принадлежал к княжескому или боярскому роду. Отец его Иван служил священником в селе Тешилове за Окой, в окрестностях Коломны. И Митяй продолжил династию – стал священником и получил приход в Коломне. Там его и заметил великий князь Дмитрий Иванович.

Современники так описывают внешность Митяя: был ростом немал, плечист, был голосист («глас имея доброгласен, износящ»), любил петь в церкви, знал грамоту и любил книжную премудрость, ибо был «чести горазд, книгами говорити горазд».

Дмитрий Донской для начала сделал Митяя своим духовником, а затем печатником. «И бысть Митяй отец духовный князю великому... но и печатник, юже на собе ношаше печать князя великого». По древнему обычаю великий князь никогда не «рукоприкладствовал»: его подпись на грамоте заменяла печать. Фактически Митяй стал чем-то вроде канцлера на Западе.

В конце концов великий князь решил, что лучшего митрополита всей Руси, чем Митяй, ему не найти. Но ни печатник князя, ни даже поп – представитель белого духовенства, по православным канонам не мог стать митрополитом. По приказу князя Митяя в 1376 г. чуть ли не насильно постригли в Спасском монастыре в Кремле, и он стал иноком Михаилом. Немедленно по княжескому указанию архимандрит этого монастыря Иван Непенца был освобожден «по глубокой старости», а на его место назначен... Митяй. Но «глубокая старость» не помешала через 4 года Ивану Непенце благополучно совершить путешествие в Константинополь, что по тем временам было совсем нелегким делом. Не лишенный юмора летописец помянул анекдот, ходивший по Москве: «Иде до обеда белец сын, а по обеде архимандрит, до обеда мирянин, а по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вождь, и пастух».

Теперь великий князь мог требовать у митрополита Алексея назвать своим преемником Митяя, пардон, архимандрита Михаила. «Князь же великий много нуди о сем Алексея митрополита, дабы благословил, овогда

бояр старейших посылая, овогда сам приходя». Однако согласия он так и не получил. Самое большее, что смогли добиться от Алексея, – неопределенной ссылки на волю патриарха. «Алексей же митрополит, умолен быв и принужден, не посули быти прошению его, но известуя святительскы и старческы, паки же пророчьскы рече: «Аз не доволен благословити его, но оже дать ему бог и святая Богородица и пресвященныи патриарх и вселеньскыи збор»^[88]. Так Алексей и не дал благословения Митяю.

В 1376 г. византийский император Иоанн V Палеолог был свергнут с престола сыном Андроником, воспользовавшимся помощью генуэзцев и турок. Патриарх Филофей был лишен сана и заточен в монастырь.

Под давлением великого князя митрополит Алексей был вынужден направить грамоту вместе с приличной суммой новому патриарху Макарию. Макарий прислал ответную грамоту, где говорилось, что он не примет Киприана, а «предает ту церковь грамотой архимандриту оному Михаилу».

Киприан тотчас обличил сторонников Митяя словами: «И тии на куны надеются и на фрязы...» Фрязами Киприан называл латинян-генуэзцев, помогших свергнуть патриарха Филофея, а, говоря о «кунах», подразумевал подкуп нового патриарха послами Алексея.

И вот, наконец, 12 февраля 1378 г. в Кремле умирает митрополит Алексей. «Митяй вышел на митрополичий двор, стал ходить и властвовать как митрополит». Поначалу он собрался ехать в Константинополь на поставление к патриарху, но потом раздумал и начал говорить великому князю: «В правилах писано, что два или три епископа поставляют епископа; так пусть и теперь сойдутся епископы русские, пять или шесть, и поставят меня в митрополиты».

Великий князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но на заседании епископов Митяя начал обличать суздальский владыка Дионисий. Митяй надоумил Дмитрия Ивановича заключить Дионисия в темницу. Но тут в защиту опального епископа решительно выступил Сергей Радонежский, не высказывавшийся ранее против Митяя.

Великий князь пошел на компромисс – с Дионисия была взята клятва, что он впредь не будет выступать против Митяя, а гарантом этого согласился быть тот же Сергей. Покаявшийся Дионисий попросился обратно в свою епархию. Но, приехав в Суздаль, он бежал к Волге и на ладье добрался до Сарая, далее медленно двинулся по Дону к Черному морю в Константинополь.

Тут до обоих Митяев (до великого князя и митрополита) дошло, что

ехать в Константинополь все-таки придется. Тогда Митяй младший немедленно начал собирать деньги: «по всей митрополии с попов дань собираше, сборное и рождественое и уроки и оброки и пошлины митрополичи, то все взимае, готовляшеся на митрополию и тщаеся и наряжашевя ити к царю-городу на поставление».

Обычно за поставление в митрополиты греки брали тысячу рублей, но ввиду пикантности ситуации собрали в десять раз больше.

Получив вести о смерти митрополита Алексея, в Москву из Литвы двинулся Киприан, притом ехал он нелегально. Великий князь выслал заставы, чтобы перехватить неугодного митрополита. 3 июня 1378 г. Киприан из-под Калуги, то есть уже с территории Великого княжества Московского, написал письмо Сергию Радонежскому и его ученику Федору Симоновскому с предложением встретиться «где сами погадаете».

Киприану удалось обмануть московские дозоры и в сопровождении свиты из монахов и слуг въехать в Москву. Киприан надеялся, что великий князь не захочет скандала в столице. Но Дмитрий Иванович ради своего тезки был готов на все. Воевода Никифор с отрядом всадников захватил Киприана и его свиту. С митрополитом обошлись довольно грубо. Позже сам Киприан писал, что над ним «содея... хулы, и наругания, и насмезания, грабления, голод!.. Мене в ночи заточил, нагаго и голодного, и от тоя ночи студени и нынеча стражу!»

Как реагировал на случившееся Сергей Радонежский и другие иерархи – неизвестно. Но через сутки, с наступлением ночи, Киприана и его свиту под конвоем княжеских дружинников тот же воевода Никифор повез до литовского рубежа. Причем свита была основательно ограблена подчиненными Никифора.

Как писал Р.Г. Скрынников: «По возвращении в Киев Киприан написал обширное послание Сергию и прочим своим единомышленникам. В нем он доказывал, что московский князь не заботится о церкви и, назначив Митяя, «гадает двоити митролию», тогда как он, Киприан, печется о ее единстве: «Яз потружаюся отпадашая места приложити к митрополии». В заключение святитель обвинил Дмитрия и его бояр в непочтении к «митрополии и гробам святых митрополитов», в бесчестье его «святительства», после чего объявлял им всем церковное проклятие «по правилам святых отец». Послание было получено с наказом читать и распространять его по всей Руси»^[89].

В конце июля 1379 г. Митяй покинул Москву и отправился в Константинополь. В его свите были Иона – архимандрит московского Петровского монастыря, Пимен – архимандрит переяславского Успенского

Горицкого монастыря и другие церковные чины. Светскую власть представлял боярин великого князя Юрий Васильевич Кочевин. Как гласит «Житие Сергия Радонежского», Сергей предсказал, что Митяй не получит желаемого и не увидит Царьграда.

В отличие от Дионисия, Митяй со свитой двинулся кратчайшим путем через Рязань. Вскоре посольство было захвачено татарами, и Митяй предстал перед Мамаем. Красноречие митрополита оказало нужное действие на темника, и с подачи Мамаея хан Тюлякбек (Тулухбек) выдал ярлык митрополиту Михаилу, подтвердивший привилегии, полученные митрополитом Алексеем от хана Бердибека.

Ханский ярлык позволил посольству беспрепятственно достигнуть Кафы (современная Феодосия), где был нанят турецкий корабль. И вот у входа в пролив Босфор Митяй внезапно «разболелся и умре на море».

В Москве Митяя постоянно корили за его молодость, и вот этот силач и здоровяк внезапно скончался. Позднейшие историки обвинят его спутников в умышленном убийстве – то ли его удушили, то ли отравили.

Казалось бы, свите умершего патриарха нужно было поворачивать назад, но они прибыли в Галату, где без лишних церемоний похоронили Митяя. А в свите Митяя немедленно начались раздоры, кому быть митрополитом – Иоанну Петровскому или Пимену Горицкому. Дело чуть ли дошло до ножей. В конце концов, решили представить патриарху Пимена.

Иоанн Петровский, потерпев поражение, пригрозил, что донесет на согрешивших против истины послов то ли патриарху, то ли великому князю московскому. «Аз, – сказал он, – не обинуюся, възглаголю на вы, единаче есте не истиньствуετε ходяще!» Тогда боярин Кочевин с подачи Пимена дождался удобного момента и, «пришедше, возложиша руце на Ивана и яша его, и посадиша его в железа», чтобы не мог бежать с корабля.

Как писал Р.Г. Скрынников: «Князь Дмитрий снабдил своего любимца чистой «хартъей», запечатанной великокняжеской печатью. Найдя в казне Митяя эту грамоту, Пимен и его советники написали подложную. Из нее следовало, что московский князь прислал в Константинополь на поставление не Митяя, а Пимена, “того бо единого избрах на Руси и паче того иного не обретох”».

Однако обмануть Синод с помощью подложной грамоты послам было довольно трудно. Во-первых, патриаршая канцелярия располагала точными данными о том, что на митрополию в Москве назначен Михаил, а не Пимен. Во-вторых, похороны Митяя в Галате не могли остаться тайной для Константинополя. В-третьих, в приемной у патриарха послы столкнулись

лицом к лицу с прибывшим из Киева Киприаном, доказывавшим свое исключительное право на митрополичий стол»^[90].

Дело решили деньги, причем не столько привезенные из Москвы, сколько занятые Пименом у генуэзских купцов в Константинополе. Новый патриарх Нил и священный собор поставили Пимена митрополитом всея Руси, а Киприана – митрополитом Малой Руси и Литвы, причем в случае смерти Киприана его митрополия должна перейти к Пимену.

Весть о смерти Митяя и поставлении Пимена на митрополию была получена в Москве после возвращения русских войск с Куликова поля. Великий князь Дмитрий был расстроен и в сердцах сказал: «Я не посылал Пимена в митрополиты, послал я его как слугу при Митяе; что сделалось с Митяем, я не знаю, один бог знает, один бог и судит, только Пимена я не приму и видеть его не хочу».

25 февраля 1381 г. Дмитрий Донской направил в Киев своего духовника, чтобы призвать Киприана на митрополию в Москву. 23 мая, в праздник Вознесения, столица торжественно встретила нового пастыря, тремя годами ранее выдворенного под конвоем боярина Никифора.

А митрополиту Пимену не дали даже доехать до Москвы. В июне 1381 г. он был схвачен в Коломне великокняжескими дружинниками. С Пимена силой сорвали митрополичье облачение и отправили в ссылку в Чухлому. Духовные лица из его свиты тоже были сосланы, а светские подверглись телесному наказанию, боярину же Юрию Кочевину отсекали голову.

Вскоре Дмитрий Донской решил избавиться от митрополита Киприана. В августе 1382 г., когда войско хана Тохтамыша подошло к Москве, вся знать, включая самого Донского, разбежалась как тараканы. Бежал, естественно, и Киприан, но со страху или по недомыслию он прибежал в Тверь и, видимо, «политически неграмотно» повел себя с великим князем тверским Михаилом Александровичем – соперником Донского. Лишь 3 октября 1382 г. Киприан отправляется из Твери в Москву. Но Дмитрий Донской дает ему «от ворот поворот», и Киприану приходится ехать в далекий Киев.

Но еще раньше Дмитрий Донской получил несколько грамот из Константинополя от патриарха Нила, который был обеспокоен судьбой митрополита Пимена и просил великого князя избавить Пимена «от телесных бедствий». После высылки Киприана великому князю пришлось за неимением лучшего вернуть из ссылки Пимена и посадить его на митрополию. Но власть Пимена была весьма ограничена. Дмитрий Иванович едва терпел Пимена, а Сергей Радонежский и его окружение

вообще игнорировали митрополита. Видимо, сторонники Сергия и отправили в Царьград жалобу на Пимена. И в 1383 г. патриарх назначил митрополитом всея Руси известного нам суздальского епископа Дионисия. Итак, на многострадальной Руси стало сразу три митрополита: один в Москве, второй в Киеве и третий в Царьграде.

Новопоставленный митрополит легкомысленно решил ехать в Москву через Киев. Надо ли говорить, что Киприан не мог упустить свой шанс. Он нажаловался киевскому князю Владимиру Ольгердовичу, который заточил Дионисия в темницу. Через год Дионисий умер (а может ему помогли?). Зато киевские власти устроили третьему митрополиту торжественные похороны в Киево-Печерском монастыре, в самом святом месте обители – в пещере основателя монастыря Антония Печерского.

В 1389 г. патриарх Антоний признал единственным патриархом всея Руси Киприана. Узнав об этом, Пимен отправился объясняться в Царьград, даже не предупредив великого князя Дмитрия. Но увидеть патриарха Пимену не удалось – его постигла судьба Митяя. 11 сентября 1389 г. незадачливый митрополит скончался при невыясненных обстоятельствах в нескольких верстах от Константинополя.

Еще ранее, 19 мая, умер Дмитрий Донской. Великокняжеский стол занял его старший сын Василий. И вот 6 марта 1390 г. Москва вновь с колокольным звоном встречает митрополита Киприана.

В 1391–1395 гг. турецкий султан Баязид фактически блокировал Константинополь и выдвинул ряд требований к византийскому императору Мануилу, которые должны были сделать его вассалом турок. В этой ситуации Киприан начал сбор денег по всей Руси в помощь Византии. Главными пожертвователями стали московский и тверской князья. Только в 1395–1396 гг. в Царьград было отправлено 20 тысяч рублей (огромная по тем временам сумма). В благодарность патриарх прислал в Москву и Тверь иконы византийского письма.

И на 15 лет Киприан стал единственным митрополитом всея Руси в полном смысле этого слова. Он вместе с Василием I на несколько месяцев посетил Смоленск, а затем полтора года прожил в Киеве.

В 1404 г. Киприан вновь отправляется в Смоленск и в Вильно к Витовту, а затем заезжает в Киев. Витовт дал много подарков и денег митрополиту. В Литве Киприан вершит и церковный суд. Он велит схватить в Киеве своего наместника архимандрита Тимофея и тамошних своих слуг и отвезти их в Москву. По настоянию Витовта Киприан лишил сана туровского епископа Антония, обвиненного в сношениях с татарами. Антоний под стражей был увезен в Москву и заточен в Симоновом

монастыре.

Сами по себе эти подробности церковной жизни XIV века, возможно, малоинтересны современному читателю, но они являются крайне немногочисленными свидетельствами, характеризующими взаимоотношения Московской и Литовской Руси.

16 сентября 1406 г. в своем подмосковном селе Голенищеве умер митрополит Киприан. Позже его, как и митрополита Алексея, московские церковники причислят к лику святых.

Глава 12

Как литовские князья захватили Южную Русь

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедимин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии, Гедимин, как и Миндовг, происходил от Палемона, брата римского императора Нерона. Мол, этот братец отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена, Гедимин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и овладел престолом. По Тверской летописи, Гедимин служил «слободчиком» у великого князя тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Еще по одной версии, Гедимин был потомком Давила, сына уже упоминавшегося нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.

Любопытно, что Гедимин официально именовал себя «королем литовским и русским» (rex Letwinorum et Ruthenorum).

В 1320 г. Гедимин предпринял поход на Владимир-Волынский. Город упорно защищался, но после гибели князя Андрея его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедимины этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедимин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедимин, собрав литовские, жемайтские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедимины было встречено дружинами короля Льва Юрьевича (правнука Даниила Романовича) и его «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедимин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего

присягнули Гедимину.

Гедимин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедимину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедимин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И слышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедимину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедимину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедимину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедимином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедимину, и на том присягнули.

И князь великий Гедимин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедимином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским». («Хроника Быховца».)

Сведения о взятии Гедимином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский^[91], В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедимина с волынскими князьями из-за Подляхий. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедимина.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но, в любом случае, Гедимину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре^[92], который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским

владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»^[93]. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Чтобы понять дальнейшие события, нам придется обратиться к Польше на несколько десятилетий назад. В XIII веке центральной власти в Польше практически не существовало. Почти непрерывно шли войны удельных князей. Периодически в эти уособицы вмешивались и русские

князя. Чаще всего в конце XIII в Польшу хаживали галицкие короли. Вот, к примеру, король Лев послал своего сына Юрия (с 1307 года короля Галицкого) в Люблин на князя Конрада. Конрад испугался и не стал биться с Юрием, о чем летописец сказал: «...взявши себе позор великий, так что лучше было бы ему умереть». Но и Юрию не удалось взять Люблин, и, сильно опустошив окрестности, он отправился восвояси.

В конце XIII века во главе великопольских феодалов в их борьбе за объединение страны стал силезский князь Генрих IV Пробус (Праведный, Неподкупный), потомок Владислава II Изгнанника. В 1288 г. он стал краковским князем и обратился к папе римскому с просьбой разрешить ему «носить скипетр и корону и называться королем». Однако, так и не дождавшись ответа из Рима, 23 июня 1290 г. Генрих IV умер, отписав в завещании Краковскую землю великопольскому князю Пшемиславу (Пржемыслу) II (1257–1296), внуку Владислава Одонича.

Пшемислав быстро распространил свою власть на всю Великую Польшу и присоединил к своим владениям Краковскую землю и Восточное Поморье. В 1295 г. архиепископ Якуб Свинка короновал Пшемислава в Гнезненском кафедральном соборе. Об этом событии польский историк Ян Длугош писал: «Тем самым Польше с божьей помощью возвращены королевский скипетр и высокий титул короля, которого она были лишена почти 200 лет».

Но новому королю пришлось вести войну как с маркграфом Бранденбургским, так и с чешским королем Вацлавом II, который также претендовал на Краков. В 1296 г. войско маркграфа Бранденбургского было разбито, и на радостях Пшемислав II со своими вельможами решил отметить Масленицу в маленьком городке Рогозно. Узнав об этом, маркграф отправил отряд рыцарей к Рогозно. Ночью рыцари напали на перепившихся поляков. Немцы пытались связать пьяного короля, но в последний момент он очнулся, схватил меч и оказал сопротивление. Тогда немцы зарубили его и бросили прямо на улице.

В ходе усобицы 1290–1300 гг. все воевали против всех: и немцы, и венгры, и князь мазовецкий Владислав Локеток, а также галицкий король Лев и его брат луцкий князь Мстислав. За и против кого воевали русские князья – источники до нас не донесли, известно лишь, что они опустошили Сендомирскую область.

По смерти Пшемислава чешскому королю Вацлаву (Вячеславу) удалось утвердиться в Кракове. Пясты, княжившие в других польских областях, должны были признать свою зависимость от него, как от короля всей Польши, а сам Вячеслав был вассалом германского императора.

После смерти Вацлава II в 1319 г. Краковом овладел мазовецкий князь Владислав Локеток, сын Казимира Конрадовича. В 1320 г. Локеток принял королевский титул. Любопытно, что его некоторые историки именуют Владиславом I, а другие – Владиславом IV, с учетом древних князей (королей) Пястов. Кстати, прозвище Локеток, то есть Локоток, было связано с малым ростом короля. При Владиславе Польша вступает в союз с Литвой, и в 1323 г. польский король женится на Анне, дочери Гедимина.

После смерти Владислава в 1333 г. королем Польши становится его сын Казимир III Великий (1310–1370). В 1335 г. Казимир заключил мир с чешским королем, а в 1343 г. – с Тевтонским орденом. Теперь у него были развязаны руки для похода на Галицко-Волынскую землю, раздираемую внутренними конфликтами.

А теперь вернемся в Литву. Великий литовский князь Гедимин (годы правления 1315–1340) имел семерых сыновей^[94]: Монвида (ум. 1340 г.), Нариманта (в православии Глеб, 1277–1348), Ольгерда (в православии Александр, 1296–1377), Кейстута (1298–1381), Корьята (ум. 1390 г.), Любарта (в православии Дмитрий, 1312–1397) и Евнута (Евнутия) (1317–1366).

Официальных жен у Гедимина было две. По одной версии, первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии, первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедимина была одна или даже обе жены русскими означает, что он принял православие: выдача князей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедимин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно, и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

Формально все сыновья Гедимина были крещены и имели православные имена, так Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно^[95] «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимина женилось на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси

фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенящевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

Литовская экспансия на Русь в значительной степени ослаблялась непрерывными войнами с Тевтонским орденом. За время правления Гедимины немцы совершили свыше пятидесяти походов на Литву, а литовские князья – не менее двадцати нападений на земли ордена.

На борьбу с язычниками на помощь Тевтонскому ордену съезжались рыцари со всей Европы. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1340 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Велона на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Велоной два хорошо укрепленных замка.

Великий литовский князь Гедимин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и в свою очередь осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки Гедимин был убит. Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где по древнелитовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя пленными немецкими рыцарями.

Вопреки феодальному праву место Гедимины занял младший сын Евнут (в русских летописях Евнутий). По словам литовского летописца, старшие братья Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, не успел, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Евнут бежал в горы, но отморозил ноги и попался в плен. Его доставили к Кейстуту. Тот тотчас отправил гонца к Ольгерду, чтобы тот шел скорее и что Евнут уже в его руках. Когда Ольгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно».

Ольгерд стал княжить в Вильно, а Евнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут договорились между собой, чтобы всем слушаться старшего брата Ольгерда, и условились, что, если добудут город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца, Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Нариманта и Евнута. Наримант бежал в

Орду, а Евнут – в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к преемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому, в 1346 г. был крещен и назван Иваном.

В 1349 г. Ольгерд послал своего брата Корьята к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал немедленно сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Корьята и выдал его московскому князю. Ольгерд на время присмирел и отправил в Москву послов с богатыми дарами и челобитной, прося освободить брата. В конце концов Симеон согласился.

Глава 13

Татарский фактор

Начну с того, что с конца XIII века юг современной Украины был заселен татарами. Так, в Прутско-Днестровском междуречье в конце XIII века татары на развалинах греческой колонии Тиры основали город Аккерман, ныне Белгород-Днестровский. Аккерман был крупным портом, куда заходили генуэзские корабли. Кроме того, через Аккерман шел караванный путь вдоль Черного моря, именовавшийся еще в XV веке «дорогой татарской на Великий Дон». Раскопки показали, что жилые дома и хозяйственные строения Аккермана ничем не отличаются от золотоордынских городов на Волге и Каме.

В устье Дуная татары жили в городе Килия, где сосуществовали с генуэзской колонией. В начале XIV века существовал и татарский безымянный город у современного села Костешты.

В Днестровско-Днепровском междуречье археологами найдены развалины нескольких татарских городищ. Так, городище Маяки расположено близ устья Днестра, на его левом берегу, недалеко от нынешнего поселка Маяки. Древние источники говорят о наличии в этом месте переправы через Днестр, а археологами обнаружены остатки нескольких мечетей и каменных зданий.

Городище Великая Мечетня расположено на правом берегу Южного Буга у современного села Великая Мечетня. Название этого золотоордынского города неизвестно, а археологические раскопки не производились. Зато по сей день сохранились остатки кирпичных и каменных построек и склепов.

На Южном Буге, в районе слияния с ним рек Кодыми и Синюхи, расположено безымянное городище. В источнике XVI века кратко говорится о находившихся в этом месте развалинах золотоордынских строений, относящихся ко времени правления хана Узбека (1313–1341).

Всего в междуречье Днепра и Днестра найдено на сегодняшний день 7 татарских городов.

Как писал Вадим Егоров, города в междуречье Днепра и Днестра «выросли на оживленном торговом пути того времени, соединявшем Львов с Крымом. Его направление восстанавливается по источникам XV в., где упоминаются главнейшие броды через крупные реки. Отрезок пути в

пределах рассматриваемой территории начинался у городища Великая Мечетня, спускаясь вниз по Ю. Бугу до Витовтова брода (несколько ниже современного г. Первомайска). Здесь он переходил на левый берег Ю. Буга, направляясь к городищу Солоному, а далее на р. Громоклей, к городищу Аргамакли-Сарай. Отсюда он шел к Давыдову броду, где находилась переправа через р. Ингулец, и сворачивал на юг к Тавани, у которой находилась переправа на левый берег Днепра. Второй торговый путь, видимо, проходил южнее, вдоль черноморского побережья, и вел к Аккерману через переправу в устье Днестра (городище Маяки). Он соединял западный улус государства с его центральными районами. Обе дороги рисуются достаточно оживленными торговыми артериями в XIV в. М.Ф. Котляр считает, что путь по маршруту Львов – Крым – Кафа существовал еще в XIII в.»^[96].

Несколько татарских городов находились на левом берегу Днепра в нижнем его течении. Так, Кучугарское городище находилось на левом берегу Днепра, в 30 км к югу от города Запорожье. Население его составляло не менее 10 тыс. человек. «Раскопки выявили остатки кирпичной мечети (площадью около 500 кв. м) с минаретом, бани с подпольным отоплением и жилого здания дворцового типа (площадь 476 кв. м). Кроме того, исследованы остатки небольших жилых домов рядового населения города с характерными для золотоордынских построек этого типа каннами с суфами. Находки различных предметов материальной культуры, строительные и технические приемы, применявшиеся при возведении сооружений, позволяют отнести существование города к XIV в. О существовании в городе ремесленного производства свидетельствуют находки железных шлаков, обрезки медных листов и обломки тиглей для плавки металла»^[97].

Золотоордынское название этого города до нас не дошло, но сохранилось свидетельство в «Книге Большому Чертежу» – именно на этом месте указан «городок Мамаев Сарай».

Тут я немного отвлекусь и упомяну о забавной легенде, которую выдают за истинную правду в массивном двухтомнике «Русь-Украина. Становление государственности»: «От Мамаи и его жены – дочери хана Золотой Орды Бердибека – происходит Мансур-Кият (Мансурксан). Он получил высший титул беглербея и основал города Полтаву, Глинск (Сумская обл.) и Глинщину (ныне Золотоноша). Его сын, татарский мурза Лексада (Алекса), принял в Киеве в 1390 г. христианство (в крещении Александр) и пошел служить вел. кн. литовскому Витовту. Его сын Иван

отличился в битве на Ворскле. По легенде, после поражения в августе 1399 г. союзнических сил Витовта и Тохтамыша на берегу р. Ворсклы (на Полтавщине), Иван (по другой версии – его отец Александр) Мамай, а попросту казак Мамай, спас жизнь вел. кн. литовскому Витовту, взявшись увести его от погони тайными тропами. Трое суток водил он князя по чащам, пока тот не догадался пообещать за успешное спасение княжеский титул и закрепить родовое урочище Глину и другие земли за ним в вечное пользование. Не удивительно, что после этого дорога из непроходимого леса тут же отыскалась. Новоиспеченный князь Глинский (бывший казак Мамай) дал начало роду Глинских.

В 1430 г. Витовт закрепляет за Иваном Александровичем Глинским земли, принадлежавшие его роду еще со времен его предка темника Мамаю, в том числе города Полтаву, Глинск и Глиницу, и дарит новые поместья. Так Алекса и его сын Иван становятся родоначальниками литовских и русских (черкасских) князей Глинских. Иван Глинский-Мамай женился на Анастасии, дочери кн. Даниила Острожского.

Фактически, под их руководством находилось огромное автономное княжество, которое охватывало все днепровское Левобережье от р. Сейм до Курска на севере и до р. Самара на юге.

Второй сын Мансура Мамаю Скидер во главе своего половецкого войска занял в 1390-х годах при поддержке Витовта западную часть Северного Причерноморья (от Днепра до Днестра). Под протекторатом Витовта Скидер основал на берегу Черного моря крепость Дашев (Очаков), расширив таким образом сферу влияния ВКЛ до Черного моря»^[98].

Комментарии к сему научному опусу, на мой взгляд, излишни.

Но вернемся в низовья Днепра. Безымянный город, именуемый ныне как городище Тавань, расположен на левом берегу Днепра в 40 км выше Херсона. Там татары контролировали переправу через Днепр. Кстати, напротив Тавани на правом берегу также имелся небольшой городок.

Таванская переправа играла важную роль в Средневековье и в Новое время. Так, французский инженер Боплан^[99] в XVII веке писал: «Таванская переправа весьма удобна для татар, так как река имеет одно целое русло не более 500 шагов в ширину»^[100].

Михайло Литвин, в 1550 г. ездивший послом в Крымское ханство, также сообщает о важном значении Таванской переправы: «Нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая из черноморского порта, города Кафы, через ворота Таврики на Таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью на Киев; по этой дороге

отправляются из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород, Швецию и Данию все восточные товары, как то: дорогие камни, шелк и шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы, они составляют отряды, иногда в тысячу человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов»^[101].

На правом берегу реки Конки, в 60 км от впадения ее в Днепр, находится городище Конское. В начале XV века там было семь татарских мечетей.

Ряд украинских и прибалтийских историков утверждают, что русские княжества добровольно переходили под власть великого князя литовского, чтобы избавиться от дани Орде. Увы, это не соответствует истине. Все земли, перешедшие от Рюриковичей к Гедиминовичам, продолжали платить дань Орде, по крайней мере, до конца XIV века. Причем великий князь литовский платил дань не за все свои земли, а только за русские княжества. Так, даже Михаил Грушевский признает, что в грамотах польских князей (Кривитовичей и Свидригайла) начиная с 1375 г. имеется упоминание о дани, которую платили татарам – «дань у Татары», *Tributa Tartarorum*.

Грушевский цитирует ярлык хана Менгли Гирея, выданный великому князю литовскому Витовту: «Они (Тохтамыш) видели там большую ласку и честь и за это одарили великого князя Витовта, прежде всего, Киеваом, а также и другими многочисленными землями. Потом великий князь литовский Казимир с литовскими князьями и знатью просил нас, и мы подтвердили ему то (пропуск), что дали великий царь дед наш и отец наш, а это: Киевскую “тьму” (землю) со всеми уходами, данями, землями и водами», и далее «со всеми уходами и данями, землями и водами тьмы Владимирскую (Волынскую)Ю большого Луцка, Каменецкую, Брацлавскую, Сокальскую, Черниговскую, Курскую, тьму Сараевого сына Егалтая (Ягодная Сараевича), города Звенигород (современная Звенигородка в Черкасской области), Черкаскы, Хачибеев (современная Одесса), Маяк (современное с. Маяки в устье Днепра), земли (на левом берегу Днепра) начиная с Киева по Днепру до устья: Сгепород и Глинск со всеми их людьми, Жолвяж, Тупивль, Бирин, Синеч, Хотен, Лосичи, Хотмышль, Рыльск, Мужеч, Оскол, Стародуб, Брянск, Мценск, Любутеск, Тулу, Берестье и Ратно, Козельск, ПРонск, Волконоск, Испас, Донец, Ябугородок и Балаклы (нынче – городища на Южном Буге), Карасун, Дашов (современный Очаков), городище Тушин, Немир, Мушач, Ходоров»^[102].

То же самое касалось и польских королей. Так, после захвата в 1352 г. Галиции король Казимир III обязался платить дань татарам в полном объеме за ту часть русской земли, которую он захватил, то есть за Галицию. Об этом узнали прусские рыцари и тут же донесли папе Иннокентию VI. Тот в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у схизматиков земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю».

Хан Тохтамыш в 1381 г. отправил великому князю литовскому Ягайло (в православии Якову) ярлык на Великое княжество Владимирское. Однако в следующем 1382 году Тохтамыш отдал ярлык на Владимирское княжество великому князю московскому Дмитрию Донскому.

Но в 1391 г. Тохтамыш был разбит ханом Тимуром. В 1396 г. Тохтамыш вместе с мурзой Едигеем объявился в Крыму, но вскоре был изгнан оттуда Темюр-Кутлугом. В 1398 г. Тохтамыш бежал к Витовту и остановился в Киеве.

В 1399 г. князь Витовт собрал огромное войско, основу которого составляли русские полки и татары Тохтамыша. Кроме них были полки литовские, волошские, польские и немецкие. Последних Витовту прислал великий магистр ордена. Всего войско Витовта насчитывало около 38 тыс. человек.

8 августа 1399 г. армия Витовта вышла из Киева, а 12 августа состоялась знаменитая битва на реке Ворскле, левом притоке Днепра. Войско Витовта было наголову разбито, а сам великий князь ранен. Погибло 12 князей – союзников Витовта, в том числе князь брянский Дмитрий Ольгердович, князь псковский Андрей Ольгердович, князь смоленский Глеб Святославич, князь киевский Иван Борисович.

Татары гнались за Витовтом до самого Киева. Они разграбили Подол, но взять Киевский замок, где укрылось большинство жителей, не смогли. После нескольких дней осады татары удовлетворились выплатой дани в три тысячи рублей и ушли^[103].

Весной 1409 г. в район Киева прикочевала татарская орда сына Тохтамыша Джелала-ад-Дина. Витовт выделил ей места для ночевки в районе Киева. Позже эта орда участвовала в Грюнвальдской битве.

В 1411 г. в Киеве прошли переговоры Витовта и Ягайло с Джелала-ад-Дином (в русских летописях он известен как Зелени Салтан Тохтамышевич) и тверским князем Александром Ивановичем о союзе и взаимопомощи. При поддержке Витовта Джелала-ад-Дин захватил Крым и в 1412 г. получил власть в Орде, но ненадолго. В том же году его сверг Едигей. На трон взошел брат Джалал Карим-Берды – ставленник Едигея.

Витовт не успокоился и в 1413 г. в Киеве провозгласил ханом Орды третьего сына Тохтамыша – Бетсуб-улана.

Так Киев на время стал столицей Золотой Орды, а Бетсуб-улан оказывал всяческую помощь Витовту в его войнах с орденом.

В 1416 г. орда хана Едигея подходит к Киеву. Татары захватили весь город, кроме Замковой горы, имевшей хорошую естественную защиту. По сему поводу в летописи сказано: «В лето 1416 Едика, ... поплени рускую землю, и Киев, и Меьерский монастыр сожже и со землею соровна, яко оттоле Киев погуби красоту свою, и даже до селе уже не може бытии таков; но единаче замку тогда не може взяти в Киеве Едика»^[104].

Тем не менее Витовт не унялся и далее проводил в Киеве коронацию своих марионеток на ханство в Орде. Так, там короновали хана Золотой Орды Давлет-Берды (1420–1422) и Улу-Мухамеда (1427–1433).

Как видим, в конце XIV – начале XV века великий князь литовский Витовт фактически превратил Киев в улус своих татарских союзников. Пояснять, насколько страдало от этого население, нужды нет. Забавнее всего высказывания современных независимых историков о том, что москали – это смесь чухонцев и татар. В Москве татары не жили ни дня, я уж не говорю о Новгороде Великом, Твери, Смоленске и т. д., а вот сколько детишек наплодили татары – союзники Витовта в Киеве и во всем Приднепровье? Так где же проживают потомки татар?

Великие князья литовские и польские короли предоставили татарским мурзам, так и тем, кто хвалился саблей и кричал, что он «балшой человек», права «господарской шляхты». Татары из семейств Острыньских, Пуньских, Ассанчуковичей, Баргынских, Юшыньских, Кадышевичей, Корыцких, Крычиньских, Лостайских, Ловчицких, Смольских, Ширинских, Тальковских, Тарашвиских, Уланов и Завицких постепенно становились знатными польскими панями»^[105].

Глава 14

Тайны Киевского княжества

В конце марта 2012 г., будучи в Киеве, я отправился на большой книжный рынок у метро «Петровка». Там я приобрел два исторических атласа для 7 и 8 классов. Честно скажу, полиграфия их отличная. Существенно лучше, чем аналогичные атласы, изданные в XXI веке в РФ. Но, взглянув на карты, я обомлел. Создавалось впечатление, что речь идет о каком-то совсем другом государстве.

Вот карта «Украинская земля во второй половине XIV – первой половине XV веков» (атлас 7 класса). Там зеленым цветом показаны огромные территории, обозначенные крупным шрифтом «Киевское княжество», а где-то по краям мелким шрифтом – Волинь, Східне Поділля, Чернігово-Сіверщина. По мнению составителя атласа, в состав Киевского княжества входили Луцк, Брянск, Курск, все течение реки Оскол до впадения в Донец и т. д. Кстати, там же на карте обозначен разрушенный к тому времени татарами город Донец и т. п.

Итак, мы видим огромное государство размером 650 на 1000 км. Для сравнения, Франция к этому времени имела размеры 540 на 780 км.

Самое забавное, что северные границы Киевского княжества строго соответствуют существующей на 2012 год границе с Беларусью, а на востоке – далеко заехали на территорию РФ.

«Оранжевые» картографы покрасили цветом Киевского княжества все земли, куда только ходили с походами литовские князья и хоть на пару дней там задержались. А чтобы огромные территории Дикого поля и Причерноморья не казались школьникам пустыми, там показали города как давно разрушенные, так и еще не основанные.

А теперь посмотрим атлас 8 класса. Вот карта «Украинские земли во второй половине XV – начале XVI вв.». Там уже в состав Киевского воеводства введено почти все Дикое поле и все Причерноморье между Днестром и Днепром, где расположены украинские города Полтава, Гази-Кермен, Очаков, Качибей. Спасибо за Качибей, а то ведь могли и Одессу написать!

Ну а далее идут карты «Гетманская Украина Ивана Выговского 1657–1659 гг.», «Гетманская Украина Петра Дорошенко 1665–1676 гг.» и т. д. Везде огромная «украинская» территория: с севера на юг от Орши до Гази-

Кермена на Днестре и с востока на запад от Ровно до Новгорода-Северского.

Бедных украинских школьников заставляют верить в то, что границы незалежной Украины образца 1991 года существовали всегда! Ну а слово «Украина» сочеталось с разными наименованиями – княжество, воеводство и т. д.

К сожалению, даже в весьма умеренных изданиях, как «Русь-Украина. Становление государственности», гиперболизируется значение Киевского княжества, а его площадь увеличивается в несколько раз: «Сами киевские князья величали себя “князь великого князства своего Кіевскаго” с титулованием “Божією милостью”. Это говорит о высокой степени автономии киевских князей, которые чувствовали себя на обширных землях своего княжества полными хозяевами.

При кн. Симеоне Олельковиче границы Киевского удельного княжества простираются от Мозыря на севере и от реки Мурафы вниз по Днестру мимо Тягиня (Бендер) до Черного моря на юге, далее вдоль моря мимо крепости Очаков до устья Днестра. Далее граница проходит по рекам Овечья Вода, Самара, Северский Донец и Тихая Сосна. Киев становится крупным торговым центром и контролирует значительную часть Днепровского торгового пути, а также торговые пути из Европы в Московское государство.

Такое усиление Киевского княжества вызвало беспокойство польского короля Казимира IV Ягеллончика. Воспользовавшись смертью кн. Симеона Олельковича, он в 1471 г. преобразовал княжество в воеводство и прислал наместника – католика Мартина Гаштольда. Киевляне категорически отказались его принимать. По представлениям того времени, Киевское княжество не находилось в прямом подданстве Вел. кн. Литовского, а входило в состав Литвы на правах вассалитета с широкой автономией. Тогда Казимир IV признал неприкосновенность церковных владений и предоставил знати и киевским землевладельцам различные привилегии, уравнив их в правах с панями, шляхтой, боярами и мещанами Литвы, а в случае отказа пригрозил вооруженным нападением. Привилегии гарантировали жителям Киевского княжества право свободно распоряжаться своей землей, облегчали налоги, запрещали введение произвольных налогов киевскими воеводами и содержали определенные судебные гарантии. Шляхте вменялось лишь служить вел. кн. Литовскому и поддерживать в надлежащем состоянии укрепления. Мещанам разрешалось переселяться в другие города литовского государства, обеспечивалась свобода торговли и беспошлинная торговля на территории Киевской земли»^[106].

Предвижу резонный вопрос оппонентов: «А почему мы должны верить Широкограду или царским историкам типа Соловьева, а не украинским профессорам, которым на месте виднее?»

Увы, перлы незалежных мэтров расходятся не только с трудами русских историков, но и литовских, татарских, турецких, польских и других. Вот я беру в руки массивное 678-страничное издание «История Литвы с древнейших времен до 1569 года» Эдвардоса Гудавичюса (Москва: Фонд имени И.Д. Сытина; BALTRUS, 2005). Там столь великому гособразованию, как Киевское княжество, которое, по уверению незалежных историков, занимало 70 процентов Великого княжества Литовского, уделено не более половины страницы. В Великом княжестве Литовском в XIV веке существовало около двух десятков небольших княжеств. Из них около десятка обозначены как составляющие Киевского княжества в школьных атласах Украины. Речь идет о Слуцком, Черниговском, Мстиславском, Новгород-Северском, Острожском и других княжествах. На самом деле они имели ту же степень зависимости от Вильно, как и Киевское, и те же права шляхты и мещан.

Любопытно, что земли, находившиеся рядом с Киевом, как, например, Чернобольский повет, были великокняжеским доменом, то есть не входили в Киевское княжество, а были личной собственностью великого князя литовского. Замечу, что в Великом княжестве Литовском, как писал Любавский, «великий князь рассматривал областных князей не как владетельных особ, а, скорее, как помощников и сотрудников по управлению великим княжеством»^[107].

Передача власти в этих эрзац-княжествах по наследству случалась редко. Чаще всего великий князь литовский назначал им преемника из князей Рюриковичей или Гедиминовичей, или просто неродовитого наместника. В большинстве случаев объем полномочий местных князей (в границах Украины образца 1991 г.) мало чем отличался от власти литовских князей, призываемых на княжение в Псков или Господин Великий Новгород. Так что ни о какой «самостийности» этих княжеств и речи быть не могло. Естественно, за исключением гражданских войн, периодически возникавших на территории Великого княжества Литовского.

С огромным упоением незалежные авторы рассказывают о том, что в конце XIV века киевский князь Владимир Ольгердович начал чеканить в Киеве серебряную монету. Причем даты начала чеканки высасываются из пальца – 1362 год, 1367-й, 1374-й или 1377 год. Правда, в любом случае чеканка монет в Киеве началась немного раньше, чем в Вильно, где первые монеты были отчеканены в 1387 году.

«Изготовлены эти монеты по среднеазиатской технологии, освоенной татарами в период завоевания Хорезма. В отличие от Европы, где их чеканили на кружках, вырезанных из листовых пластин металла, или Византии и южнославянских стран, где изображение наносилось штемпелем на предварительно отлитые кружки, в Средней Азии монету чеканили из нарезанной серебряной проволоки, предварительно расплющив полученные заготовки. Выбор такой технологии для монет Владимир Ольгердовича был обусловлен тем, что в Поднепровье того времени в денежном обращении доминировали золотоордынские монеты, а других население просто почти никогда не видело»^[108].

Монеты представляли собой подражание ордынским монетам хана Джаннибека. На одной стороне монеты было выбито имя «Владимир», а на другой – «нечитаемая арабская надпись». Так о чем говорит эта монета? О величии и могуществе Киевского княжества? Или о том, что оно платило дань татарам и находилось в двойном подчинении Литве и Золотой Орде? Кстати, в Орде монеты чеканились не только в столице, но и во многих других городах, а также на вассальных территориях.

Еще раз повторяю, удельные княжества в Великом княжестве Литовском представляли собой нечто типа слоеного пирога. Независимость их правителей – князей или великокняжеских наместников, без разницы – проявлялась лишь в ходе усобиц, когда они предлагали свои услуги обоим конкурентам.

Я умышленно цитирую в основном украинских историков. Вот что говорится о Киеве в капитальном издании «История Киева» / Под ред. В.А. Голубицкого (Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963): «В 30 и 40 годах XIV века грабительские нападения татар и литовских феодалов на Киевщину участились, что усилило процесс переселения жителей из Приднепровья на территорию северо-восточных русских земель. Переселялись отдельные семьи, а иногда и целые группы семей. Так, в 1382 г. переселился в Москву киевский боярин Родион Нестерович с дружиной в количестве 1700 человек. Впоследствии он стал воеводой московского князя и помогал ему в борьбе против Тверского княжества. Переселялось немало городского и сельского трудового населения, пытавшегося избавиться от тяжелого татарского ига»^[109].

О Киеве первой четверти XVI в. немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн писал: «Киев – древняя столица Руси. Самые развалины города и памятники, от которых можно видеть обломки, доказывают, что он был великолепным и именно царским городом. И

теперь еще на соседних горах видны следы церквей и опустевших монастырей»...

«Из описи Киевского замка 1552 г. и других исторических источников известно, что в те времена жилые и хозяйственные строения в городе были деревянными, одноэтажными, крытыми гонтом или досками, и густо стояли по обе стороны узких и кривых улиц. В одном из описаний тогдашнего Подола говорится: “В городе Киевском ни места порядочного, ни улиц удобных нет: просто поселяются, как в лесу, каждому вольно строиться, как захочется и на каком месте желает”»^[110].

Нужны ли комментарии к описанию беспристрастного очевидца? Данными же о том, что представлял из себя Киев в XIV веке, историки не располагают. Как уже говорилось, объем письменных источников Литовской Руси XIV века ничтожен. Во всяком случае, состояние Киева тогда было куда хуже, чем в 1552 году.

Но если киевской профессуре ужасно хочется рассказать о Великой Украинской державе XIV века, то хотя бы пусть свои опусы озаглавливают «фэнтези Киевское княжество». Но зачем такое вранье запихивать в школьные учебники? Ведь студентов, начитавшихся подобных фэнтези, засмеют в Москве, Варшаве, Вильнюсе, Париже и Стамбуле.

Глава 15

Победила не Литва, а ее название

«В XIV в. Литовское государство увеличилось в несколько раз за счет присоединения обширных русских пространств. От Полоцка на востоке и от Турова, Пинска, Слуцка на юге начинался ареал вассальных княжеств, составлявший огромную часть территории и населения государства. Со времен Гедимины в титул князя часто включалось упоминание “русский”. Крупными русскими княжествами завладели Гедиминовичи, в мелких остались местные русские князья. Гедиминовичи и их дружинники принимали православную веру и быстро находили общий язык с русской знатью и православным духовенством. Важнейшими вассальными повинностями были дань, участие в военных действиях и совете при великом князе (если на него приглашали). Сохранились границы княжеств и вся структура управления (это означало, что литовцы не меняли привычного порядка – “старины”)^[111].

Я умышленно привел длинную цитату из книги литовского националиста профессора Эдвардаса Гудавичюса, дабы показать единство мнений по данному вопросу историков, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов.

Этнические литовцы состояли на куда более низком уровне развития, чем русские, и ничего не могли им дать, кроме отважных князей и их дружин.

Литовские князья, как уже говорилось, отличались веротерпимостью и часто исповедовали двоеверие и даже троеверие.

Любопытный казус произошел в 1324 году. За несколько месяцев до этого, чтобы заключить договор с рижским архиепископом, великий князь литовский Гедемин написал римскому папе, что желает вступить в лоно католической церкви. Договор был заключен. И вот в ноябре 1324 г. прибыли папские послы. И тут Гедемин разыграл из себя простачка, мол, французские монахи Бертольд и Генрих, служившие ему переводчиками, неправильно поняли князя. «Я этого не приказывал писать, – сказал Гедемин. – Если же брат Бертольд написал, то пусть ответственность падет на его голову. Если когда-либо имел я намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит! Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу как отца, но я сказал это потому, что папа старше меня;

всех стариков, и папу, и рижского архиепископа, и других, я почитаю как отцов; сверстников своих я люблю как братьев, тех же, кто моложе меня, я готов любить как сыновей. Я говорил действительно, что дозволю христианам молиться по обычаю их веры, Русинам по их обычаю и Полякам по своему; сами же мы будем молиться Богу по нашему обычаю. Все мы ведь почитаем Бога». В подтверждение своих слов Гедемин велел казнить обоих монахов.

Литовский же народ долго был привержен своим языческим богам. Литва^[112] стала последним европейским государством, принявшим христианство. Так, жмудины (племена, жившие на территории Ковенской губернии) официально приняли христианство (католичество) в 1415 году.

Присоединение русских земель литовскими князьями имело и обратный эффект – русское проникновение в этническую Литву. Так, в Вильно с XIII века существовал так называемый русский конец (нынешний район улицы Аушрос Варту), возводились одна за другой русские церкви. К середине XIV века имелись богатые русские торговые ряды на Великой улице (между нынешней Субачяус и Свято-Троицким монастырем). В 1366 г. по неизвестной причине они были разграблены и сожжены, но к 1375 г. специальным разрешением Ольгерда восстановлены. Естественно, в Литву проникало и православие.

Нет данных, свидетельствующих о том, что литовские воины (то есть этнические литовцы) в захваченных русских княжествах пытались хоть кого-нибудь обратить в язычество. Литовцы спокойно смотрели на русских воинов в дружине Ольгерда и даже на православных священников, приезжавших с княжнами Рюриковнами – женами литовских князей.

Но новообращенным в православие литовцам зачастую приходилось худо. Так, в 1347 г. было казнено три дружинника Ольгерда – Антоний, Иоанн и Евстафий. Правда, с католиками обращались еще хуже. Вот, например, в 60-х годах XIV века один из литовских бояр Гаштольд женился в Кракове на некой Анне Бучацкой, обратился в католичество и при переезде в Вильно с супругой-полькой завез и монахов-францисканцев. Они поселились в центре города, в здании, где позже разместился дворец вильнюсских католических епископов, на нынешней Кафедральной площади. Католики явно неудачно выбрали место жительства (а может и нарочно!) рядом с языческим капищем Пяркунаса. В 1368 г. толпа литовцев растерзала всех 14 монахов. Их трупы прибили к крестам и пустили вниз по реке на плотам со словами: «Пришли с Запада и ступайте на Запад».

Еще при Гедимине была построена первая православная церковь в Вильно. Она была деревянной. Первым же каменным православным

храмом в Вильно стала Пятницкая церковь, построенная в 1345 году. А на месте казни трех православных мучеников в 1349–1353 гг. по приказу Юлиании Тверской, второй жены Ольгерда, был основан Свято-Троицкий монастырь. Монастырь этот в 1609 г. был захвачен униатами и лишь в 1839 г. волей императора Николая I возвращен православной церкви. Сами же мощи убитых Иоанна, Антония и Евстафия были позже захоронены в Свято-духовном монастыре в Вильно. Замечу, что первый католический храм в Литве – костел Святого Станислава в Вильно – был построен лишь в 1387 г. по приказу Ягайло.

В какой пропорции находились православные и католики в этнической Литве в 1400–1450 гг., сказать трудно. Но то, что православных было много, следует из самого литовского языка.

Вот что пишет профессор Дмитрий Петрович Огицкий: «Слово *knyga* (книга), конечно, не религиозный термин, но и оно пришло в Литву, несомненно, вместе с христианством, едва ли нужно уточнять, с каким.

Вербное воскресенье у литовцев по сей день называется *Verbu sekmadienis*, или просто *Verba*, хотя литовское название самого дерева ничего общего с этим словом не имеет. Источник и фон заимствования очевидны.

К группе современных литовских слов, имеющих православно-русское происхождение, лингвисты относят слова: *Velika* (Пасха), *Kalados* (Рождество Христово; белорусск.: каляда, коляды), *Krikatas* (Крещение), *krikatynos* (крестины), *kumas* (кум). По-видимому, сюда же надо отнести *rojas* (рай).

Любопытно, что некоторые из таких слов сохраняют сейчас в литовском языке свое древнее русское значение, которое они со временем утратили или несколько видоизменили у себя на родине.

К таким словам прежде всего относится слово *bajnujcia* (церковь). Сейчас никто из русских не назовет христианского храма «божницей». Между тем, в глубокую старину так именно называли наши предки свои святыни. «Володимир поиде к божниці к святому Спасу на вечернюю» (Ипатьевская летопись). «Приблизися к дверем божничным» (Житие блаженного Андрея, Христа ради юродивого). «Исписаша божницю Антонову» (Новгородская Первая летопись). «А крест достоить целовати всем, кто лазить в божницю». «Принесуть в божницю (кутью)». «Лзе ли им в божнице быти?». «В божнице ставати» (Вопрошание Кириково).

То же самое касается литовских слов *gavenia* (пост), *gaveti* (поститься). Сейчас у нас словом «говение» обозначается подготовка к Причащению. В древней Руси значение этого слова было более узким и полностью

совпадающим с его значением в современном литовском языке: «Пришедше в Петрово говенье» (Псковская летопись); «В лето 6910 во великое говение месяца марта» (Супрасльская летопись). Такое же первоначальное значение этого слова в русском языке подтверждается производными от него «заговляться», «разговляться», имеющими прямое отношение только к посту.

Наличие еще и сейчас в литовском языке таких слов, после свыше трехсот лет интенсивных влияний на Литву польского Запада, говорит о том, что православные влияния в языческой Литве отнюдь не были чем-то поверхностным, эпизодическим, неглубоким.

Если мы обратимся к памятникам литовского языка XVI, XVII, XVIII вв. (к сожалению, более ранних нет), то найдем там значительно больше подтверждений вышесказанному. В литовской речи сохранялись тогда еще такие слова, как *Trajše* (Троица), *pravadaĩ* (проводы, радоница), *viera* (вера), *zokonas* (закон), *griechas* (грех), *grieshnykas* (грешник), *neshcestyvas* (нечестивый), *kodyti* (кадить), *minychas* (монах), *prysega*, *prysiega* (присяга), *prisiegoti* (присягать). *Bajytis* (божиться), *swodba* (свадьба), *bieras* (бес), *gromata* (грамота), *dijakas* (писец), *nedila* (неделя и в смысле «воскресенье», и в смысле «седмица»). Семидневная неделя пришла в быт литовцев вместе с христианством. Вплоть до XVIII века дни недели у литовцев носили такие названия: *paldienikas*, *utarnikas*, *sereda*, *cietviergas*, *petnicia*, *subota*»^[113].

Историк русской церкви В.А. Беднов писал, что «князья Гедимин и Ольгерд были женаты на русских княжнах (у первого – Ольга и Ева, у второго – Мария Витебская и Иулиания [Юлиания – А.Ш.] Тверская). Из семи сыновей Гедимины (1316–1341) четыре (Наримонт, Любарт, Кориат и Евнут) были крещены в православие; православными были и все двенадцать сыновей Ольгерда (1345–1377 гг.)»^[114].

Как уже говорилось, литовцы не имели письменности, что признают даже самые рьяные литовские националисты. Так, уже упоминавшийся Гудавичюс писал: «Бесписьменное литовское общество при создании государства сразу столкнулось с двумя письменными системами – латинской и русской. Этот дуализм нашел выражение уже в княжеской сфрагистике: использовались печати с русской и латинской легендами. Письменность применялась почти исключительно для внешних сношений. В XIII в. такие потребности были ничтожны. Акты дарения, адресованные Миндовгом Ливонскому ордену, были составлены орденским писарем и поданы монарху для приложения личной печати. Однако развитие связей с

европейскими странами вызвало потребность в собственных грамотеях: поскольку Миндовг направлял послания Ливонскому ордену (что несомненно), он мог писать и Рисскому папе. Обязанности писцов исполняли немецкие монахи. Во времена Гедимины в Вильнюсе открывались миссии доминиканцев и францисканцев, к услугам этих монахов прибегали при написании посланий в католические края. Соответственно использовались и русские писцы, в случае нужды составлявшие грамоты и по-гречески (Ольгерд переписывался с Константинопольским патриархом). Однако постоянная великокняжеская канцелярия не была учреждена вплоть до самого крещения Литвы, потому в государстве письменность и не получила распространения. Сдвиги в этой области стали проявляться только в семидесятых годах XIV в., когда великий князь начал выдавать удельным князьям акты, подтверждающие их право на землевладение. В конце семидесятых годов и в начале восьмидесятых заметно оживилась переписка с зарубежьем, а после заключения персональной унии с Польшей и введения христианства резко возросла потребность и во внутреннем делопроизводстве. Его обслуживали писцы канцелярии польского короля и местные русские писари.

Случайное и нечастое употребление грамоты не способствовало выявлению специфических черт латинской или русской письменности Литвы. Никакой нужды в составлении актов на литовском языке в таких обстоятельствах, конечно, не возникало»^[115].

Как видим, профессору лгать об очевидных вещах неудобно, и он пытается уравновесить использование русского языка и письма в Великом княжестве Литовском использованием немецкого и польского языков. Если говорить о дипломатических сношениях, то это соответствует действительности. Но понятно, что ни о каком использовании немецкого и польского языков, равно как и латиницы в Смоленске, Чернигове, Киеве и других русских городах, и речи быть не могло. Таким образом, 99 % деловой документации Великого княжества Литовского писалось на русском языке (русской «мове»).

Увы, с чем соглашаются литовцы, бурно опровергают белорусские националисты. Мол, в Великом княжестве Литовском жили в основном... литвины и небольшой процент собственно литовцев. Ну а литвины – это древний народ, живший много тысячелетий в пределах современной Беларуси. Правда, некоторые националисты считают, что и в Смоленской области жили литвины, и посему Смоленская область также должна отойти к Великой Беларуси.

Вообще литвины – это полнейший аналог укров, у которых они

оспаривают изобретение колеса, постройку Ноева ковчега и т. п.

Щедро финансируемое Западом, движение «литвинов» в Беларуси ширится. При этом возникают различные течения. Так, некоторые персонажи считают литвинами всех этнических белорусов, зато другие считают, что «литвины» проживают лишь в западных областях Белоруссии, а на востоке живут замаскированные злыдни-москалы, а главный атаман у них – батька Лукашенко. Эти персонажи слово «белорус» воспринимают не иначе, как «неполноценный рус».

В 2000 г. в городке Новогрудке 25 «литвинских комиссаров» в местной пивной подписали «Акт объявления существования литвинской нации»^[116]. «Комиссары» решили создать литвинский язык, естественно, с использованием латиницы, а не кириллицы, и требовать национальной независимости Литвинского государства.

Почему Запад поддерживает националистов? Неужели там кто-то верит в укров и литвинов? На это давным-давно ответил Александр Сергеевич Пушкин:

...ни король, ни папа, ни вельможи
Не думают о правде слов моих.
Димитрий я иль нет – что им за дело?
Но я предлог раздоров и войны.

(«Борис Годунов»)

Чтобы свергнуть Лукашенко и напасть на Россию, Запад будет поддерживать и укров, и литвинов, да хоть чертей рогатых!

Замечу, что националисты пригревались и ранее недальновидным советским руководством. Вот, к примеру, рассмотрим статью А.И. Журавского «Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка» (Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 185–191)^[117].

Уже известный нам академик Ф.П. Филин выдумал так называемый западнорусский язык XIV–XVI вв. Ну а Журавский считает, что сей язык «в своей деловой разновидности был государственным языком литовской, молдавской и валашской держав. В белорусском историческом языкознании традиционным стало мнение, что в письменности Великого княжества Литовского использовался язык на белорусской диалектной основе».

Обратимся к аргументации Журавского и норвежского слависта Х.

Станга: «Тщательно изучив язык грамот важнейших канцелярий Великого княжества Литовского, исследователь (т. е. Станг) пришел к выводу, что первоначально здесь существовало несколько типов актового языка, отличающихся друг от друга некоторыми, преимущественно орфографическими и грамматическими особенностями. В северных областях Полоцка – Витебска – Смоленска употреблялась языковая форма, характеризующаяся цоканьем, смешением е и і, связкой есме в составе перфекта и некоторыми другими особенностями. Таких черт нет в документах, исходящих из канцелярии Витовта. Язык документов Витовта сближается с языком южных (украинских) канцелярий, но полностью не совпадает с ним. Среди грамот короля Казимира южноволынский тип играет уже незначительную роль, большая часть его грамот принадлежит к северноволынскому или южнобелорусскому типу, но основное количество грамот этого времени происходит из белорусских областей, в которых е и ять совпадали во всех позициях. Во времена короля Александра канцелярский язык становится более стабильным, он достигает прочной, устойчивой формы, которая отражается и в других памятниках того времени. Позже, при короле Сигизмунде Августе, южный тип актового языка исчезает полностью. Канцелярский язык Великого княжества Литовского в это время выступает как язык белорусский, который находится в наиболее близком отношении к белорусским говорам около Вильно. В этом языке постепенно растворился и полоцкий тип актового языка, который раньше выступал в виде самостоятельной формы».

Почитайте сие внимательней. Что, здесь идет речь о разных языках? Или о говорах и сленгах при отсутствии жестко установленной грамматики? Возьмем сейчас документы Смоленска, Астрахани и Владивостока, и при желании всегда можно найти особенности такого же уровня и заявить о существовании в РФ смоленского, астраханского и владивостокского языков.

«Самостийники» не понимают анекдотичности своих утверждений. Что же получается? Объезжает, к примеру, великий князь литовский свои владения, и в Минске ему приходится разговаривать по-белорусски, в Вязьме – по-русски, а в Киеве – по-украински?

Впрочем, с некоторыми частями статьи Журавского можно согласиться. Так, например, «выступление белорусского языка в роли государственного в Великом княжестве Литовском повлекло за собой появление разнообразных документов общегосударственного и местного значения типа договорных, жалованных, клятвенных, купчих, меновых и присяжных грамот, политических и торговых договоров. В середине XV в.

деловая письменность в Великом княжестве Литовском обогащается новыми жанрами в виде судебных, статутных и других юридических кодексов. С конца этого столетия в практику общественной жизни вошли так называемые земские книги – собрания официальных документов о дарованиях и продаже различных владений.

Созданные в конце XIV – начале XV в. в великокняжеской канцелярии актовые книги явились основой большого исторического архива, известного под названием Литовская метрика. В состав метрики входят разнообразные по форме и содержанию документы, выдававшиеся королями, сеймами и правительственными лицами или же поступавшие к ним от правительств зарубежных стран, от местных служебных и частных лиц. В полном своем виде метрика имела свыше 550 томов и содержала материалы XIV–XVIII вв., причем документы от XIV до начала XVII в. в большинстве написаны на белорусском языке, позднейшие – на польском и латинском.

Эпохой расцвета деловой письменности на белорусском языке является XVI век. Здесь прежде всего следует указать статуты Великого княжества Литовского трех редакций – 1529, 1566 и 1588 гг., из которых последний был даже напечатан. На белорусском языке в это время писались декреты сеймов и главного литовского трибунала, акты копных, городских, земских и подкоморских судов, акты и приходно-расходные книги городских управ, магистратов и магдебургий, реестры, фондуши и инвентари имений, староста, фольварков и деревень, завещания, частные письма и другие документы».

Разумеется, если в начале цитаты убрать 4 первые буквы и вместо «белорусского языка» читать «русского языка».

Как видим, в Великом княжестве Литовском говорили по-русски, писали кириллицей по-русски, исповедовали православие, то есть все осталось по-старому, как и до прихода литовцев.

Любопытно сообщение русского летописца о завоевании литовцами Подолья. Кориатовичи, то есть православные князья, сыновья князя Кориата (в православии Михаила), «придя в Подольскую землю, вошли у приязнь с атаманы», представителями местных общин, «почали боронити Подольскую землю отъ татаръ и боскакомъ (байскакомъ) выхода не почале давати»^[118].

Таким образом, Гедиминовичи согласились сохранить не только власть местных князей Рюриковичей и местных бояр, но в отсутствии оных оставляли в неприкосновенности и системы самоуправления во главе с атаманами.

Нетрудно предположить, что без иностранного вмешательства два русских государства – Московское и Литовское – неизбежно объединились бы в течение XV века, ну, в крайнем случае, в начале XVI века. На мой взгляд, победила бы Москва вследствие большего экономического и военного потенциала. Но, несомненно, даже при победе Великого княжества Литовского и установлении столицы в Смоленске или Киеве это было бы унитарное чисто русское государство. Ну а литовцы бы постепенно русифицировались, как, например, те же меря, весь и другие народы угрофинской группы, оказавшиеся в составе Московского государства.

В любом случае ни в XIX веке, ни в XXI веке в подобном государстве никому бы в голову не пришло болтать о трех народах, трех языках, трех культурах и т. п.

Но, увы, в развитие двух частей Руси вмешались внешние силы – польские паны и католическая церковь.

Глава 16

Панство и Унии

Польша, как и Русь, прошла через период феодальной раздробленности. Историки считают, что Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статуте Болеслава Кривоустного, изданном в 1138 году. Согласно этому Статуту, Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын – Владислав II (1105–1159) получил Силезию, Мешко (1126–1202) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статутом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Польша испытывала сильное германское влияние. Так, историк Погодин писал: «Ослаблению королевской власти много содействовала немецкая колонизация, которая направилась на польские земли в конце 12 века. Дело в том, что немцы-пришельцы не желали селиться на общих условиях с польскими крестьянами, а требовали, чтобы за ними были сохранены все те права, какими они пользовались по немецкому закону: значит, каждому из рыцарей, который хотел поселить у себя немцев, нужно было добиться особой грамоты. Но таких же освободительных грамот хотел и каждый из рыцарей. С какой стати один получил больше льгот, чем другой? И вот королевской власти, раз уж она вступила на этот путь, оставалось только раздавать льготы направо и налево, а потом утвердить их за всеми рыцарями и тем создать привилегированное рыцарское или дворянское сословие, обязанное по отношению к государству только военной службой»^[119].

В 1320 г. краковский князь Владислав Локеток, сын Казимира Куявского, объявляет себя королем (годы правления 1333–1370).

Замечу, что еще раньше папы всеми силами прививали польским князьям и королям ненависть к русскому народу и православию. Еще папа

Григорий IX в послании к доминиканцам в 1233 г. запрещал браки с православными. Когда после набега язычников-литовцев и убийства мазовецкого князя Земовита I в 1262 г. папа Урбан IV обратился за помощью к королю Оттокару II, перечисляя грозящих врагов, то русские «схизматики» оказались на первом месте в этом списке, впереди язычников-литовцев, хотя речь шла именно о них. В этом послании, датированном 4 июня 1264 г., впервые выступает прямое зачисление христианской Восточной Церкви, вместе со всеми неверными и язычниками, в число общих врагов... «Христианской Церкви». С этой даты «схизма» занимает первое место в перечне врагов Церкви. Так, в письме к королю Локетку в 1325 г. папа Иоанн XXII дает отпущение грехов идущим на войну «contra scismaticos, Tataros, paganos aliasque permixtas nationes infideliun» («против схизматиков, татар и других поганных....»). Это же повторил папа Урбан V в письме от 8 июля 1363 года.

Польские князья, несмотря на непрекращающиеся войны с немцами и междусобойчики, с вождедением посматривали на южные русские земли. Как уже говорилось, даже Владислав Локеток в 1325 г. собирался захватить Галицкое королевство. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель, которые решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Еще в начале 1340 г. знать составила заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире-Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами наносит контрудар по Польше и доходит до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта^[120], которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ею правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х годах XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его преемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал

Рим.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир-Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

Как уже отмечалось, поляки не освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме.

В 1370 г. умер, не оставив мужского потомства, польский король Казимир III. После него в Кракове был коронован венгерский король Людовик, мать которого, Елизавета, была дочерью короля Локетка. Для укрепления своей власти Людовик 13 сентября 1374 г. даровал панам так называемые Кошицкие привилегии, освобождавшие их от многих повинностей.

После смерти Людовика в 1382 г. два года в Польше шли усобицы. Наконец, в 1384 г. паны на съезде в Вислице выбрали королевой 11-летнюю Ядвигу, младшую дочь Людовика Венгерского. К этому времени Ядвига уже была замужем за герцогом Вильгельмом Габсбургским, который был старше ее на 3 года. Их повенчали, когда невесте исполнилось семь, а жениху – 10 лет, но супружескую жизнь они должны были начать, когда невесте исполнится 12 лет.

Все источники согласны в том, что Ядвига была безумно влюблена в Вильгельма. Ну а далее следует польская народная, пардон, государственная сказка. Мол, ясновельможные паны подыскали Ядвиге другого мужа – великого князя литовского Ягайло. Тот был в 3 раза старше невесты, да еще и язычник. Бедняжка Ядвига хотела бежать к своему любимому мужу Вильгельму, но ее остановили силой.

И вот молодая девушка поступилась своей любовью и отдалась грубому старому язычнику только ради того, чтобы дикое языческое Литовское княжество приняло христианскую веру.

Култ Ядвиги возник в Польше еще в XV веке. Как писал в XIX веке историк Погодин: «...могила королевы Ядвиги в кафедральном соборе Кракова до сих пор засыпана свежими цветами, перевита новыми лентами,

и народ верит в чудеса, которые на ней совершаются, и считает Ядвигу святой».

Ну а заявившийся 8 июня 1997 г. в Краков польский папа (бывший кардинал Войтиля) Иоанн Павел II торжественно провозгласил Ядвигу Святой. Стоя перед ее надгробным камнем, папа изрек: «Долго же ты ждала этой минуты, Ядвига».

Увы, сказочка про Ядвигу так же лжива, как и вся официальная история Польши. Великий князь Ягайло был, как и большинство литовских князей того времени, двоеверцем. По приезде в этническую Литву он становился язычником Ягайло, ну а в остальных частях Великого княжества Литовского был православным князем Яковом. Свыше 90 % населения Великого княжества Литовского исповедовали православие, равно как и все князья Гедиминовичи (считая и двоеверцев). Ну а сельское население этнической Литвы и до 1386 г. было языческим и оставалось таковым еще два века.

Вопрос, так кто же крестился в Великом княжестве Литовском? 18 февраля 1386 г. Ягайло в третий раз сменил веру и стал католиком Владиславом.

Любопытно, как он стал титуловаться в первых своих грамотах: «господин и опекун королевства Польского». Однако позже он стал называть себя «Королем Польши, верховным князем литовским и вотчик русских», и многие его грамоты подтверждались Ядвигой.

Вместе с Ягайло (Владиславом) отреклись от православия и приняли католицизм его братья: Скиргайло (Иоанн) стал Казимиром, Коригайло (Константин) тоже стал Казимиром, Свидригайло (Лев) стал Болеславом, Минигайло (Василий) – Александром. Католическую веру принял и Витовт (Александр), двоюродный брат Ягайло.

Так что заслуги святой Ядвиги не в крещении язычников, а в борьбе с православием и русским народом.

Тот же Погодин писал: «Среди литовцев до соединения с Польшей постепенно распространялось православие; языком, на котором велась переписка в княжеской канцелярии, служил русский; среди вельмож многие находились в дружеских или родственных связях с русскими князьями; теперь этому русскому влиянию на литовскую образованность наступил конец. Если и не было еще прямого гонения на людей, сочувствовавших сближению с Москвой, то, во всяком случае, симпатии князя [Ягайло – А.Ш.] были на стороне тех, кто отстаивал церковь католическую, язык латинский, а на православие смотрел как на схизму, почти как на язычество»^[121].

Замечу, что Ядвига не одна попала в святые за борьбу со «схизмой». Так, идеологом крестового похода в Швеции в середине XIV века стала религиозная психопатка Биргитта, настоятельница Вадстенского монастыря. Биргитта давала наставления королю Магнусу, призывала его к ведению «справедливой» войны для распространения христианской веры среди язычников, прямо настаивала на организации похода на Русь.

И вот в ноябре 1999 г. Иоанн Павел II освятил в Ватикане скульптуру святой Биргитты, которую называют ангелом-хранителем Европы. В Ватикан для участия в оной церемонии прибыли 23 человека из Эстонии во главе с вице-спикером эстонского парламента Тунне Келамом. Пятиметровая статуя святой Биргитты была установлена в одной из внешних ниш базилики Святого Петра.

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *gusín* (русин), то есть так же, как ляхи в X–XIII веках называли русских.

Ягайло-Владислав издал в новом Корчине привилегию, расширявшую Кошицкий договор. Он гарантировал занятие должностей и замков в Польше только местной шляхте, обещал вознаграждение за военную службу вне пределов страны и отмену королевских судей по уголовным делам (оправцев).

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он

вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее большинство православных и язычников в Литве сохранили свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя литовского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка – сандомирского каштеляна^[122] Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Волынского княжества – Владимир-Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишается своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

Весной 1395 г. Витовт идет с войском на Киев против киевского князя Владимира Ольгердовича, правившего там с 1362 года.

Тем не менее киевский князь не рискнул драться с Витовтом. За это Владимир получил вместо Киевского княжества городишко Копыл в современной Беларуси. По одной версии, Владимир Ольгердович умер в 1398 г., а по другой – бежал в Москву.

В 1413 г. в замке Городля на реке Буг состоялся «вальный съезд» польских и литовских панов в присутствии Владислава II (Ягайло) и Витовта. Любопытно, что Литву представляли 47 бояр, принявших вслед за Ягайло католичество.

В Городельском акте, подтверждающем соединение польских и литовских земель, содержится дискриминация православных бояр и панов по сравнению с католиками. Однако наши историки несколько преувеличивают это. Так, православным панам не будут предоставляться гербы. Далее говорится, что в должности воевод и наместников «не будут

выбираемы те, которые не исповедывают католической веры и не подчиняются святой римской церкви». Тут уже ограничение очень серьезное, если бы речь не шла только о двух городах Великого княжества Литовского – Вильно и Троки. Спору нет, города столичные и должности там престижные. Но в целом на Литовской Руси Городельский акт никак не отразился. Тем более что властями сей акт неоднократно нарушался. Причем, подчеркиваю, речь шла о Русской Литве.

А в Польше имели место отдельные эксцессы. Так, в 1412 г. король Владислав II (Ягайло) отнял в Перемышле прекрасную кафедральную церковь святого Иоанна Крестителя, издавна принадлежавшую православным (построена еще Володаром Ростиславичем^[123]), и передал ее латинскому епископу: при этом были выброшены имевшиеся при ней гробы православных.

А вот в Великом княжестве Литовском тот же Ягайло 15 октября 1432 г. дал Гродненскому съезду литовских панов особый привилей, которым предоставлялось русским князьям, боярам и шляхте утешаться и пользоваться теми же самыми милостями, свободами, привилегиями и выгодами, которыми владеют и пользуются и литовские князья, бояре и шляхта, причем литовцы могут приобщать к полученным от поляков гербам и русским. Иначе говоря, по этому привилею православная шляхта Великого княжества Литовского получала теперь то же, что предоставлено было литовской шляхте католического исповедания предыдущими привилеями Ягайло.

А через две недели, 30 октября, тот же Ягайло распространяет права и вольности польской шляхты на духовенство, князей, панов и шляхту Луцкой земли (на Волыни) без различия вероисповедания, как на католиков так и православных.

Я боюсь наскучить читателю перечислением всевозможных привилеев, выдаваемых шляхте и духовенству польскими королями и великими князьями литовскими, но именно в борьбе за привилегии и состоял тогда конфликт между конфессиями. Князья, папы и ксендзы стремились получить как можно больше привилегий от государства, а православные князья, паны и попы старались получить не меньше, чем католики.

2 мая 1447 г., вскоре после принятия польской короны, Казимир IV Ягеллончик дал (в Вильно) привилей «литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарям, шляхте, боярам и местичам». Этот привилей замечателен тем, что им предоставлялись «прелатом, княжато, рытером, шляхтичам, боярам, местичом» Литовско-русского государства

все те права, вольности и «твердости», какие имеют «прелаты, княжата, рытеры, шляхтичи, бояре, местичи коруны Полское», то есть население литовско-русских земель уравнивалось в правах и положении своем с населением коронных земель.

В начале 1499 г. киевский митрополит Иосиф предоставил великому князю литовскому Александру «свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», то есть церковный устав Ярослава Мудрого. В этом уставе говорилось о невмешательстве светских лиц и властей в суды духовные и в церковные дела и доходы, так как «вси тые дела духовные в моц митрополита Киевского» и подведомственных ему епископов.

20 марта 1499 г. великий князь особым привилеем подтвердил этот свиток. По этому привилею «мает митрополит Иосиф и по нем будущие митрополиты» и все епископы Киевской митрополии «судити и рядити, и все дела духовные справовати, хрестиянство греческого закону, подле тех прав, выпису того свитка Ярославля, на вечные часы». Все князья и паны «римского закона, как духовные, так и светские», воеводы, старосты, наместники «как римского, так и греческого закона», все должностные лица городских управлений (в том числе и там, где есть или будет Магдебургское право^[124]) не должны чинить «кривды» церкви божией, митрополиту и епископам, а равно и вмешиваться «в доходы церковные и во все справы и суда их духовные», ибо заведование всеми ими, как и распоряжение людьми церковными, принадлежит митрополиту и епископам.

В городах, где введено было магдебургское право (в Великом княжестве Литовском), православные мещане не отличались юридически от своих собратьев-католиков: жалованные грамоты короля городам на получение этого права требовали, чтобы половина радцев, избираемых мещанами, исповедовала латинство, другая – православие; один бургомистр – католик, другой – православный. Грамоты Полоцку (в 1510 г.), Минску, Новогрудку (в 1511 г.), Бресту (тоже в 1511 г.) и другие подтверждают это.

Когда было введено магдебургское право в Киеве, точно неизвестно. Не исключено, что оно было введено еще при Витовте. По другой версии, магдебургское право ввел великий князь Александр между 1494 и 1497 годами.

Привилей князя Александра на магдебургское право одновременно освобождал горожан «от прав полских и литовских и русских», а также «от всякого права и моци и от насилья всих подданных наших великого князства Литовского, от воевод и от судей и от всих посполите врьдников наших».

Члены органов городского самоуправления, войт, бурмистры и радцы избирались из среды зажиточных киевлян. На должность войта (главы городского «вряда») горожане избирали четырех кандидатов – «людей добрых, годных», то есть наиболее подходящих для государственной власти, и король утверждал одного из них. Главой городского суда грамота на магдебургское право провозглашала войта.

Судебной властью обладали и тиуны, основной обязанностью которых был надзор за выполнением киевлянами повинностей, связанных с проездом через город великокняжеских, королевских и ханских послов: «Ста цее ю под и и мати и подводы под них давати, и коней и скарбов пословых стеречи, и в Орду с нашими послы ходити и коней своих под них давати и под воеводнны гонцы подводы давати» и т. п.

Только в 1503 г. королевской грамотой киевляне были освобождены от этих обременительных повинностей в связи с «великим впадом» города из-за набегов орд крымских татар. Одновременно грамота «с тивунских рук их выняла». Но, видимо, это «вынятие» не всегда соблюдалось воеводами, так как в 1514 г. киевляне добивались от короля подтверждения привилея 1503 г. об освобождении «от судов и от всяких пошлин тивунов киевских».

Грамоты на магдебургское право также определяли обязанности мещан. В их число входили следующие: «сторожю в поле мети от татар кожного часу подле давного обычая», «в погоню за татары... конне а збройне... как на войну» ходить, «на замку нашем киевском мают они в ночи стеречи и кликати». Причем в борьбе против набегов кочевников принимали участие только горожане, имевшие лошадей, а пешие служили в обороне города при замке.

Право на самоуправление, дарованное Киеву князем Александром в конце XV века, являлось ограниченным и не соответствовало нормам магдебургского права в полном объеме. Об этом свидетельствует текст грамоты 1514 г. Сигизмунда. Там говорится, что, представив текст грамоты Александра, киевляне заявили, что «его милость (Александр) ...в некоторых речах многих того права не хотел им держати». Лишь грамотой 1514 г. киевлянам было даровано более полное магдебургское право. Однако даже и официально признанное, оно постоянно нарушалось, чем свидетельствуют многочисленные жалобы киевлян, а также грамота киевского воеводы Андрея Немирича, которой лишь в 1518 г. официально признано за киевлянами право на самоуправление: «не мной, як у привильях им выписано и как их право майдебурское несет».

Но мы немного забежали вперед, и пора вернуться к политической истории Польши и Литвы.

В 1492 г. умирает польский король Казимир IV. За годы его правления королевская власть сильно ослабела. В XV веке по отдельным областям Польши – воеводствам – стали собираться сеймики, представлявшие собой съезды местной шляхты, на которых она решала все вопросы, касавшиеся ее, и, прежде всего, вопросы о новых налогах. Первое время король сам объезжал эти сеймики, но затем стал приглашать представителей этих сеймиков в какой-либо определенный пункт. Иногда по требованию короля уполномоченные шляхты собирались на общий съезд – так входил в обычай общий для Польши сейм. Эта система сеймиков стала основной опорой господства шляхты. Нуждаясь в больших средствах для войны с орденом, король Казимир IV вынужден был постоянно обращаться к сеймикам и таким образом укреплять их политическое значение.

К концу XV века окончательно организовался так называемый вальный сейм, то есть общий для всей страны. Этот сейм делился на две палаты: верхнюю – коронную раду, или сенат, где заседали możnowładcy – прелаты и сановники Польского государства, и вторую палату – посольскую избу, в которой заседали депутаты от шляхты, избранные на сеймиках. Сеймики получили еще большее значение. Они не только выбирали депутатов на вальный сейм, но также составляли для них обязательные указы. В вальном сейме депутаты выступали не от своего имени, а как представители сеймиков.

Глава 17

Русская реконкиста

После смерти Казимира IV польские паны избрали королем Яна Ольбрехта (Альбрехта), а литовские – великого князя Александра. Великий князь московский Иван III побаивался короля Казимира, но после его смерти решил начать большую войну. Иван III срочно отправил в Крым своего посла Константина Заболоцкого. Послу поручено было сказать хану Менгли Гирею, что король Казимир умер, но его сыновья такие же враги Москве и Крыму, как и отец, и чтобы хан с ними в союз не вступал, а пошел бы войной на Литву. Великий князь также хочет сам сесть на коня. Иван III рекомендовал хану идти на Киев. Хан выслушал Заболоцкого, но послал в Малороссию не всю орду, а лишь 500 всадников.

Сам Иван III со всем войском не желал идти в поход, а послал летом 1492 г. на Литву два сравнительно небольших отряда. Один отряд под командованием князя Федора Оболенского напал на Мценск и Любутск и сжег их, взял в плен наместников, бояр и много других людей. Второй отряд воеводы Даниила Щени^[125] в том же 1492 г. захватил город Вязьму, где княжил Андрей Юрьевич Вяземский, и город Хлепень, где сидел Михаил Дмитриевич Вяземский. Напомню, что Вяземский удел достался великому князю Витовту, и вяземские князья, почти 100 лет правившие им, верой и правдой служили Вильно.

Иван III любил, не спеша, расправляться со своими жертвами, вспомним те же Новгород и Тверь. Вяземское княжество не стало исключением из общего правила. Так произошло и с вяземскими князьями. Михаил Дмитриевич с семьей под стражей был отправлен на Северную Двину, где и умер (убит?). Куда делся Андрей Юрьевич Вяземский – неизвестно, во всяком случае, в 1495 г. в Вязьме уже сидел наместник Ивана III. Итак, наиболее знатные князья Вяземские были устранены, а вот многие боковые ветви были отправлены подальше от западных границ Московского государства.

В Литве забеспокоились и собрались мириться с Москвой. Чтобы склонить Ивана III к уступкам, ему решили предложить брачный союз с одной из его дочерей и великим князем литовским Александром.

Начались хитрые дипломатические игры (подробнее о них рассказано в моей книге «Русь и Литва»). Вначале шли «окольные» переговоры через

власти Полоцка и Новгорода. Затем начались поездки послов в Москву и Вильно. В 1493 г. в ходе одной из «челночных» поездок московский посол дворянин Загряжский привез грамоту со странным требованием передачи Москве ряда русских городов. Сенсацией в ней стал новый титул Ивана III. До сих пор в верительных грамотах Казимиру Иван III писал так: «От великого князя Ивана Васильевича Казимиру королю польскому и великому князю литовскому послами есмо». Теперь же грамота начиналась: «Иоанн, божьею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, и московский, и новгородский, и псковский, и тверской, и югорский, и болгарский, и иных, великому князю Александру литовскому».

Итак, впервые великий князь московский назвал себя «государем всея Руси». Что же произошло? Да ничего, кроме того, что военная мощь Литвы в тот момент была ослаблена, а силы Ивана III велики. Кроме того, Литве угрожал союзник московского князя крымский хан Менгли Гирей. Иных аргументов у Ивана III не было. Он даже не стал рассуждать о преемственности московских князей древнерусским киевским князьям. То ли в силу неубедительности сей посылки, то ли потому, что сам Иван с боярами имел весьма смутное представление о Киевском государстве. Послу же был дан такой наказ: «Если спросят его: для чего князь великий назвался государем всея Руси; прежде ни отец его, ни он сам к отцу государя нашего так не приказывали? То послу отвечать: государь мой со мной так приказал, а кто хочет знать зачем, тот пусть едет в Москву, там ему про то скажут».

В январе 1494 г. в Москву едут большие литовские послы. После долгих препирательств литовские послы уступили Ивану III большую часть спорных земель, и главное, в договорной грамоте Иван III был написан государем всея Руси, великим князем владимирским, московским, новгородским, псковским, тверским, югорским, пермским, болгарским и иных.

По окончании переговоров Иван III объявил, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, как говорили послы и ручались головой, неволи ей в вере не будет.

В январе 1495 г. новые послы приехали за невестой – московской княжной Еленой. В Вильно венчал Александра и Елену католический епископ, но русский поп Фома, приехавший с Еленой, стоял рядом и громко молился. Александр и вельможные паны просили его помолчать, но Фома не унимался до конца церемонии.

Мир с Литвой просуществовал всего пять лет, а затем литовские паны нарушили его. Но на сей раз не напали на Московское государство, а

наоборот, попросились на службу к Ивану III. И полбеда, если бы они попросту драпанули через границу, так они попросились в Московское государство вместе со своими уделами.

Первым к Ивану III подался в 1499 г. князь Семен Иванович Бельский. Семен Иванович был правнуком великого литовского князя Ольгерда, то есть по отцовской линии он был литовцем. Сын Ольгерда Владимир в конце XIV века стал князем киевским, а его второй сын Иван получил в удел город Белев. Этот Иван и стал родоначальником князей Бельских.

Семен Бельский прибыл в Москву, «бил челом великому князю, чтоб пожаловал, принял в службу и с отчиной». Причиной своего поступка Бельский назвал притеснения православных в Литве – «терпят они в Литве большую нужду за греческий закон».

Иван III принял Бельского и послал сказать Александру: «Князь Бельский бил челом в службу; и хотя в мирном договоре написано, что князей с вотчинами не принимать, но так как от тебя такого притеснения в вере и прежде от твоих предков такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли в службу с отчиною». Бельский тоже послал Александру грамоту, где слагал с себя присягу по причине принуждения к перемене веры.

За Бельским перешли с богатыми волостями князя, до сих пор бывшие заклятыми врагами великого князя московского: князь Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, и сын соратника Шемяки Ивана Андреевича Можайского князь Семен Иванович. Князь Семен перешел с Черниговом, Стародубом^[126], Гомелем и Любичем; Шемячич – с Рыльском и Новгородом Северским. Вместе с ними последовали и другие князья – Мосальские, Хотетовские, и все по причине якобы гонения за веру.

На самом же деле никаких гонений на веру в 1500 г. не было, тем более в пограничных с Москвой уделах и княжествах. Дело в том, что князья Литовской Руси были мало знакомы с московскими порядками и нравом Ивана III. Они знали московского князя как удачливого и очень богатого правителя и надеялись на получение денег и новых вотчин.

И поначалу московские власти не спешили их разочаровывать. К Ивану перешли князья Трубецкие – Андрей, Иван, Федор Семеновичи и Иван Юрьевич с сыном Семеном. Вся эта компания потомков Гедимины к 1499 г. совместно владела небольшим городком Трубчевском. Им он был и оставлен до конца XVI века. От них пошел род князей Трубецких.

Меньше повезло Василию Шемячичу. Он несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Шемячич проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и

крымских татар. Но московским великим князьям не нужны были сильные князья-вассалы, а только холопы. И вот в 1522 г. Василий III вызывает Василия Шемячича в Москву. Тот, видимо, заподозрил неладное и попросил охранную грамоту, скрепленную «клятвою государя и митрополита». Митрополит Варлаам не согласился пойти на клятвопреступление и в конце 1521 г. оставил митрополичий престол. Его место занял более податливый Даниил, который согласился дать «крестоцеловальную запись» с тем, чтобы выманить «запазушного врага» в столицу.

18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению посла германского императора Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и «чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его». Сын Василия Шемячича Иван, жена и две дочери были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 года.

Та же участь ждала Ивана Ивановича Бельского. Он стал известным московским воеводой, но в 30-х годах XVI века был сослан в заточение в Вологду, а Белевский удел прекратил свое существование. Почти так же кончили и все остальные удельные князья.

Но, повторяю, князья, переходившие к Ивану III, мечтали совсем о другом. Понятно, что литовский князь Александр не стал спокойно взирать на переход чуть ли не четверти своего княжества к Москве, и вновь началась война.

Основная часть московских войск шла под командованием служилого татарского хана Магмет-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина. Эта рать заняла города Мценск, Серпейск, Мосальск, Брянск и Путивль. Князья северские Можайский и Шемячич были приведены к присяге Ивану III.

14 июля 1500 г. московские воеводы Юрий Кошкин и Даниил Щеня наголову разбили литовцев на Митьковом поле на реке Ведроне.

Великий князь литовский Александр стал с войском на реке Бобр, но, узнав о разгроме князя Острожского на Ведроше, отступил к Полоцку. Оставив сильные гарнизоны в Витебске и Полоцке, Александр осенью ушел зимовать к Вильно.

В начале 1500 г. великий князь литовский нанял несколько тысяч наемников – поляков, чехов и немцев – и, собрав большое войско, двинулся к Минску. Тем временем новгородские, псковские и великолукские полки под начальством великокняжеских племянников Ивана и Федора

Борисовичей и боярина Андрея Челядина взяли Торопец. Новые подданные – князья северские Можайский и Шемячич вместе с братьями князем ростовским и Семеном Воронцовым – одержали победу над литовцами под Мстиславлем. Русская летопись сообщает о семи тысячах убитых супостатах.

Сын Ивана III Дмитрий Жилка осадил Смоленск. Московское войско окружило город, вокруг были возведены осадные батареи, которые даже и ночью обстреливали Смоленск. Одновременно русские овладели Оршей.

На выручку Смоленску великий князь литовский Александр послал из Минска войско во главе с трокским старостой Станиславом Яновским. Литовцы форсировали Днепр и Оршу и направились к Смоленску. Русские были вынуждены снять осаду с города и отойти без сражения.

25 марта 1503 г. в Москве был подписан русско-литовский «перемирный» договор, то есть перемирие сроком на 6 лет. Перемирная грамота была написана от имени великого князя Ивана, *государя всея Руси*, сына его *великого князя* Василия и остальных детей. Великий князь литовский Александр обязался не трогать земель московских, новгородских, псковских, рязанских, пронских, уступил землю князя Семена Стародубского (Можайского), Василия Шемячича, князя Семена Бельского, князей Трубецких и Мосальских, города Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Любеч, Почеп, Трубчевск, Радогощ, Брянск, Мценск, Любутск, Серпейск, Мосальск, Дорогобуж, Белую, Торопец, Острей, всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

27 октября 1505 г. на 67-м году от рождения и на 44-м году княжения умер Иван III. Московский престол перешел к его сыну Василию III (1479–1533). Польский король и великий князь литовский Александр пережил своего тестя менее чем на год и умер в августе 1506 года. Его место на литовском престоле занял брат Сигизмунд, который с 24 января 1507 г. стал и королем Польши.

Прежде чем переходить к правлению Сигизмунда I, следует упомянуть о переменах в государственном устройстве Польше, имевших большое значение для последующих событий. Так, Мельницким привилеем 1501 г. королевская власть была поставлена в полную зависимость от сената. Значение короля свелось, по существу, к роли председательствующего в сенате. Сенат сконцентрировал в своих руках всю полноту власти в государстве. Однако успех крупных феодалов не был длительным. В 1505 г. шляхта добилась издания Радомской конституции «*Nihil novi*» («Никаких нововведений»). По конституции 1505 г., король не мог издавать ни одного

нового закона без согласия как сената, так и посольской избы.

Еще до истечения срока перемирия, в апреле 1507 г. началась новая русско-литовская война. Подробное описание серий войны 1507–1508 гг. и 1512–1522 гг. выходит за рамки нашей работы, и я повторно отсылаю интересующихся подробностями читателей к книге «Русь и Литва». Здесь же я отмечу лишь то, что вновь значительная часть русских князей и бояр, независимо от их происхождения – от Рюриковичей или Гедиминовичей, стремились освободиться из-под власти литовских князей и перейти на сторону Москвы.

Так, в 1507 г. литовский магнат Михаил Глинский выступил со своей частной армией (700 всадников) против короля Сигизмунда I и захватил Гродно, а затем ушел к Новгороду. В дальнейшем Михаил Глинский активно участвовал в войне на стороне Василия I.

Любопытно, что украинские историки-националисты XIX – XX веков в большинстве своем обходят молчанием реконкиту Ивана III и Василия III. Лишь Орест Субтельный пишет: «...восстание Глинского явилось значительным событием – не только потому, что оно засвидетельствовало растущее недовольство украинцев своим положением в Великом княжестве Литовском, но и потому, что это был, пожалуй, наиболее примечательный случай, когда украинская элита выступила с оружием в руках на защиту своих прав»^[127].

Увы, это очередная фантазия канадского гражданина господина Субтельного. Ни в грамотах Михаила Глинского, ни вообще в переписке литовских и московских властей слово «Украина» в XVI веке ни разу не употреблялось. А сам Глинский был потомком татарина, приехавшего на службу к Витовту, его же сподвижник Д.Ф. Бельский был по происхождению Гедиминовичем. Другой вопрос, что они оба были православными, говорили по-русски и считали себя русскими.

В итоге войн Ивана III и Василия III у Литвы к 1533 г. была отвоевана огромная территория от среднего течения реки Ловати на севере до верховий Северного Донца на юге. В состав Русского государства вошли Смоленск, Кричев, Рославль, Мстиславль, Брянск, Гомель, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль и другие города. Увы, сейчас большинство этих городов находится в составе Украины и Беларуси. Но тогда, в XVI веке, все без исключения население этих земель говорило по-русски почти так же, как и в Москве, и считало себя русскими людьми.

На мой взгляд, и Иван III, и Василий III могли получить и остальные русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского, при наличии более либерального отношения к князьям и боярам Литовской

Руси. Во Владимиро-Суздальской Руси и в Великом Новгороде Иван III вел себя как восточный деспот, устраивая массовые превентивные (на всякий случай) казни и ссылки представителей древних княжеских и боярских родов. В итоге свирепому Ивану, кстати, его первым стали называть Иваном Грозным, и его не менее свирепому сыну удалось добиться почти рабской покорности князей Рюриковичей. Так, например, уже великий князь Василий III мог публично бить сапогом и стегать плетью бояр и князей в Думе, называя их холопами. И ладно если бы дело шло о мятеже, предательстве и т. д. Дело было в ерундовых поступках, и назавтра побитый князь или боярин шел не на плаху, а на свое место в Думе. Риторический вопрос, можно ли было представить такую ситуацию при французском королевском дворе в XVI веке или при русских княжеских дворах X–XIII веков?

В итоге большинство князей и бояр Литовской Руси решило остаться в составе Великого княжества Литовского, предпочитая католизацию и полонизацию в отдаленном будущем плахе или, в лучшем случае, царской плети в Москве.

Глава 18

Люблинская уния

В конце 60-х годов XVI века усилилось движение польских панов за создание единого государства с Великим княжеством Литовским. Сейчас «самостийные» белорусские историки утверждают, что-де создание польско-литовского государства стало реакцией народов этих стран на агрессию Ивана Грозного. Спору нет, война с Москвой сыграла в этом определенную роль. Но московский вектор Люблинской унии не был решающим. Войну начали поляки, а не Иван Грозный. Русско-литовская война несколько лет велась вяло, а четыре года перед самой унией не велась вообще.

Армия Ивана Грозного по тактике полевого боя и по вооружению заметно отставала от армий западных государств. Москве в ходе Ливонской войны приходилось одновременно действовать против шведов в Эстляндии, крымских татар на юге, турок в Астрахани и т. д. Наконец, террор психически нездорового царя, в том числе уничтожение десятков самых лучших русских воевод, серьезно ослабил русскую армию^[128]. Так что ни Россия, ни страшный Иван не угрожали в 1568 г. ни Польше, ни Литве. Кстати, это мы сейчас знаем о чудовищных расправах Ивана над своими подданными. А польские и литовские паны через несколько лет после унии пожелают видеть Ивана Грозного... своим королем.

Куда ближе к истине тот же С.М. Соловьев: «Бездетность Сигизмунда-Августа заставляла ускорить решением вопроса о вечном соединении Литвы с Польшею, ибо до сих пор связью между ними служила только Ягеллонова династия»^[129].

В январе 1569 г. польский король Сигизмунд II Август созвал в городе Люблине польско-литовский сейм для принятия новой унии. В ходе дебатов противники слияния с Польшей литовский протестант князь Криштов Радзивилл^[130] и православный русский князь Константин Острожский со своими сторонниками покинули сейм. Однако поляки, поддерживаемые мелкой литовской шляхтой, пригрозили ушедшим конфискацией их земель. В конце концов «диссиденты» вернулись. 1 июля 1569 г. была подписана Люблинская уния.

Согласно акту Люблинской унии, Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялось в единое государство – Речь

Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская – в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и суд, администрацию, войско, казну, официальный русский язык.

Согласно 9-му параграфу унии, король обещал должности в присоединенных землях предоставлять только местным уроженцам, имеющим там свою оседлость. «Обещаем не уменьшать должностей и урядов в этой Подляшской земле, и если что из них сделается вакантным, то будем предоставлять и давать шляхтичам – местным уроженцам, имеющим здесь недвижимое имение»^[131].

Киевское княжество по желанию поляков было «возвращено» Польше, как будто бы еще задолго до княжения Ягайло принадлежащее польской короне. Поляки говорили: «Киев был и есть глава и столица Русской земли, а вся Русская земля с давних времен в числе прочих прекрасных членов и частей присоединена была предшествующими польскими королями к короне Польской, присоединена отчасти путем завоевания, отчасти путем добровольной уступки и наследования от некоторых ленных князей». От Польши, «как от собственного тела», она была отторгнута и присоединена к Великому княжеству Литовскому Владиславом Ягайло, который сделал это потому, что правил одновременно и Польшей, и Литвой.

Фактически акты Люблинского сейма 1569 года явились конституцией нового государства – Речи Посполитой. Как писал В.А. Беднов: эти акты, «с одной стороны, подтверждают всем областям Великого княжества Литовского все те законы, права, вольности и сословные привилегии, которыми раньше определялось их юридическое положение, а с другой стороны, уравнивали их с коронными областями во всем том, чего эти первые не имели в сравнении с последними до Люблинской унии. Дух веротерпимости, господствовавший в эпоху среди польско-литовского общества, а затем и политические расчеты покрепче связать с Польшей богатые и обширные области, населенные православно-русскими обывателями, не позволили римско-католическому духовенству поставить какие-либо ограничения религиозной свободе русского населения; правительство стояло за религиозную свободу и проявляло свою веротерпимость, но эта веротерпимость являлась не столько добровольной,

сколько вынужденной. Она вытекала не столько из уважения к религиозным убеждениям населения, сколько из простого расчета сохранить внутренний мир и спокойствие государства, так как при том разнообразии религиозных верований, какое царило при Сигизмунде Августе в Польше и Литве, подобное нарушение этого мира религиозных общин могло привести к страшным расстройством и опасным для государства замешательствам»^[132].

Возможно, кому-то слова православного священника и профессора богословия Варшавского университета о веротерпимости в Речи Посполитой во второй половине XVI века покажутся странными, если не сказать жестче. На самом же деле он прав. Вот два достаточно характерных примера из жизни Речи Посполитой того времени. Константин Константинович Острожский был не только одним из богатейших магнатов, но и одним из светских идеологов православия в Речи Посполитой. Однако женат он был на католичке Софии Тарновской, дочери краковского каштеляна. Его сын Януш тоже стал католиком. Зато одна дочь вышла замуж за кальвиниста Криштофа Радзивилла, а другая – за Яна Кишу, сторонника социан.

Попробую подвести, наконец, итоги. Начну с того, что дала уния русскому населению? Именно русскому, поскольку никаких белорусов и украинцев к 1569 г. в Великом княжестве Литовском не было. Был один язык, одна культура, одна религия, один митрополит, одни обычаи и т. д. Так вот для русского населения ничего плохого в текстах Люблинской унии не было. Наоборот, она подтверждала их прежние права. И трудно сказать, в каком направлении пошла бы история Восточной Европы, если бы польские короли строго выполняли все параграфы люблинских актов 1569 года. Но польские паны тем и отличались, что любили принимать хорошие законы, но органически не желали исполнять ни хороших, ни плохих законов.

В результате Люблинская уния, вопреки всем ее актам, стала началом католической агрессии на русские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского. Увы, этого русские люди не могли предвидеть даже в страшном сне, поэтому и князья, и шляхта, и духовенство пассивно отнеслись к принятию унии.

Наступление на православных и протестантов католики начали еще до принятия унии. Но пока наступление шло в области идеологии и просвещения. Попытка силовым способом навязать католицизм, безусловно, привела бы к кровавой междоусобице и гибели Речи Посполитой.

Епископ виленский Валериан Проташевич, один из идеологов борьбы с диссидентами^[133], обратился за советом к кардиналу Гозиушу, епископу варминскому в Пруссии, знаменитому председателю Тридентинского собора, считавшемуся одним из главных столпов католицизма во всей Европе. Гозиуш, советуя всем польским епископам вводить в свои епархии иезуитов, посоветовал то же самое и Проташевичу. Тот последовал совету, и в 1568 г. в Вильно был основан иезуитский коллегийум под управлением Станислава Варшевицкого.

Вскоре в Польше и Литве возникли десятки иезуитских школ. Молодое поколение подверглось жесткой идеологической обработке. В ответ православные иерархи не смогли создать школы, привлекательной для детей шляхты, не говоря уж о магнатах. С конца XVI века началось массовое окатоличивание и ополячивание русской дворянской молодежи. Зачастую православные родители не видели в этом ничего плохого: чтение итальянских и французских книг, западная мода, западные танцы – почему бы и нет? Страшные последствия полонизации западных и южных русских земель начнут сказываться лишь через 100 лет.

Хотя формально Литва и Польша стали единым государством, но присоединение Киевской земли к Польше создавало условие для ее более быстрой полонизации. Причем, если в Белой Руси большинство помещиков были потомками русских князей и бояр, то в Киевские земли устремились сотни польских панов, начавших закабаление ранее свободных крестьян. Все это привело к появлению языковых и культурных различий, которые позже дали повод националистам говорить о двух народах – белорусском (он же литвинский и т. д.) и украинском (то есть украх и др.).

Любопытен рассказ Владислава Грабенского о распространении русского языка в Великом княжестве Литовском: «Установленные на сеймах законы до Сигизмунда-Августа публиковались на латинском языке и носили название статуты; после они стали выходить на польском языке, под названием конституций. По поручению Радомского сейма при короле Александре канцлер Ян Лаский собрал в хронологическом порядке все коронные законы, начиная от Вислицкого статута, и напечатал их в 1506 году. После статута Лаского пытались кодифицировать законы: Ташицкий при Сигизмунде I, Пшилуский и Гербурт при Сигизмунде-Августе, Сарницкий, Янушовский и Щербич при Сигизмунде III. Однако эти попытки не получили утверждения сословий. Полное собрание статуты и конституций в хронологическом порядке (за 1347–1780 гг.) было обнародовано (благодаря старанию пиаров) в восьми томах под названием “Volumina Legum”. Некоторые части Речи Посполитой имели отдельные

законы. В Литве имел обязательную силу Статут 1528 года, утвержденный Сигизмундом I в 1530 году, исправленный и расширенный в 1566 и 1588 гг. Он был составлен на русском языке, третья редакция, благодаря великому литовскому канцлеру Льву Сапеге, была переведена на польский язык. Кроме литовской провинции, он имел силу для части Малой Польши, Украины и Волыни»^[134].

Итак, «литовский статут» до 1588 г. (!) был на русском языке. Понятно, что там, где он действовал, включая часть «часть Малой Польши», судопроизводство велось на русском языке.

Для Московского государства заключение Люблинской унии означало переход всех литовских претензий к Польше. Замечу, что официальные прямые контакты Польши с великим князем владимирским, а затем с Москвой прервались в 1239 году. А в дальнейшем, если польские короли вели переговоры с Москвой, то формально они представляли только великого князя литовского. Как писал историк и дипломат Вильям Похлебкин: «...став вновь соседями через 330 лет, Польша и Русь обнаружили, что они представляют по отношению друг к другу совершенно чуждые, враждебные государства с диаметрально противоположными государственными интересами»^[135].

7 июля 1572 г. умер Сигизмунд II Август, которого польские историки именуют последним из Ягеллонов, хотя он был потомком Ягайло лишь по женской линии.

Сразу же после смерти короля Сигизмунда польские и литовские паны развили бурную деятельность в поисках нового короля. В качестве претендентов на престол выступали шведский король Иоанн, семиградский воевода Стефан Баторий, принц Эрнст (сын германского императора Максимилиана II) и т. д. Неожиданно среди претендентов на польский престол оказался царевич Федор, сын Ивана Грозного. Царевичу тогда было 15 лет, а наследником престола числился его старший брат Иван (убит он будет лишь в 1581 г.).

Движение в пользу московского царевича возникло как сверху, так и снизу, независимо друг от друга. Ряд источников говорит о том, что этого желало православное население Малой и Белой Руси. Аргументом панов – сторонников Федора – было сходство польского и русского языков и обычаев. Напомню, что тогда языки различались крайне мало.

Другим аргументом было наличие общих врагов Польши и Москвы – немцев, шведов, крымских татар и турок. Сторонники Федора постоянно приводили пример великого князя литовского Ягайло, который, будучи

избран в короли, из врага Польши и язычника стал другом и христианином. Пример того же Ягайло заставлял надеяться, что новый король будет больше жить в Польше, чем в Москве, поскольку северные жители всегда стремятся к южным странам. Стремление же расширить и сберечь свои владения на юго-западе, в стороне Турции или Германской империи, также заставит короля жить в Польше. Ягайло в свое время клятвенно обязался не нарушать законов польской шляхты, то же мог сделать и московский царевич.

Паны-католики надеялись, что Федор примет католичество, а паны-протестанты вообще предпочитали православного короля королю-католику.

Главным же аргументом в пользу царевича были, естественно, деньги. Жадность панов и тогда, и в годы Смутного времени была патологическая. О богатстве же московских великих князей в Польше, да и во всей Европе, ходили фантастические слухи.

Дав знать царю Ивану через гонца Воропая о смерти Сигизмунда II Августа, польская и литовская Рада тут же объявили ему о своем желании видеть царевича Федора королем польским и великим князем литовским. Иван ответил Воропаю длинной речью, в которой предложил в качестве короля... себя самого.

Сразу возникло много проблем, например, как делить Ливонию. Ляхи не хотели иметь Грозного царя королем, а предпочитали подростка Федора. В Польшу и Литву просочились сведения о слабоумии царевича и т. д. Главной же причиной срыва избирательной кампании Федора Ивановича были, естественно, деньги. Радные паны требовали огромные суммы у Ивана IV, не давая никаких гарантий. Царь и дьяки предлагали на таких условиях сумму в несколько раз меньшую. Короче, не сошлись в цене.

Затем радные паны решили избрать на польский престол Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX и сына Екатерины Медичи. Довольно быстро образовалась французская партия, во главе которой стал староста бельский Ян Замойский. При подсчете голосов на сейме большинство было за Генриха.

Прибыв в Краков, новый король заявил: «Я, Генрих, Божией милостью, избранный королем Польши, Великого княжества Литовского, Руси, Пруссии, Мазовии и т. д... всеми чинами государства обоих народов как Польши, так и Литвы и прочих областей, избранный с общего согласия и свободно, обещаю и свято клянусь всемогущим Богом, перед сим св. евангелием Иисуса Христа, в том, что все права, вольности, иммунитеты, общественные и частные привилегии, не противные общему праву и вольностям обоих народов, церковные и светские, церквам, князьям, панам,

шляхте, мещанам, селянам и всем вообще лицам, какого бы они ни были звания и состояния, моими славными предшественниками, королями и всеми князьями... сохраню и удержу мир и спокойствие между несогласными в религии, и никоим образом не позволю, чтобы от нашей юрисдикции или от авторитета наших судов и каких-либо чинов кто-либо страдал и был притесняем из-за религии, да и сам лично не стану ни притеснять, ни огорчать»^[136].

Одновременно король отрекался от наследственной власти, обещал не решать никаких вопросов без согласия постоянной комиссии из шестнадцати сенаторов, не объявлять войны и не заключать мира без сената, не разбивать на части «посполитного рушения», созывать сейм каждые два года не больше чем на шесть недель. В случае неисполнения какого-либо из этих обязательств шляхта освобождалась от повиновения королю. Так узаконивалось вооруженное восстание шляхты против короля, так называемый рокош.

Новый двадцатитрехлетний король выполнил надлежащие формальности и загулял. Нет, я вполне серьезно. Ему и во Франции не приходилось заниматься какими-либо государственными делами, он не знал ни польского, ни даже латинского языка. Новый король проводил ночи напролет в пьяных пирушках и за карточной игрой с французами из своей свиты.

Внезапно прибыл гонец из Парижа, сообщив королю о смерти его брата Карла IX 31 мая 1574 г. и о требовании матери (Марии Медичи) срочно возвращаться во Францию. Поляки своевременно узнали о случившемся и предложили Генриху обратиться к сейму дать согласие на отъезд. Что такое польский сейм, Генрих уже имел кое-какое представление и счел за лучшее ночью тайно бежать из Кракова.

К бардаку в Речи Посполитой все давно привыкли, но чтобы король смылся с престола – такого еще не бывало. Радные паны чесали жирные затылки: объявлять ли бескорольеве или нет? Решили бескорольеве не объявлять, но дать знать Генриху, что если он через девять месяцев не вернется в Польшу, то сейм приступит к избранию нового короля. В конце концов в декабре 1575 г. королем был избран семиградский князь Стефан Баторий.

По смерти Батория в 1586 г. опять начался «конкурс» на титул короля Речи Посполитой. Опять рассматривалась кандидатура Федора Ивановича, теперь не царевича, а царя. Радные паны официально потребовали у русских послов взятку в 200 тысяч рублей. Послы же предложили 60 тысяч. Наконец, после долгой перепалки думный дворянин Елизар Ржевский

назвал последнюю цифру – 100 тысяч, и больше ни копейки. Возмущенные паны отказались от кандидатуры Федора.

Конкурентами царя Федора стали эрцгерцог Максимилиан Австрийский и наследный принц Сигизмунд, сын шведского короля Иоанна III. Оба кандидата поспешили ввести в Польшу по «ограниченному контингенту» своих войск. Максимилиан с австрийцами осадил Краков, но штурм был отбит. Между тем с севера со шведским войском уже шел Сигизмунд. Население столицы предпочло открыть ворота шведам. Сигизмунд мирно занял Краков и немедленно там короновался (27 декабря 1587 г.). Замечу, что, присягая, Сигизмунд III повторил все обязательства предшествующих королей в отношении диссидентов.

Тем временем коронный гетман Ян Замойский со своими сторонниками дал сражение Максимилиану при Бычике в Силезии. Австрийцы были разбиты, а сам эрцгерцог взят в плен. В начале 1590 г. поляки освободили Максимилиана с обязательством не претендовать более на польскую корону. За него поручился брат – император Священной Римской империи.

В отличие от прежних королей Польши, Сигизмунд был фанатичным католиком. На его убеждения повлияла и мать – убежденная католичка, и реформация в Швеции.

Взойдя на престол, Сигизмунд III немедленно приступил к гонениям на диссидентов (то есть не католиков). В 1577 г. знаменитый иезуит Петр Скарга издал книгу «О единстве церкви божией и о греческом от сего единства отступлении». Две первые части книги посвящались догматическим и историческим исследованиям о разделении церкви, в третьей части содержались обличения русского духовенства и конкретные рекомендации польским властям по борьбе с православием. Любопытно, что в своей книге Скарга именует всех православных подданных Речи Посполитой просто «русскими».

Скарга предложил ввести унию, для которой нужно только три вещи: во-первых, чтобы митрополит киевский принимал благословение не от патриарха, а от папы; во-вторых, чтобы каждый русский во всех артикулах веры был согласен с римской церковью; и, в-третьих, чтобы каждый русский признавал верховную власть Рима. Что же касается церковных обрядов, то они остаются прежними. Эту книгу Скарга перепечатал в 1590 г. с посвящением королю Сигизмунду III. Причем и Скарга, и другие иезуиты указывали на унию как на «переходное состояние, необходимое для упорных в своей вере русских».

В книге Скарги и в других писаниях иезуитов средством для введения

унии предлагались решительные действия светских властей против русских.

Сигизмунд III твердо поддержал идею унии. Православные церкви в Речи Посполитой были организационно ослаблены. Ряд православных иерархов поддался на посулы короля и католической церкви.

24 июня 1594 г. в Бресте был созван православный церковный собор, который должен был решить вопрос об унии с католической церковью. Сторонникам унии правдами и неправдами удалось принять 2 декабря 1594 г. акт унии. Уния расколола русское население Речи Посполитой на две неравные части. Большинство русских, включая и шляхтичей, и магнатов, отказалось принять унию.

29 мая 1596 г. Сигизмунд III издал манифест для своих православных подданных о совершившемся соединении церквей, причем всю ответственность в этом деле брал на себя: «Господствуя счастливо в государствах наших и размышляя о их благоустройстве, мы, между прочим, возымели желание, чтобы подданные наши греческой веры приведены были в первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковию под послушание одному духовному пастырю. Епископы [униаты, ездившие к папе. – А. III.] не привезли из Рима ничего нового и спасению вашему противного, никаких перемен в ваших древних церковных обрядах: все догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно с постановлениями святых апостольских соборов и с древним учением святых отцов греческих, которых имена вы славите и праздники празднуете».

Повсеместно начались гонения на русских, сохранивших верность православию. Православных священников изгоняли, а церкви передавали униатам.

Православные шляхтичи во главе с князем К.К. Острожским и протестанты во главе с виленским воеводой Криштофом Радзивиллом решили бороться с унией старым легальным способом – через сеймы. Но католическое большинство при сильной поддержке короля на сеймах 1596 г. и 1597 г. сорвало все попытки диссидентов отменить унию. В итоге к уже существующей межконфессиональной розни добавился и конфликт между униатами и православными. Да и вообще, Сигизмунд был человеком из другого мира, чуждый не только своим русским подданным, но и польским панам. Он носил бородку клином, как его современник, жестокий и подозрительный испанский король Филипп, с которого Сигизмунд во многом брал пример. Вместо простого кафтана и высоких сапог, какие носил Баторий и другие польские короли, Сигизмунд одевался в

утонченные западные одежды, в чулки и туфли.

Избрание на престол Сигизмунда III стало первым шагом к гибели Речи Посполитой. Религиозные репрессии вызывали непрерывные восстания православных внутри страны, а территориальные претензии ко всем без исключения соседям – длительные войны.

Обратим внимание на герб Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. По краям он обрамлен гербами земель, входивших в состав Речи Посполитой. Среди них Великая Польша, Малая Польша, Литва. Но это понятно. Но затем идут Швеция, Россия, причем не кусками, а целиком, Померания, Пруссия, Молдавия, Валахия и т. д.

Глава 19

Панство польское и... русское

Объективно писать о польском панстве XV–XVIII веков очень трудно. Посмотрите польские фильмы как 1950 – 1980-х годов, так и 1991–2012 гг. Там благородные смелые шляхтичи борются за свободу и независимость Польши, попутно спасая от опасностей прекрасных панн и влюбляясь в них. Да и польские красавцы актеры чего стоят. Вот маленький пример: моя 23-летняя подруга Люда К. разошлась с мужем из-за... Даниэля Ольбрыхского. Нет, я, ей Богу, не шучу. Она восемнадцать (!) раз смотрела фильм «Пан Володыевский», а затем подала на развод. Кто-то поморщится – сельская дурочка! Увы, нет, она – выпускница МГУ, дневного отделения факультета психологии, а ее мама – доцент-историк, зам. секретаря райкома партии.

Врать не буду, я и сам с большим интересом смотрел польские исторические фильмы и в школе зачитывался романами Генриха Сенкевича. Кстати, и в фильмах, и в романах много правды. Сравним, к примеру, московских бояр и служилых князей XVI–XVII веков и знатных польских панов. Увы, нравится нам или нет, но паны были куда более образованны, знали иностранные языки, остроумны, и вся жизнь их куда веселее, чем в Московии. Ну а главное преимущество панства – практически неограниченная свобода.

Даже сейчас при «демократии» российский обыватель не может представить себе панскую свободу. Богатый пан со времен королей Пястов мог сформировать частную армию. Численность ее зависела исключительно от содержимого кошелька одного пана. Пан мог вооружить ее артиллерией как полевой, так и осадной. Мог устроить оружейный завод в своем поместье. Паны строили крепости, иной раз даже приглашая для этой цели французских инженеров, которые считались тогда лучшими в мире фортификаторами.

Из какого же контингента составлялись частные армии? В первую очередь из голозадой голодной шляхты. При необходимости магнат мог любого хлопа произвести в шляхтичи. В этнической Польше и в Малороссии в XV–XIX веках существовали десятки еврейских контор, где за небольшую сумму могли состряпать любую родословную, причем на самом высоком техническом уровне.

При необходимости в частные армии нанимались иностранцы, в первую очередь немцы. В XVII–XVIII веках у панов большим спросом пользовались драгуны, дезертировавшие из русской армии.

Если польский король объявлял войну иностранному государству, то каждый пан был волен участвовать или не участвовать в ней. Несколько раз в XVI–XVIII веках польский сейм объявлял, что Речь Посполитая нейтральна, это, мол, польский король ведет свою частную войну.

На каком-то «круглом столе» на меня напал важный профессор: «Но ведь поляки часто были и нашими союзниками! Например, в Северной войне 1700–1721 гг.». Увы, сей профессор не в ладах с историей, а главное, не знает, что такое панство. Действительно, польский король Август I Сильный склонил Петра I к войне со шведами и заключил с царем союз. Август объявил войну Карлу XII, зато польский сенат объявил о нейтралитете Речи Посполитой в Северной войне. Об этом глава польской католической церкви примас Радзеевский уведомил письмом короля Карла XII.

Что же касается панов, то у них шла своя война. Воевода Григорий Огинский поссорился с великим литовским гетманом Сапегой. По сему поводу витебский Каштелян Коцел образовал конфедерацию, которая объявила войну Сапеге. У панов – свои разборки, а тут король некстати полез со шведской войной.

Карл XII в свою очередь предложил примасу Радзеевскому... выбрать нового короля. Поляки выбрали королем познаньского воеводу Станислава Лещинского. Ну а дальше почти 20 лет каждый пан выбирал сам, за кого ему воевать – за короля Августа или за короля Стася, ну а большинство панства воевали и грабили друг друга.

Причем достойные паны по много раз меняли себе противников. Так, гетман Синявский, сторонник Августа, писал Меншикову, что, мол, он не такой, как другие, что если и перейдет на сторону шведов, то обязательно предупредит русских заранее.

Только не подумайте, что Северная война была исключением. Так было... всегда. В 1655 г. шведские войска двинулись через Бранденбург в Великую Польшу. Вместе со шведами шел и коронный подканцлер Иероним Радзивилл. Навстречу шведам вышла польская армия под командованием воевод познаньского Христофера Опалинского и каминского Карла Гудзинского. Поляки имели серьезный перевес в людях и более удачную позицию. Но до битвы не дошло – оба воеводы договорились со шведским командованием. Соответственно, Познаньское и Каминское воеводства получили ряд привилегий.

Другая шведская армия под командованием генерала Понтуса де ля Гарде вторглась в Литву у Лифляндии. Что же сделали братья Радзивиллы – великий гетман Януш и великий конюший Богуслав? Рванулись в бой за отчизну и веру католическую против злодеев лютеран? Нет, подписали унию Литвы со Швецией.

Позже польский писатель Сенкевич назвал эту эпоху в истории Речи Посполитой «Потопом». Замечу, что в те же годы значительная часть литовской шляхты перешла на сторону царя Алексея Михайловича.

Мне до сих пор не удалось встретить ни одного случая, чтобы польские короли в XVII–XVIII веках казнили хоть одного знатного пана за участие в войне на стороне иностранного государства. Знатных панов за сотрудничество с иноземцами начали казнить лишь с конца XVIII века в ходе восстаний против «русских поработителей».

Советская пропаганда, а сейчас либеральные СМИ утверждают, что во Второй мировой войне Польша была союзницей СССР. На самом же деле произошло то же, что и в Северную войну 1700–1721 гг. В сентябре 1939 г. польская армия разбежалась при виде частей Красной Армии. Зато польские отряды (а они насчитывали десятки тысяч человек, позже объединившихся в Армию Крайову) с конца 1939 г. по 1947 г. воевали с советскими войсками. Ну а другая часть поляков Войска Польского в 1943 г. – начале 1945 г. была нашими союзниками и честно сражалась с вермахтом, ну а в 1945–1947 гг. тоже во взаимодействии с нашими частями дралась с недобитыми «аковцами» и украинскими националистами.

Каждый пан мог объявить войну соседнему государству, даже если Речь Посполитая имела «вечный мир» с соседом. Вот, к примеру, в конце XVI века семейство Вишневецких захватило довольно большие территории вдоль обоих берегов реки Сули в Заднепровье. В 1590 г. польский сейм признал законными приобретения Вишневецких, но московское правительство часть земель считало своими. Между Польшей и Россией был «вечный» мир, но Вишневецкий плевал равно как на Краков, так и на Москву, продолжая захват спорных земель. Самые крупные инциденты случились на Северщине, из-за городков Прилуки и Сиетино. Московское правительство утверждало, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Сиетино городище освоивают». В конце концов в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убитые и раненые.

А вот «частная война» Юрия Мнишека. В нашу историю и литературу Юрий Мнишек вошел надменным, гордым аристократом, а его дочь

Марина – еще более гордой красавицей, выдавшей у своих ног «и рыцарей, и графов благородных». Реальная же Марина Мнишек имела мало общего с героиней пушкинского «Бориса Годунова». Начну с того, что она была, вопреки Пушкину, не «польской девой», а чешкой по отцовской линии. Ее дед Николай Мнишек переехал в Польшу из Моравии около 1525 года.

Николай Мнишек выгодно женился на Барбаре Каменецкой – дочери санокского каштеляна, и тем самым породнился с одной из аристократических фамилий Польши. Это открыло ему доступ к самым высшим должностям в государстве. Вскоре он получил звание великого коронного подкормия. Умер Николай в 1553 г., оставив троих сыновей – Яна, Юрия (Ежи) и Николая.

Юрию удалось войти в круг друзей Казимира – сына короля Сигизмунда Старого. В 1547 г. король тайно венчается со своей любовницей Барбарой Радзивилл. А в декабре 1550 г. Барбара становится польской королевой.

Старая же королева в знак протеста со всем своим двором уезжает в Италию. Но ее придворный аптекарь итальянец Монти остался. Он подмешал яд молодой королеве, и в мае 1551 г. цветущая красавица умирает.

Отчаяние и горе короля были безмерными. И тут-то Юрий Мнишек устраивает королю несколько инсценировок с вызовом духа усопшей. Роль Барбары играла искусно загримированная девица. Ну а затем Мнишек стал поставлять Сигизмунду II просто веселых девиц, а также «средства для возбуждения».

В 1572 г. Сигизмунд скоропостижно скончался в Книшинском замке в Литве. Сопровождавшие его Юрий и Ян Мнишеки немедленно прибрали к рукам все имущество покойного. В ночь после кончины Сигизмунда они отправили из замка несколько плотно набитых сундуков. В результате этого в замке не нашлось даже одежды, чтобы достойно облачить державного покойника.

Этот скандал наделал такого шума, что на ближайшем сейме были возбуждены публичные прения по этому вопросу. Но порядочному пану плевать и на сейм, и на суд. Мнишки остались по-прежнему богаты, важны и также презираемы.

Об отношении к Мнишкам шляхты свидетельствуют слова Камалии Радзивилл, обращенные к ее внуку: «Дети приличных людей не играют с детьми воров и проституток».

Семейству Мнишеков были чужды религиозные предрассудки. Муж одной из сестер Юрия – Фирлей – был кальвинист. Другая сестра Мнишка

вышла замуж за арианина Стадницкого. Сам Юрий Мнишек женился на Ядвиге Тарло, отец и братья которой были также ариане.

Проматавший большую часть состояния Юрий Мнишек был готов сплавить дочь кому угодно. Нетрудно догадаться, что самозванца с энтузиазмом встретили как Юрий, так и Марина. Я затрудняюсь ответить, кому больше был выгоден союз – Лжедмитрию или Мнишкам.

Лакмусовой бумажкой в романе самозванца с Мариной могут быть все брачные договоры, заключенные Мнишками с самозванцем. Одуревшие от жадности Юрий и Марина требовали много, а Григорий покорно на все соглашался. При этом он прекрасно знал, что выполнение хоть половины условий Мнишков стоило бы головы не только ему, но и самому законному московскому царю, тому же Федору Иоанновичу или даже Ивану Грозному.

Дальнейшее общеизвестно. Юрий собрал для самозванца частную армию в 1600 человек и отправился завоевывать Русское государство. Наши историки старательно замалчивают тот факт, что первые 5 лет Смуты войну в Московском государстве вела не королевская армия, а частные армии Мнишека, Сапеги, Лисовского и т. п.

«Речь Посполитая» буквально переводится как «власть народа», то есть республика. Какой же народ правил в сей республике?

«В Польше искони веков толковали о вольности и равенстве, которыми на деле не пользовался никто, только богатые паны были совершенно независимы от всех властей, но это была не вольность, а своеволие. Даже порядочная и достаточная шляхта должна была придерживаться какой-нибудь партии, т. е. быть под властью какого-нибудь беспокойного магната, а мелкая шляхта, буйная и непросвещенная, находилась всегда в полной зависимости у каждого, кто кормил и поил ее, и даже поступала в самые низкие должности у панов и богатой шляхты, и терпеливо переносила побои, – с тем условием, чтобы быть битым не на голой земле, а на ковре, презирая, однако ж, из глупой гордости, занятие торговлей и ремеслами, как неприличное шляхетскому званию. Поселяне были вообще угнетены, а в Литве и Белороссии положение их было гораздо хуже негров»^[137] – таков ответ шляхтича Булгарина.

Я уточню – «вольности» были привилегией лишь магнатов. Что мог позволить себе богатый пан? Всё! Да, да, я вовсе не преувеличиваю. Пан, разумеется, католик, мог делать все, что угодно. Например, русский боярин и при Иване Грозном не мог убить своего холопа, а в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года за это ему светили суровые статьи. А вот пан мог крестьянина повесить, посадить на кол, подвесить на крюке за ребро, короче, делать все, на что у него хватит фантазии.

За реальные и мнимые грехи мужика паны в XV–XVIII веках садистски расправлялись с их женами и детьми. Так, любимой забавой шляхтичей было резать женщинам «сосцы» (груды). А.С. Пушкин цитировал документ XVII века: «Казнь она была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрасило бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу, но сии, ничего им не отвечая, молились Богу по своей вере. Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями. Гетман Острица, обозный генерал Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндич были колесованы, и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; Чуприна, Околович, Сокальский, Минович и Ворожбит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполняли воздух воплями и рыданием; скоро замолкли. Женам сим, по невероятному тогдашнему зверству, обрезавши груди, перерубили их до одной, а сосцами их били мужей, в живых еще бывших, по лицам их, оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Они между прочим несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сжигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самих отцов лютейшим казням^[138]

А вот деловой документ – донесение царю белгородского воеводы: «Их [казаков – А.Ш.] крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»^[139].

Патологическая жестокость польских панов несколько не мешала им твердить на весь мир о варварстве московитов.

В России смертная казнь была отменена в 1741 г. императрицей

Елизаветой Петровной. Екатерина II ввела смертную казнь, но число казней можно пересчитать по пальцам. А вот квалифицированной казни с 1741 г. в «варварской» России не было ни одной.

Замечу, что в Европе виновных в столь зверских убийствах, какие творили просвещенные паны, уже в XIX веке до суда отправляли на психологическую экспертизу. Ну а сейчас, в XXI веке, паны-садисты – герои польского эпоса.

Несколько слов стоит сказать и о терминологии. Так, литовский историк Гудавичюс утверждает, что в Великом княжестве Литовском во второй четверти XV века крупных землевладельцев «стали на польский манер называть панами... В первой половине XVI в. русско-литовский термин “bajoras” (обозначавший и вотчинное наследство, и служилую знать) стал вытесняться соответствующим польским термином “szlachta”»^[140].

Хорошей иллюстрацией жизни панов в Великом княжестве Литовском может служить жизнь князя Андрея Курбского после его бегства в 1564 г. от Ивана IV.

Король Сигизмунд-Август щедро одарил Курбского землями: в Литве он получил староство Кревское (позднее в составе Виленской губернии), на Волыни – город Ковель, местечки Вижду и Миляновичи с десятками сел. Сперва все эти поместья были пожалованы Курбскому в пожизненное владение, но впоследствии «за добрую, цнотливую [доблестную], верную, мужнюю службу» они были утверждены за Курбским на правах наследственной собственности. В Польше и Литве Андрея Курбского величали князем Ковельским. Любопытно, что фамилия Курбский в документах Великого княжества Литовского пишется как Крупский. Сам же Андрей Михайлович называл себя князем Ярославским.

Говоря о жизни Курбского в Литве, я не буду останавливаться на его знаменитой переписке с Иваном Грозным, поскольку она выходит за рамки нашего повествования, а желающих отошлю к моей книге «Дипломатия и войны русский князей. От Рюрика до Ивана Грозного» (М.: «Вече», 2006).

Для нас гораздо важнее среда, в которую попал русский князь. Увы, там он не заметил «сформировавшихся белорусской и украинской народностей». Совковые профессора с Ленинских гор в середине XX века это видели, а Курбский – нет. Он нашел для себя новое поприще – борьбу за чистоту православия в условиях религиозного плюрализма Великого княжества Литовского. В 70-е годы XVI века в его имении Миляновичи под Ковелем сформировался своего рода книжный центр, где создавались, переводились и переписывались разные сочинения, но в первую очередь –

классика православной литературы. В него до 1575 г. входил шляхтич Амброджий, затем М.А. Оболенский, а после его смерти в 1577 г. – Станислав Войшевский.

По словам самого Курбского, идея создания такого кружка возникла у него в беседах с духовным учителем старцем Артемием, бежавшим из России из-за угрозы репрессий по обвинению в ереси.

Курбского окружали русские люди, хотя они и числились литовскими шляхтичами, и воевали под знаменами польского короля.

Учился ли Курбский белорусскому и украинскому языкам? Да он попросту и не знал о таковых.

А вот в 1566 г. из Москвы в Литву уехал знаменитый «первопечатник» Иван Федоров. Он приезжает в Западную Белоруссию и на Западную Украину и начинает печатать русским шрифтом те же книги, что и печатал в Москве. Тот же русский шрифт, тот же русский язык – не знал бедный Федоров, что в Заблудове и Львове уже кончался второй этап белоруссизации и украинизации.

Между прочим, русский шрифт, которым Иван Федоров начал печатать книги в Москве, не был его изобретением. В 1491 г. немецкий студент Рудольф Борсдорф изготовил по заказу краковского печатника Швайпольта Филя «русский шрифт». В том же 1491 году и вышли две первые печатные книги на русском языке – «Осмогласник» и «Часослов». Они распространялись как в Великом княжестве Литовском, так и в Великом княжестве Московском.

Встречались ли в Литве Курбский и Федоров? Документальных свидетельств об этом не сохранилось. Однако с учетом их длительной литературной и просветительной деятельности они попросту не могли не встречаться. Я уж не говорю, что интеллигентная прослойка в русской Литве была очень тонка. Кстати, тот же Немировский утверждает, что «Курбский и Иван Федоров знали друг друга еще в Москве... Не исключено, что именно Курбский рекомендовал князю Острожскому пригласить к себе Ивана Федорова. Он принимал определенное участие и в подготовке к печати Острожской Библии»^[141].

В 1574 г. в Львове Иван Федоров печатает «Азбуку». Чью азбуку? Понятно, что русскую! Заметим, что якобы украинское слово «друкарня» тогда равно использовалось в Москве, Минске и Львове. А чуждым русскому языку словом «типография» мы обязаны Петру I и любимым им немцам.

В 1561 г. монах Исаия из города Каменец Польский отправился в Москву за оригиналами книг на русском языке, чтобы печатать их «слово в

слово»: «...в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому, да и русскому московскому»^[142].

Не я, а монах Исаия, князья, шляхтичи и попы XVI века твердят нам одно и то же: в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском был один народ – русский, а у советских ученых и щирых самостийников в ушах бананы застряли.

Другой вопрос, что во Львове и на Волыни в русский язык в конце XVI века начинают проникать полонизмы. «Как поляки в свой язык намешали слов латинских, которые тоже и простые люди по привычке употребляют, так же и Русь в свой язык намешали слов польских и оные употребляют», – писал анонимный автор «Перестороги» – антиуниатского полемического произведения, написанного в Малороссии в 1605–1606 гг.

Надо ли говорить, что князь Курбский решительно выступил против полонизмов в русском языке и в пылу полемики назвал польский язык «польской барбарбарией».

Точно также язык москвичей обогащался десятками татарских слов. Тем не менее в XV веке речь москвичей гораздо больше отличалась от языка новгородцев, чем, скажем, от языка жителей Смоленска – подданных Великого княжества Литовского.

Итак, русское дворянство в Литве оставалось верно русскому языку и православной вере. Зато нравы польской шляхты русское дворянство, как католики так и православные, воспринимали в полном объеме. У ляхов были законы, но их шляхта жила по понятиям, и главным арбитром в спорах была сабля.

Князь Курбский как владелец Ковеля был буквально принужден вести малые войны с соседями-шляхтичами, как католиками так и православными. Увы, я не преувеличиваю. Историки обнаружили в польских архивах документы о десятках «междусобойчиков» с участием Андрея Ярославского, как именовал себя Курбский в изгнании. Май 1566 г. – вооруженные столкновения с частной армией Александра Федоровича Чарторийского. В августе того же года – конфликт с владельцами местечек Донневичи и Михилевичи. Ноябрь 1567 г. – стычки с вооруженной челядью семейства сендомирского каштеляна Станислава Матеевского. В конце 1569 г. – боестолкновения с частной армией Матвея Рудомина, много убитых и раненых. В августе 1570 г. «малая война» (по выражению историка И. Ауэрбаха) с князем Андреем Вишневецким за передел границ имений. Вооруженные пограничные столкновения между дружинниками Курбского и частной армией Вишневецкого происходили в

феврале 1572 г., в августе 1575 г.

Надо ли доказывать, что боярин князь Рюрикович не только при Иване Грозном, но и при Федоре Иоанновиче, Борисе Годунове и Алексее Михайловиче не имел возможности столь свободно заниматься публицистической деятельностью, как Андрей Курбский в Невеле. Зато любая пограничная стычка служилых князей в Московии была поводом вызова их на царский суд и расправу в Москву.

Формально и в Речи Посполитой имелись суды, которые должны были судить шляхту. Но подавляющее большинство панов «плевали на них с высокой колокольни». Даже наш «эмигрант» Андрей Курбский быстро сориентировался и стал игнорировать судебные решения. Мало того, публичное издевательство над польской фемидой в XVII–XVIII веках стало модным. Так, некий пан Самуил Лящ (Лащ) за убийство шляхтичей, изнасилование их жен и дочерей, захваты имений был приговорен польскими судами 236 раз к баниции (изгнание из страны) и 37 раз к инфамии (лишении чести). Приговоры тогда писали на пергаменте. Не лишенный юмора пан Лящ собрал приговоры и велел сшить из них себе кафтан. В оном кафтане Лящ появился в Кракове на балу у короля и даже сетовал дамам, что-де кафтан у него коротковат.

Глава 20

Полонизация дворянства Малой и Белой Руси

Когда Екатерина Великая присоединила к России Белоруссию и правобережную Малороссию, то она с удивлением обнаружила там хлопков – православных и униатов, говорящих на диалектах русского языка, и дворян – исключительно поляков-католиков. А куда же делись тысячи русских дворян? Может, поляки поголовно всех вырезали? Увы, никакой резни не было. Поляки и заезжие иезуиты соблазнили русское дворянство, и за первую половину XVII века русские князья, бояре и дворяне полонизировались на 98 процентов.

Почему же это произошло? Тут, несомненно, сыграли роль и притеснения православных дворян, проводимые польскими властями, а главное то, что ляхи предложили просвещение, политическую свободу, вольности обычаев и нравов. Не последнюю роль сыграл и секс.

Рассмотрим все по порядку. С притеснениями православной шляхты все понятно – запрет на занятие многих должностей, препятствия в карьере тем, кто служил королю или в выборных органах, лишение ряда привилегий, данных католической шляхте, дополнительные налоги и подати, и т. д.

Замечу, что речь идет не только о «мрачном средневековье». В октябре 1766 г. на сейме глава польской католической церкви епископ Солтык официально заявил, что «религиозная разность вредна для государства, и потому он ни за что не даст своего согласия на такое нечестивое дело, как расширение диссидентских прав. “Если бы я увидел отворенные для диссидентов [т. е. православных – А.Ш.] двери в сенат, избу посольскую, в трибуналы, то заслонил бы я им эти двери собственным телом, пусть бы стоптали меня. Если бы я увидел место, приготовленное для постройки иноверного храма, то лег бы на это место, пусть бы на моей голове заложили краеугольный камень здания”»^[143].

Ну а теперь от системы принуждения перейдем к методам совращения дворянства. Начнем с просвещения. Культурный уровень домонгольской Руси был намного выше, чем в Польше. Речь идет и о просвещении, и о литературе. Замечу, что первые польские литературные произведения

относятся ко второй половине XIII века.

Однако татаро-монгольское нашествие, а также культурная и экономическая блокада Руси, осуществленная на севере – шведами, на западе – поляками, а на юге – татарами, а позже – турками, существенно замедлила развитие науки и искусства в Московском государстве. Замечу, что немалую роль в этой блокаде сыграл и Рим. До нас дошло множество папских булл (посланий) к шведам, ганзейцам и полякам с призывами не пропускать из западных стран к схизматикам товары, книги, мастеров и ученых.

Конец XV и XVI века в Западной Европе – время Великих географических открытий, эпоха Возрождения в искусстве и резкий скачок в науке и технике. Все западные новшества свободно попадали в Речь Посполитую и с огромным трудом – в Московию.

Еще в 1400 г. в Кракове был открыт университет (академия). При короле Стефане Батории просвещение в Речи Посполитой оказывается в руках иезуитов. Отцы-иезуиты в 1570 г. открывают в Вильно коллегию (школу), которая в 1578 г. королевским указом была преобразована в университет (академию) и уравнена в правах с Краковским университетом.

Замечу, что против этого преобразования категорически выступали высшие должностные лица Великого княжества Литовского – канцлер Николай Радзивилл Рыжий (кальвинист) и вице-канцлер Евстафий Волович (православный). Они-то прекрасно понимали, что цели иезуитов – не просвещение польского юношества, а насаждение католической реакции.

В 1579 г. иезуиты основали коллегию в Полоцке, а в 1582 г. – в Риге.

Иезуиты «всецело захватили воспитание юношества в свои руки. Им давали своих детей не только католики, но и «разноверцы», в том числе и православные, а они делали их горячими приверженцами латинства, преданными и послушными своими слугами. Под влиянием иезуитов знатные диссидентские и православные фамилии начали быстро переходить в лоно католической церкви. Как легко и быстро в первой половине XVI века польско-литовские паны принимали реформацию, так теперь легко они обращались к Риму и оставляли свои протестантские воззрения. Католическая реакция росла все больше и больше; католичество усиливалось и торжествовало над своими врагами»^[144].

Православному священнику Беднову вторит еврейский историк Илья Левит: «Но с конца XVI века православное дворянство стало исчезать, особенно быстро этот процесс пошел в первой половине XVII века. Это явление связывают с деятельностью иезуитов. С конца XVI века знаменитый орден начинает активно действовать в Речи Посполитой.

Целью иезуитов было вернуть в католичество протестантов (их в то время развелось довольно много) и распространить свет католической веры на православных. Для этого они, за редким исключением, не употребляли насилия... Их главным оружием стали школы (как и в других странах). В православных районах иезуиты основали десятки школ, а в Вильнюсе даже университет. Школы их имели два достоинства. Во-первых, они были бесплатными. Получая щедрое пожертвование во всем мире, орден мог не брать регулярной платы за учебу. (Родители, если хотели, могли приносить добровольные дары деньгами или продуктами). Для небогатой шляхты это было важно. Во-вторых, иезуитские школы по тому времени были бесспорно хороши, что признавал даже враг иезуитов и большой знаток тогдашней педагогики Ян Амос Каменский. Из этих школ люди выходили прилично образованными. Особенно ценилось знание латыни. Это тогда был признак культурного человека, как, скажем, в XIX веке – знание французского языка»^[145].

А вот мнение поляка Фаддея Булгарина: «Почти вся Литва и лучшее Литовское шляхетство было православного греческого исповедания; но когда не только православных, но даже униатов отдалили от занятия всех важных мест в государстве, и стали принимать в католическую веру знатную православную шляхту – пожалованием старост, ленных и амфитеугических имений, и когда в присутственные места, в школы и в дворянские дела вообще ввели польский язык, все литовское шляхетство мало-помалу перешло к католицизму. При Сигизмунде III и наша фамилия перешла в католическую веру, и получила несколько имений под различными титулами...

Итак, первая и главная, а лучше сказать, единственная радикальная причина упадка Польши была власть иезуитов, истребивших истинное просвещение и укоренивших в умах нетерпимость. Вторая причина, следствие первой, была слабое правление избирательных королей (после Ягеллонова рода), а особенно последних королей Саксонского дома»^[146].

В коллегиях или университетах юные русские шляхтичи оказывались в окружении толпы сверстников, в совершенстве овладевших польским языком, познакомились с родней однокашников-католиков.

Юные польки были куда более раскованны и фривольны, чем православные шляхтянки. В итоге повсеместно заключались смешанные браки, причем венчание обязательно проводилось по католическому обряду, и жениху приходилось переходить в латинскую веру.

Главное, что иезуитские коллегии и университеты прививали

презрение к православным людям – как к холопам, так и к дворянам и попам. Во врата коллегии входили православные юноши, а выходили католики, считавшие всех православных невежественными схизматиками.

Секс был не последним аргументом в свращении русского дворянства. Ведь в сексуальном отношении нравы православных русских в XIV–XVI веках, как в Московском государстве так и в Великом княжестве Литовском, были более чем суровы. Хотите, называйте это целомудрием, хотите – ханжеством или сексофобией, суть от этого не меняется.

Дабы избежать поношений со стороны квасных патриотов, я приведу обширные цитаты из официального источника – журнала «Родина», учредителями которого являются Правительство РФ и Администрация Президента РФ.

«Любые формы интимных контактов воспринимались как блуд. Не был исключением и секс между супругами. Любое начало интимной жизни рассматривалось как растление души и тела, понижение нравственного состояния человека. Приведем типичные примеры начала исповедного чина. “Как чадо и братие, впервые растил девство свое и чистоту телесную осквернил, с законною женою или с чужою”. “Как в первых растлил девство свое: блудом ли или с законною женою, ибо блуд бывает всякий” (Вопрос мужам и отрокам / «А се грехи злые смертные...». Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России. Документы и исследования. М., 1999. С. 62, 63)...

Священнослужители допускали секс в браке как единственно возможное средство продолжения рода – любое проявление чувственности, не имеющее своей целью воспроизведение потомства, строго осуждалось. Количество сексуальных контактов стремились ограничить. Если бы русский человек соблюдал все церковные предписания, то он не мог бы заниматься сексом более пяти раз в месяц. Причем иметь больше одного интимного контакта за ночь также признавалось достаточно серьезным грехом»^[147].

У православных в XIV–XVI веках жены не имели права участвовать в пирах и званых обедах.

Ну а у поляков женщины еще в XIV веке пользовались большой свободой. Так, польский историк XIX века Кароль Шайноха писал, что «жена была любовницей, другом, “благодарным и милым другом, драгоценностью, главой короны”, пишет Лозиньский. В XVI–XVIII вв. существовало много эротизма в литературе, порнография распространялась в частных рукописях. Спали обнаженными, лишь позже стали надевать ночные рубашки. Были известны многочисленные возбуждающие средства,

злоупотребление которыми приводило к плачевным результатам. Например, гетман Конецпольский “умер через несколько недель после женитьбы от стимулятора, который он употреблял ради молодой жены”.

В XVIII в. при дворе последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа, а также при многочисленных дворах аристократии обычаи обрели далеко идущую свободу. Ролле отмечает, что, например, при дворе киевского воеводы “продолжался непрерывный банкет, на котором не было недостатка в женщинах... тот, кто хотел, играл в идиллию – уходил в отдаленные комнаты, освещенные алебастровыми лампами, бросающими полусвет... Расставленные в них апельсиновые и лимонные деревья, беседки, оплетенные плющом, удобные сиденья, хотя и выполненные в миниатюре, создавали удобную обстановку для воркующей пары”.

Женщины появлялись в прозрачных, легких одеждах. Нарядные и остроумные, а вместе с тем злые, вмешивающиеся в политику, они легко завязывали романы с дипломатами соседних государств. Возмущенный Китович восклицал: “До сих пор польские дамы не вмешивались в общественные дела, сегодня они подражают французским женщинам... Женщины становятся депутатами сейма... целые сессии просиживают на крыльце... делают знаки своим доверенным лицам с помощью губ или мимики, ведут себя, как им хочется”. Широкое распространение получили измены, разводы, сексуальные оргии.

В этот период, пишет Василевский, супружеская верность рассматривалась как оскорбление хорошего тона, девственность как аномалия, голубая гетера как норма. Волна разводов докатилась до мелких аристократов, шляхты, низших слоев. Мода все больше обнажала бюст, колени, не соблюдалась даже видимость скромности. Свобода нравов царила в среде аристократии и связанных с ней кругах шляхты»^[148].

Уже в XVI веке в Польше дамы по французской моде появляются в декольте, из Франции, Германии и Италии поступает эротическая литература и порнографические гравюры.

Понятно, что это не может не привлекать молодых православных русских шляхтичей и особенно шляхтянок. Результат тот же: переход в католичество, смешанные браки и постепенная полная полонизация знатных семейств.

Вот несколько характерных примеров. Начнем с самого знаменитого и богатого польского рода – князей Чарторыхских^[149]. Их в XVIII веке именовали просто Фамилией, подразумевая, что Чарторыхские фактически правят Речью Посполитой.

Они происходили из рода Рюриковичей – боковая ветвь волынских князей. Есть неподтвержденные сведения, что они породнились с Гедиминовичами. Фамилию они получили от родового владения – старого русского города Чарторыска на берегу реки Стирь на Волыни. Впервые город упомянут в летописи под 1100 годом, тогда он был передан князю Давыду Игоревичу. Сейчас это село Старый Чарторыйск.

До 1622 г. ^[150] все князья Чарторыские были православными. А в 1622 г. князь Юрий Иванович перешел в католичество и стал «оказывать сильно покровительство иезуитам». Вместе с ним перешел в католичество и его сын воевода волынский Николай-Юрий. Вторым сыном Юрия Андрей стал монахом Адрианом в ордене бернардинцев. Наконец, сын Николая Казимеж-Фрориан стал архиепископом гродненским, а с 1673 г. – примасом Польши.

Как видим, с переходом в католичество у Чарторыских русские имена менялись на польские. Внуки русского князя Юрия Ивановича говорили только по-польски и считали себя поляками.

А теперь перейдем к еще одному знаменитому польскому аристократическому роду – Вишневецким. Род свой они ведут от Дмитрия (Корибута) ^[151], князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Православными – мало сказать, их в Великом княжестве Литовском и Московском государстве величали «ревнителями православия».

А внук первого князя Вишневецкого староста Черкасский и Каневский Михаил Александрович стал предводителем запорожцев. С некоторой натяжкой его можно назвать «батькой войска запорожского». Именно он построил крепость на острове Малая Хортица. В 1556 г. Дмитрий Вишневецкий предложил передать Ивану Грозному королевские земли – Черкассы, Канев и другие города. Но царь, увлеченный идеей Ливонской войны, не желал ссориться с Польшей и потому предложил лишь самому Дмитрию с дружиной перейти на службу Москве. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму – 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Однако через несколько месяцев князь Дмитрий покидает русскую

службу и основывает новую Сечь на острове Монастырском (сейчас в черте города Днепропетровска).

В 1564 г. князь Дмитрий был взят в плен турками и повешен на крюке за ребро в Стамбуле. В малороссийском эпосе князь стал казаком Байдой. Забавно, что в 1992 г. самостийники переименовали сторожевой корабль погранохраны «Березань», строившийся в Керчи по проекту 1135.1, в «Гетман Байда-Вишневецкий». Замечу, что ни гетманом, ни казаком Дмитрий Иванович никогда не был, и само название сторожевого корабля более чем анекдотично, как, например «Император Невский Александр». Этот корабль должен был стать самым мощным и современным кораблем украинских ВМС. Но, увы, денег не хватило, и в 1994 г. недостроенный «Гетман...» был сдан на металлолом.

А вот племянник «казака Байды» воевода русский Константин Константинович первым в роду Вишневецких в 1595 г. перешел в католичество.

Другой знаменитый представитель рода Вишневецких – Иеремия-Михаил – в 1631 г. в возрасте 19 лет, послу учебы у иезуитов перешел в католичество, за что был проклят своей матерью. Иеремия или, как его звали казаки, Ярёма, стал палачом украинского народа в ходе войны с Богданом Хмельницким. Замечу, что Ярёма первоначально командовал не королевской, а собственной частной армией.

Сын же Ярёмы Михаил-Томсен (1640–1673) в 1669 г. был избран королем Речи Посполитой.

А теперь перейдем к еще более знаменитому польскому аристократическому роду – князьям Острожским.

Острожские – потомки русских галицких и волынских князей, получили прозвище по городу Острогу. Князь Константин Константинович Острожский приютил бежавшего из Москвы первопечатника Ивана Федорова, напечатавшего в Остроге в 1581 г. Острожскую Библию. В конце XVI века князьям Острожским принадлежало 24 города, 10 местечек и более 100 сел и деревень. Острожские решительно поддерживали православную церковь в борьбе с униатами.

Увы, сын Константина Константиновича Иван (1554–1620) после учебы в иезуитской коллегии первым в роду принял католичество и стал называться Янушем.

Дочь Януша Анна-Алоиза основала в Остроге иезуитскую коллегию и, изгнав из своих имений 40 православных священников, отдала ксендзам их приходы, а затем вышла замуж за графа Яна Ходкевича – знаменитого польского полководца. Замечу, что русско-литовские дворяне Ходкевичи

несколько столетий были православными, но, в отличие от других русских дворянских родов, во второй половине XVI века перешли в кальвинизм, а уже в начале XVII века – в католичество. Сам Ян Ходкевич получил образование в иезуитской коллегии в Вильно и тоже стал католиком.

Князья Друцкие были Рюриковичами – потомками короля Даниила Галицкого и, соответственно, православными. Так, князь Павел Григорьевич Друцкий-Любецкий в 1617 г. основал в городе Луцке (Западная Украина) православное братство, а его родной брат Иван стал католиком Яном. Сын же Яна Григорьевича, тоже Ян, подался в монахи ордена иезуитов.

Князь Андрей Курбский в Великом княжестве Литовском активно боролся против засилья католиков, но, увы, его потомки после смерти отца перешли в католичество.

В первой четверти XVII века католичество принимают представители знатных русских родов – князья: Януш Заславский, Петр Збаражский, Самуил и Карл Корецкие, Симон Сангушко и т. д. Напомню, что и тысячи простых православных шляхтичей «добровольно-принудительно» перешли в католичество.

Любопытно, что даже герой польского эпоса, романа Генриха Сенкевича и одноименного фильма Ежи Гофмана, снятого в 1969 г., пан Володыевский – реальный исторический персонаж. Звали его не Михал, а Ежи. «Он был просто помешан на идее выгодной женитьбы. История умалчивает, почему бабы долго не интересовались “первой саблей Речи Посполитой”. Осуществить свой “проект” Володыевскому удалось только в сорок два года, покоров сердце некой Кристины Езерковской. К тому времени “роковая женщина” уже успела похоронить трех мужей, унаследовав их имущество. “Маленькому рыцарю” это очень нравилось, так как он смог наконец стать богатым человеком и ротмистром в Каменецкой крепости.

В фильме “Пан Володыевский” пан Михал геройски взрывает крепость, чтобы она не досталась туркам. Но все это брехня – крепость стоит до сих пор. Если не верите, поезжайте в Каменец. А весь “героизм” Володыевского состоит в том, что он дал себя уколошить доброй порции турецкой картечи в тот самый момент, когда уже собирался позорно сдать врагу Каменец. Спаслась только его жена, ничуть не похожая на храбрую Басю Езерковскую из романа Сенкевича – накануне осады она дала деру из крепости, став после смерти очередного мужа рекордсменкой – четырежды вдовой»^[152].

Самое забавное, что пан Володыевский по национальности... русский.

Бедный род волынских дворян Володыевских в начале XVII века раскололся после того, как часть их приняла католичество. Кстати, и в городе Каменец-Подольском «во времена пана Володыевского» русских было раза в 3–4 больше, чем поляков. Другой вопрос, что сейчас в Киеве их обзовут украинцами. Но в Каменец-Подольском были Русские ворота, Русский фольварк и т. д., а вот украинских топонимов – нэма. Стал ротмистром пан Ежи, только набрав три десятка наемников, а деньги на них он как раз получил от панны Езерковской.

Какой-нибудь полонофил попеняет мне: мол, придрался к художественному фильму. Так, пардон, реальный Ежи Володыевский – национальный герой Польши. В честь него устраиваются даже спортивные турниры, как, например, «Сабля Володыевского». О подобном польском эпосе метко выразился тот же Олесь Бузина: «Чем хуже дела, тем ярче сказка о них».

Глава 21

Казачество

Народ, лишенный дворянства, которое, без преувеличения, в XVII веке было элитой большинства государств, и не имевший могущественного купечества и бюргерства, обречен на ассимиляцию другим народом, у которого есть более высокая культура, более влиятельное духовенство и, наконец, административный ресурс.

Бесспорно, что польское влияние сыграло большую роль в формировании диалектов, в административном делении, укладе жизни, менталитете Малой Руси. Но полонизация народа Малой Руси в конце XVI – начале XVII века так и не состоялась.

Причин этому несколько – влияние Московской Руси, нападения крымских татар и турок и появление казачества.

Откуда взялись запорожские казаки? Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы – потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д.И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время, всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаюсь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»^[153].

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV – началу XVI века. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течение Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как не соответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли... местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку. Вспомним о таинственных бродниках, трижды

упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 году, когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В.В. Мавродина: «Бродники – это не тюрки-кочевники. За это говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы – Плоския, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название – берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах»^[154].

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

Показать, что из себя представляли запорожские казаки, нельзя, не сказав пару слов об уникальной природе среднего и нижнего течения Днепра.

Длина всей реки, начинавшейся в Бельском уезде под Смоленском, составляла 2065 верст. Яворницкий писал: «В пределах вольностей запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой – от устья речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения – порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках считалось девять – Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, иначе Дид-порог, Волниговский, иначе Внук-порог, Будиловский, Лишний и Вильный»^[155].

Пороги тянулись на 68 км ниже Екатеринослава (с 1926 г. Днепропетровск). Лишь после постройки Днепрогэса Днепр стал полностью судоходным. А до этого времени, по утверждениям некоторых историков, эти пороги были непроходимы. На самом деле днепровские пороги следует считать условно-проходимыми.

Начну с того, что ладьи на пути «из варяг в греки» свободно проходили в оба конца. Да и дружины киевских князей в IX–XI веках проходили пороги на своих судах. Хотя, возможно, в то время уровень воды в Днепре был выше. Я видел в Киевском историческом музее огромные

рыболовные крючки, а в Москве-реке последнего осетра изловили при Иване III.

В последующие века форсирование порогов происходило с переменным успехом. В 1696 г. во время второго азовского похода Петра I воевода Неплюев с 2500 солдат на 42 больших и 46 малых стругах прошел пороги, хотя и с трудом. В 1737 г. из 300 транспортных судов, отправленных из Брянска к армии Миниха, к Очакову дошли только 96. Связано это было не столько с порогами, сколько с общим разгильдяйством: множество судов было брошено за десятки верст не доходя порогов. В 1787 г., во время знаменитого путешествия Екатерины II, из Киева до Херсона прошли без потерь семь галер и несколько транспортных судов.

Кроме порогов на Днепре было множество заборов. Заборы – те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днепре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Камни, в отличие от забора, торчали то там, то сям посреди реки или у ее берегов. Из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь – Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджолла и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков насчитывалось 265 больших и малых островов.

Д.И. Яворницкий писал: «Почти все береговое пространство Днепра, исключая порожистого, одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих “ні неньки рідненької, ні сестри жалібненької, ни дружини вирненької”, всю родню составляли Сичь да Великий Луг: “Січ –

мати, а Великий Луг – батько, от там треба й умирати”; запорожец в Великом Лугу чувствовал себя что в необозримом море: тут он недоступен был “ні татарину-бусурманину, ні ляху поганому”. Самое русло Днепра нередко загромождено было так называемыми холуями или корчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра»^[156].

В XVII веке, по свидетельству Боплана, в реках и озерах Запорожского края (Псельское и Воскальское, Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др.) водилось множество рыбы и раков. Так, в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали по две тысячи рыб, каждая размером не меньше фута. В Самоткани и смежных с ней озерах водилось такое количество рыбы, что она «от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана казаками святою рекою; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем божьим на земле, а всю землю около реки – землей “дуже гарною, кветнучею и изобилующею”, самый город Самарь – “истинно новым и богатым Иерусалимом”»^[157].

Возникает риторический вопрос – неужели бродники или их потомки покинули эти благословенные края, где было так легко прокормиться, да еще и столь вкусно; где легко можно было спастись от орд кочевников или судовых ратей ляхов и турок?

Первые документальные свидетельства о деятельности казаков на юге России относятся к концу XV века. До этого ни о военной активности, ни вообще о жизни жителей Нижнего Днепра и его притоков ничего не известно.

Однако из византийских, генуэзских и венецианских исторических хроник и деловых документов следует, что с конца XIII до начала XV веков на Черном море активно действовали пираты. Так, венецианским и генуэзским купеческим судам, плававшим в Черном море, запрещалось выходить в море без балистариов – стрелков из арбалетов, аркбаллист и катапульт, а с XV века – и пороховых бомбард. Часто купеческие суда были вынуждены ходить в составе конвоев, охраняемые боевыми галерами.

Правда, в документах упоминаются в основном корсары – подданные Венеции, Генуи или турецкого султана. Это и понятно – было к кому предъявлять претензии, отвечать контрмерами и т. п. Жаловаться на

пиратов, принадлежащих к племенам, не имеющим государственности, бесполезно, и купцы не отражали это в деловых бумагах. Утверждать же, что все население Северного Причерноморья от Дуная до берегов Кавказа не занималось пиратством, поскольку оные племена не упомянуты конкретно в делах о нападениях на купцов, мягко выражаясь, некорректно.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что жители Приднепровья, подобно своим предкам, спускались к Черному морю «добывать зипуны».

По известию летописца XVI века Мартина Бельского в 1489 г., во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном кроля Казимира IV Яном Альбрехтом, впереди литовского войска шли до притока Буга реки Савраны казаки, хорошо знавшие местность Побужья.

Это сообщение можно считать первым официальным сообщением о приднепровских казаках. Я говорю так осторожно, поскольку есть и косвенные сведения. Так, А.В. Стороженко^[158] упоминает о греческой надписи, найденной в Судак (Сугдейская приписка в греческом Синаксаре): «В тот же день (17 мая 1308 г.) скончался раб Божий Альмальчу, сын Самака, увы, молодой человек, заколотый казаками». Тут нам остается лишь гадать, где убили бедолагу Альмальчу – на суше или на море, и был ли тот казак татарин или русским.

В 1508 г. казаки под начальством брацлавского и виленского старосты князя Константина Ивановича Острожского разгромили наголову отряд татар, грабивших пограничные области Литовской Руси. Другая часть казаков под начальством «славного казака Полюса-русака» уничтожила другой отряд татар.

В 1512 г. казаки вместе с поляками участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав Ляндскоронский.

В 1516 г. казаки под начальством атамана Ляндскоронского ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, скота и овец. На обратном пути казаков у озера Овидова под Очаковом настигли турецко-татарские войска. Однако казаки не растерялись и побили басурман.

Так начались знаменитые походы запорожских казаков.

Запорожцы сами, а зачастую с донскими казаками опустошали все побережье Черного моря от Варны до Батума и от окрестностей Стамбула до Крымского побережья. Неоценима роль казаков в борьбе с Крымским ханством. Основным способом производства ханства был грабеж соседей.

Периодически турецкий султан, начав войну с Персией или в Средиземноморье, просил Гиреев повременить два-три года с нападением на Австрийскую империю, Речь Посполитую или Московское государство. Ну а ханы отвечали по простоте душевной: «А чем же я буду кормить свой народ?»

В свою очередь запорожцы регулярно нападали на кочевья татар в Северном Причерноморье. А когда татары уходили в большие походы на Московию или Речь Посполитую, казаки (запорожцы и донцы) производили один или несколько морских набегов на Крымское побережье, грабили и убивали татарское население^[159].

Ну а о том, что запорожские казаки создавали атмосферу нестабильности и периодически затевали войны в Малой России, мы поговорим позже.

Тут же стоит разобраться с многочисленными мифами, созданными поклонниками и врагами Запорожского войска.

Лично я использую слово «миф» как метку из-за ее краткости. Более точно следует сказать – «пропаганда военного времени». Разумеется, это свойственно не только XVI–XVIII векам. Мы и сейчас, спустя 70 лет, смотрим на Вторую мировую войну на 95 % сквозь призму пропаганды военных лет.

Разумеется, большая часть того, что говорили и говорят о казачестве их ненавистники и казакофилы, – правда. Да, действительно, казаки были крайне жестоки, не щадили ни женщин, ни детей, ни даже православных священников и монахов. Казаки были готовы в любой момент предать союзников – бежать или перейти на сторону врага. А с другой стороны, храбрость, самопожертвование, верность товарищам также были присущи запорожцам. А вот была ли демократия, то есть власть простых казаков в Сечи? Была ли социальная справедливость и равенство среди казачества, и даже были ли запорожцы холостяками – тут еще нам придется разобраться.

Сразу же возникает естественный вопрос: а откуда на Сечи брались запорожцы, поскольку там не было женщин? Главным источником пополнения казачьих рядов был приход добровольцев. Большинство их были уроженцами Малороссии и Великороссии. Но среди запорожцев встречались и поляки, болгары, волохи, татары, турки, евреи, немцы, французы и т. д. В Сечь брали людей всех национальностей, но при выполнении следующих условий: быть вольным и неженатым человеком, говорить по-русски, исповедовать православие и пройти своеобразное «обучение» в Сечи. И, наконец, присягнуть на верность русскому царю. Когда установили последнее условие – не ясно, оно вполне могло

появиться и до 1653 года.

Прошлые грехи кандидатов в казаки не имели никакого значения. Польский сейм в 1590 г. потребовал от Запорожского войска не принимать к себе лишь приговоренных польским судом к смертной казни. Казаки попросту проигнорировали требование ляхов.

С Сечи выдачи не было ни при поляках, ни при русских царях. Так, к примеру, сохранился документ о дезертирстве в Сечь в 1735 г. пяти солдат Ревельского драгунского полка, на конях и с вооружением. Сечь их проглотила и «не нашла», когда этого потребовало русское правительство.

Казаки не требовали никаких подтверждений условий приема в Сечь. Заявит хлопец, что хочет – ему верят; правильно перекрестится – ему опять верят и т. д.

Крайне важным является вопрос, на каком же языке говорили запорожцы? Тот же Яворницкий в «Истории запорожских казаков» утверждает, что они говорили на «малорусской речи»^[160]. Но, увы, ни в одном из трех томов обширной монографии не приведено подтверждение этому. Современные же украинские ученые вообще считают, что казаки говорили по-украински.

Истину каждый читатель может установить сам, прочитав грамоты запорожских казаков XVI–XVIII веков. Я сам читаю их свободно, но современный украинский «новояз» абсолютно не понимаю.

Образованная часть казацкой верхушки в XVI–XVIII веках училась по тем же грамматикам, что и Михайло Ломоносов в Москве. Все православные книги были написаны на одном и том же языке.

В XVI–XVII веках десятки тысяч малороссов бежали от ляхов на восток в Россию, и у них никогда не возникло проблем с языковым барьером.

Тысячи запорожских казаков периодически жили на Дону и, наоборот, донские казаки жилали в Сечи, и тоже никому и никогда не требовалось толмача. Естественно, на Днепре и на Дону были свои сленги, но говорить о разности языков не приходится.

Формально Запорожская Сечь никогда не была независимым гособразованием. Это «государство» (а точнее – автономия) официально называлось «Войско Запорожское Его Королевской милости» при патронате польского короля или «Войско Их Царского Пресветлого Величества Запорожское» при московских царях, или «Войско Их Царского Пресветлого Величества Запорожское обеих сторон Днепра» при царе Петре I.

Фактически же запорожцы жили, вели дипломатические сношения с

соседями, нападали на них и т. д. исключительно «по понятиям».

Так что земли Войска запорожского в XVI–XVIII веках в какой-то степени можно считать нейтральной территорией между Речью Посполитой или Россией и владениями татар и турок, а еще короче – неконтролируемой окраиной.

Сами запорожцы уже в XVI веке создали миф о равноправии и братстве всех запорожских казаков и старались поддерживать его в последующие века. Да, чисто формально все казаки были равны. Выборы атаманов и гетманов действительно были более демократичнее, чем сейчас наши президентские и думские выборы. Однако реальная власть, большей частью скрытная, находилась в руках «знатных старых» казаков.

Древние мифы запорожского казачества крайне пригодились в XX веке как советским, так и националистическим историкам. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года. Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Вот, к примеру, идеалистическое описание историка XIX века Яворницкого: «войдя в курень, казаки находили кушанья уже налитыми в “ваганки” или небольшие деревянные корыта и расставленные по краям стола, а около “ваганков” разные напитки – горилку, мед, пиво, брагу, наливку – в больших деревянных “кановках”. При этом чарки запорожцев, по словам Яварницкого, были такие, “що и собака не перескоче”....

А о жизни в зимовниках, Яворницкий пишет так: “большую часть продукции собственник зимовника, из присущего ему чувства товарищества, отправлял в Сечь, на потребности сечевых казаков и лишь незначительную долю оставлял себе. Всех, проезжающих людей хозяин зимовника приглашал садиться и предлагал разные угощения – напитки и кушанья. Погуляв весело и довольно несколько дней, гости благодарили ласкового хозяина за угощение, хлопцы подавали им накормленных лошадей, и сечевики, вскочив на коней, уносились от зимовника”. (История Запорожск. ч. 1, стр. 295)»^[161].

На самом деле крестьяне или даже солдаты, пришедшие в Сечь, в большинстве случаев попадали «в чрезвычайно тяжелое положение, нередко более тяжелое, чем было там, откуда они бежали. Если они решали остаться в курене, то должны были жить в казармах, нести тяжелую гарнизонную службу и исполнять разные хозяйственные работы, не

получая за это никакого вознаграждения, кроме более чем скудного пропитания, состоящего, в главном, из “саламахи”, которая “варилась густо из ржаной муки на квасе или рыбной ухе”, как описывает очевидец С. Мышецкий. Все остальное добавлялось на “собственные деньги”, добыть которые было не легко. Деньги добывались только в результате походов и связанных с ними грабежей или путем найма за деньги к зажиточным казакам и старшине, которые, на правах собственности, владели хуторами-зимовниками, нередко несколькими»^[162].

Несладко было и семейным казакам. Им разрешалось жить только вблизи Сечи по балкам, луговинам, берегам рек, лиманов и озер, где появлялись или целые слободы, или отдельные зимовники и хутора. Жившие в них казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей, ремеслами и промыслами и потому назывались не «лыцарями» и «товарищами», а подданными или посполитыми сичевых казаков, «зимовчиками», «сиднями», «гнездюками».

Все националистические историки – Яворницкий, Грушевский и др. – старательно обходят вопрос об эксплуатации сечевиками «зимовчиков». Запорожцы никогда не вели финансовой отчетности, и привести какие-либо цифры невозможно. Но то, что «зимовчики» кормили сечевиков, не поддается сомнению.

«Официально зимовные козаки назывались сиднями или гнездюками, в насмешку – баболюбами и гречкосиями; они составляли поспильство, т. е. подданное сословие собственно сичевых Козаков. Турки называли запорожцев, живших хуторами на границе между Запорожьем и владением Оттоманской империи, почему-то именем “черун”. Гнездюки призывались на войну только в исключительных случаях, по особому выстрелу из пушки в Сичи или по зову особых гонцов-машталиров от кошевого атамана, и в таком случае, несмотря на то, что были женаты, обязаны были нести воинскую службу беспрекословно; в силу этого каждому женатому козаку вменялось в обязанность иметь у себя ружье, копье и “прочую козачью сбрую”, а также непременно являться в Кош “для взятъя на козацтво войсковых приказов”; кроме воинской службы, они призывались для караулов и кордонов, для починки в Сичи куреней, возведения артиллерийских и других козацких строений. Но главною обязанностью гнездюков было кормить сичевых козаков. Это были в собственном смысле слова запорожские домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ее; разводили лошадей, рогатый скот, овец, заготавливали сено на зимнее время, устраивали пасеки, собирали мед, садили сады, возделывали огороды, охотились на зверей, занимались ловлею рыбы и раков, вели

мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовые станции и т. п. Главную массу всего избытка зимовчане доставляли в Сичь на потребу сичевых Козаков, остальную часть оставляли на пропитание самих себя и своих семейств. Сохранившиеся до нашего времени сичевые архивные акты показывают, что и в каком количестве доставлялось из зимовников в Сичь: так, в 1772 году, 18 сентября, послано было из паланки при Барвенковской-Стенке восемь волов, три быка, две коровы с телятами и т. п...

...Как велико было у запорожских козаков количество лошадей, видно из того, что некоторые из них имели по 700 голов и более... Однажды кошевой атаман Петр Калнишевский продал разом до 14 000 голов лошадей, а у полковника Афанасия Колпака татары, при набеge, увели до 7000 коней...

...В одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было у запорожских козаков и овцеводство: у иного козака было до 4000 даже по 5000 голов овец: «рогатый скот и овцы довольно крупен содержат; шерсти с них снимают один раз и продают в Польшу»^[163].

Может ли один человек без жены и детей, пусть даже не занятый походами и пьянством, обслуживать 700 лошадей или 5000 овец? Понятно, что нет. Кстати, и Яворницкий пишет: «...овечьи стада назывались у запорожских казаков отарами, а пастухи – чабанами»^[164].

То, что они не казаки, ясно из текста. А тогда кто? Тут может быть только два варианта: или рабы, или крепостные, принадлежавшие, скорее всего, богатым сечевикам, а в отдельных случаях работавшие на все Запорожское войско.

Кроме сидней (гнездюков) «на зимовниках было немало работников “без найму” – так назывались работавшие без денег, только за кров и пищу, преимущественно слабосильные, старики, подростки. Из многочисленных, сохранившихся “описей” зимовников, видно, что таковых было до 7 % общего числа рабочих зимовников. Заработать можно было также на рыбных промыслах и в “чумацких” обозах. Как первые, так и вторые вовсе не были артелями равноправных участников, как это утверждают многие историки. Сохранившиеся “расчеты” неопровержимо доказывают, что среди чумаков были и собственники десятков пар телег с наемными “молодиками” и чумаки-одиночки с одной-двумя воловьими запряжками. Такое же смешение было и на рыбных промыслах, где наряду с собственниками сетей (невод стоил тогда до 100 рублей) работали за деньги и “наймиты” или, очень часто, “с половины”, т. е. половина всего

улова шла собственнику сетей, а вторая половина делилась между рабочими, которые в этом случае, не получали никакой денежной платы»^[165].

Нравится нам это или нет, но в сичевом «равноправном братстве» имела место... классовая борьба. Так, «1-го января 1749 г. при выборе должностных лиц “серома” (бедняки) изгнали из Сечи зажиточных казаков, которые разбежались по своим зимовникам, и выбрали свою старшину, из бедняков, с И. Водолагой во главе. Есаулом, по свидетельству производившего расследование секунд-майора Никифорова, был избран казак, “не имевший на себе одежды”. Бунт был скоро усмирён и засевшая в Сечи “серома” (бедняки) капитулировала.

Гораздо большие размеры имел бунт в 1768 г., во время которого взбунтовавшаяся “серома” несколько дней была господином положения и разграбила дома и имущество старшины и зажиточных казаков, бежавших за помощью в “паланки” и к русским, соседним с Запорожьем, гарнизонам. Сам кошевой атаман, как он описывает в своем показании, спасся только благодаря тому, что спрятался на чердак и бежал через дыру в крыше.

Казаками из “паланок” и организовавшейся старшиной и этот бунт был подавлен, а его зачинщики жестоко наказаны. Посланные для усмирения Киевским генерал-губернатором Румянцевым 4 полка не понадобились. В архивах сохранились “описи” разграбленного имущества, поданные пострадавшей старшиной и казаками. “Опись” одного из высших старшин занимает несколько страниц перечислением разграбленного, например, 12 пар сапог новых, кожаных, 11 пар сапог сафьяновых, три шубы, серебряная посуда, 600 локтей полотна, 300 локтей сукна, 20 пудов риса, 10 пудов маслин, 4 пуда фиников, 2 бочки водки и т. д.

“Опись” не занимавшего никакой должности “заможного” (зажиточного) казака, значительно скромнее: одна шуба, два тулупа, 4 кафтана, разное оружие и наличными деньгами (которые не успел унести) 2500 руб. крупной монетой, 75 червонцев и 12 руб. 88 коп. медной монетой. Сумма огромная по тому времени.

Кроме этих двух бунтов немало было и более мелких бунтов в “паланках” и слободах, о чем сохранилось множество документов. Например: в Калмиусской “паланке” в 1754 г., в Великом Луге в 1764 г., в Кодаке в 1761 г. и во многих других местах»^[166].

Разумеется, тут не следует преувеличивать ни те, ни другие моменты – была и казацкая демократия, были и привилегированная старшина.

В ходе ликвидации Запорожской Сечи в июне 1775 г. у кошевого

атамана Калнышевского оказалось «15 880 голов скота, в том числе 639 лошадей. Лошади Калнышевского славились своей породой и стоили от 25 рублей и выше. В этом же году Калнышевский продал татарам 14 000 овец по 2 рубля за штуку. Писарь Глоба имел 13 774 голов скота, старшина Гараджа – 2910 голов, Нагай – 2551»^[167].

Риторический вопрос: о каком равенстве и братстве тут могла идти речь?

Запорожских казаков принято считать ревнителями православной веры. В целом это так, но были и определенные нюансы. Так, в ходе походов в Московское государство или в пределы Речи Посполитой в Малой и Белой Руси запорожцы постоянно грабили и жгли православные церкви и монастыри, убивали попов и монахов. Зато обязательно потом каялись перед своим духовенством, а многие, как минимум сотни казаков, уходили в монастыри, причем большей частью в Россию.

«Духовенство в Запорожье пользовалось добровольными приношениями. В материальном положении оно было поставлено лучше духовенства малороссийского, потому что Запорожцы любили содержать свое духовенство самым приличным образом...

В истории князя Мышецкого прямо говорится, что “Запорожцы при смерти все свое имущество отписывают, бывало, на церковь Сечевую и на монастырь”. – При всем однако ж желании поставить как можно лучше духовенство в материальном положении, Запорожье и по отношению к духовенству сохраняло также выборное начало. Так, подобно всем другим чинам и званиям в Коше, духовные лица могли занимать свою должность только один год. Они присылались исключительно из Киевского Межигорского монастыря – по одному священнику и по два дьякона, или и по несколько человек. Присылаемые вновь духовные лица обыкновенно занимали место прежде бывших, которые возвращались в Межигорский монастырь, впрочем только в том случае, если нравились Запорожцам; но иногда случалось так, что Запорожцы «з ласки войсковой» удерживали прежних духовных лиц и отсылали вновь прибывших. Это называлось переменою звычайною.

Посредством выборного начала и требования беспрекословного исполнения определений старшины и товариства, поставляя духовные лица в зависимость к себе (“духовные чины и сами войсковой старшине повинны бывают и делают все по поведению их, прочие же казаки над ними попечете имеют”), Запорожье стремилось и изъявляло притязания на независимость своей церкви и духовенства от общей русской иерархии, или от митрополита Киевского. Так, когда Киевский митрополит Гедеон в

1686 г. приказал вместо Межигорского монастыря церкви войска Низового Запорожского подчинить своей кафедре, Запорожье так отвечало на это требование: “не будет церковь Божия и наша отлучена от монастыря общежительного Межигорского, пока в Днепре воды и нашего войска Запорожского будет”. “В Сечи 29 Мая 1686 г.”

Мало этого, питая глубокое уважение к церкви и духовенству, кошевое начальство даже и игумену Межигорского монастыря не повиновалось, и главой войсковой своей церкви считало только себя и товариство.

В 1773 г. Кошевой Калишневский считает себя вправе делать выговор игумену Межигорского монастыря за присланного им священника и требует, чтобы отозвал последнего. Он прислал на Запорожье другого иеромонаха, который был бы столь хорошего учения, что мог бы и проповеди говорить. В 1774 г. когда Киевский митрополит Гавриил требовал доставления в консисторию сведений о числе Запорожских церквей, духовенстве, доходах его, грамотах и т. п. кошевой отвечал, что так как церкви Запорожские “искони древних времен ведущимся порядком построены войском, содержатся от оногo, и в главном и совершенном ведоде войска находятся”, – то и не считает нужным занимать этим предметом митрополию»^[168].

Весьма экзотической была и запорожская фемида. Главными преступлениями казаки считали убийство, воровство, неплатеж денег, взятых взаймы, слишком дорогая цена товаров или вина – вопреки постановленной цены, а также гомосексуализм или скотоложство.

Тут сделаю маленькое лирическое отступление. Обычно титулованные авторы солидных исторических книг тщательно обходят вопросы, на которые не могут дать внятных ответов. Но я предпочитаю в этих случаях ответить «не знаю», нежели умалчивать факт или заниматься фантазиями. Например, ответить на вопрос, как уживался гомосексуализм среди запорожцев со строгим наказанием за оное деяние – я не знаю! Равно как не представляю, почему в Северную войну в обеих армиях процветали «голубые», хотя и у русских, и у шведов за это официально полагалась смертная казнь. Мало того, Петр I был бисексуалом (вспомним Алексашку Меншикова и чухонку Марту Трубачеву), а Карл XII вообще был геем «в законе».

Но вернемся к запорожской фемиде. «Убийцу живого кладут в один гроб вместе с убитым и зарывают в землю; освобождается от такой казни разве весьма уважаемый казак, – его всенародно избавляют от смерти и наказывают большим штрафом. За воровство привязывают к столбу, на площади, где держат до тех пор, пока укравший не заплатит всего

украденного; непременно трое суток продержат его на столбе даже и в том случае, если он скоро заплатит за все украденное, а попадавшегося несколько раз в воровстве или вешают, или убивают до смерти. Наказание привязывания к столбу увеличивается потому, что всякий проходящий имеет право не только бранить, но и бить привязанного, сколько кому вздумается. Иногда при этом выходит такая история. Несколько пьяниц, проходя мимо столба, пристанут к привязанному и станут угощать его горелкою; когда же тот не захочет пить, они приговаривают: “Пый, скурвый сыну, злодею! Як не будешь пить, будем скурвого сына быть”. Как скоро тот напьется, пьяницы скажут ему: “Дай же мы, брате, трохи тебе побьем”, и хотя тот просит у них милости, пьяницы, не обращая внимания на его просьбу и мольбу, говорят: “А за щож, скурвый сыну, мы тебя поили? Як тебе треба поить, то треба и бить”, и часто случается, что привязанный к столбу умирает чрез сутки»^[169].

С переходом запорожцев в русское подданство царские власти категорически запретили им приводить в исполнение смертные приговоры. Однако запорожцы игнорировали это, и казни производились до самого разгрома Запорожской Сечи.

Любопытно, что запорожцы чтили древний славянский обычай – приговоренный к смерти должен был быть помилован, если невинная девушка пожелает выйти за него замуж. Правда, иной раз случались и конфузии. Везут приговоренного на лобное место. Вдруг из толпы зрителей выбегает покрытая покрывалом девица, «которая всенародно объявляет свое желание выйти за осужденного замуж. Разумеется, все остановились и замолкли; осужденный требует снять с девицы покрывало, чтобы посмотреть на нее. Взглянул и заговорил: “Ну, когда уже на такой жениться, лучше умереть; ведите меня”. Что и последовало. Происшествие сие было в г. Новомосковске, в тогдашней Запорожской паланке, где некоторые из жителей, помня еще места шибаниц и прочих казней, указывают их любопытным»^[170].

Закончу вопросом, на который у меня также нет четкого ответа: соблюдали ли запорожцы обет безбрачия? Формально – да, если говорить о сечевых. Зимовчики и сидни не в счет. Действительно, по запорожским законом каждый, кто приведет женщину в Сечь, хотя бы и родную сестру, подлежит смертной казни. Но кто мешал богатым казакам в зимовниках и хуторах, где у них находились сотни коней и крупного рогатого скота, содержать еще и гарем?

В середине XIX века Пантелеймон Кулиш записал рассказ старика-

запорожца о былых временах. Среди прочего старик рассказал, как тогдашние «повесы» (брачные аферисты) промышляли тем, что соблазняли девушек, обещая жениться, увозили в Запорожье, а там продавали и возвращались назад за новой жертвой. Укraiнофил Кулиш вставил в текст в скобках [татарам]. Но мне что-то не верится, чтобы в Сечи татарам позволялось скупать к себе в Крым православных девушек. Так что красны девицы жили в гаремах богатых казаков.

Запорожские и малороссийские казаки только в XVII веке увели в плен сотни тысяч женщин из Прибалтики, Крыма и приморских турецких городов. Куда же они делись? Ну, допустим, часть, не более 10 процентов, была продана панам и евреям, а остальных-то поселили если не открыто в местечках, то без огласки по хуторам, да во многих случаях и сочетались законным браком. И в любом случае рождались дети, даже очень много детей!

Я умышленно акцентирую внимание на смешении кровей в Малороссии в XIII–XVIII веках. Вопрос тут не сексуальный и даже не этнографический, а, увы, политический. Мне уже осточертело повсеместно читать мудрые высказывания самостийников, от форумов в Интернете до трудов членов Академии наук, о том, что-де настоящие русские – это укры, а «москалии» – это помесь племен угрофиннов и татар. Риторический вопрос: кого на московском рынке скорее обзовут «черными» – уроженцев Архангельской или Вологодской областей или жителей юга Украины?

Глава 22

Беспредел на польской окраине

Мы пока говорили о запорожских казаках, но казачество в XVI веке возникло и на юге Малой Руси. После принятия Люблинской унии в 1569 г. малороссийские казаки оказались лишним сословием в Речи Посполитой, где доселе существовало лишь три сословия – шляхетское, мещанское и хлопское. Дворяне и слышать не хотели о принятии казаков в их сословие, а идти в хлопы или мещане не хотели сами казаки.

В 1578 г. король Стефан Баторий определил жалованье шести сотням казаков и разрешил им разместить в городе Трахтомирове свой госпиталь и арсенал. За это казаки согласились подчиняться назначенным королем офицерам-дворянам и воздерживаться от самовольных нападений на татар, сильно осложнявших ведение внешней политики Речи Посполитой. По заведенным правилам все шестьсот казаков были занесены в специальный список – реестр. И с тех пор эти зарегистрированные, «реестровые», казаки стали использоваться не только для охраны границ от татар, но и для контроля за «нереестровыми».

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже трех тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в залоге под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

В 1593 г. начинается первое большое казацкое восстание против польских панов. Обратим внимание на повод к восстанию, он будет повторяться и потом.

В конце 80-х годов XVI века польский сейм за успешные действия против турок и татар наградил казацкого гетмана Криштофа Косинского поместьем на реке Рось. По происхождению Косинский был шляхтичем из Полесья, исповедовал православие. Он действительно отличился во многих сражениях и был хорошо известен в Варшаве и Москве.

Однако имение на реке Рось приглянулось белоцерковскому старосте Янушу Острожскому. Как истинному шляхтичу пану Янушу было плевать на какой-то там сейм. Он взял да и захватил силой имение Косинского. Но

тут «нашла коса на камень». 19 декабря 1591 г. отряд реестровых и низовых (запорожских) казаков под руководством Косинского напал на Белоцерковский замок. Замок был взят. Повстанцы захватили несколько пушек и мортир.

Вслед за Белой Церковью Косинский овладел Триполем и Переяславом. Он осадил Киев, но взять его не смог^[171].

Весной 1592 г. восставшие казаки отправились на Волынь и в Подолию и расположились в имении князя Константина Острожского Острополе. Стоя в Острополе, Косинский взял еще несколько городов, принадлежавших князю Острожскому, и опустошил их. Главной задачей Косинского было насаждение везде «казацкого присуда» вместо панского, то есть распространение казацкого суда на шляхту, мещан и селян.

Косинский все лето простоял безбоязненно в Острополе, а в августе против него выступил князь Константин Острожский, но был разбит казаками и потерял свою частную армию. После этого Косинский спокойно простоял в Острополе и всю осень 1592 года.

Поляки несколько раз собирали сеймы, чтобы принять меры против Косинского. Лишь на сентябрьском сейме 1592 г. паны решили отправить против казаков коронное войско. Кроме того, Константин Острожский набрал новую частную армию и пополнил ее наемной венгерской пехотой.

К началу 1593 г. все польские войска сумели соединиться. Косинский же покинул Острополь и пошел к местечку Пятке вблизи города Чуднова на Житомирщине. Казаки перед Пяткой устроили табор из повозок и заняли в нем оборону. Дойдя до казачьего табора, поляки долго не решались напасть на него и думали об отступлении. С большим трудом Янушу Острожскому удалось заставить их пойти в атаку. Тем не менее 21 января 1593 г. поляки овладели табором, а казаки отступили к городу. По польским источникам, казаки потеряли до 3 тысяч человек и 26 пушек.

31 января 1593 г. казаки капитулировали в Пятке. В этот день Острожский от имени панского войска и гетман Косинский с войсковым писарем от имени реестра подписали соглашение. Реестровые казаки должны были немедленно лишить Косинского гетманской булавы, держать на Запорожье постоянный гарнизон, вернуть в замки все захваченное там оружие. Наконец, и этот пункт паны считали главным, реестровцы обязывались не проживать и не причинять никакого ущерба («кривд жадных») «в державах княжат (Острожских)... и маестностях приятель их... княжати Александра Вишневецкого... и державах слуг их милости», то есть в магнатских и шляхетских владениях. Кроме того, реестровые казаки обещали исключить из войска всех, кто вступил в него во время восстания.

Однако Косинский не считал игру законченной. Он отправил верного казака в город Черкассы, где стал набирать новое войско. Мало того, Косинский вступил в сношения с Москвой на предмет похода на турок. Царь Федор Иоаннович послал грамоты путивльским ратникам и донским казакам идти на соединение с гетманом «Христофом Косицким».

Черкасский староста Александр Вишневецкий доносил в Варшаву, что царь послал запорожцам сукна и деньги.

Ну, донос доносом, а сам Вишневецкий приказал своим шляхтичам и слугам убить Косинского. Они явились на вечеринку, затеянную казаками в корчме в Черкассах. Убийцы затеяли ссору и внезапно схватились за сабли. Косинский и несколько казаков были убиты.

Понятно, что со смертью Косинского борьба казаков против ляхов не прекратилась. Осенью 1593 г. запорожцы вновь подступили под Киев, но из-за большого набега татар были вынуждены уйти вниз по Днепру для защиты Нижнего Днепра. Кроме того, у казаков не было вождя, но таковой вскоре появился.

Жила-была в городе Остроге семья мещанина Наливайко. У него было два сына. Старший Дамиан (Демьян) состоял придворным попом у князя Константина Острожского. А младший Северин служил пушкарем в частной армии у того же Константина Острожского и отличился в войне Острожского против казаков Косинского. Все бы было хорошо. Отличил бы его пару раз Острожский, и стал бы Северин польским шляхтичем, и воевало бы его потомство 400 лет с Россией, а сейчас служило бы в войсках НАТО. Но судьба-индейка распорядилась иначе. У старика Наливайко был небольшой участок земли в Гусятине. Он приглянулся богатому шляхтичу Калиновскому. Пан, недолго думая, захватил надел, а старика велел избить палками так, что тот на следующий день отдал Богу душу.

Узнав о гибели отца, Дамиан нашел утешение в монашестве, а Северин взялся за саблю. Для начала «Наливайко составил около себя вольницу людей из разного народа, иногда беглецов и преступников, и с ними действовал против турок и татар»^[172]. Ему удалось разбить несколько татарских отрядов, шедших через Малороссию в поход на Венгрию, и захватить богатую добычу, в том числе от 3 до 4 тысяч лошадей. (Татары вели в поход множество запасных коней.) Думаю, что попутно Северин пограбил и панов. Далее он делает очень грамотный ход – отправляет часть добычи в Сечь к запорожцам.

Посланцы Наливайко прибыли в Сечь 1 июля 1594 года. Откуда такая точность? Как мы узнаем из знаменитого письма турецкому султану, календари запорожцы не жаловали. Да просто тогда в Сечи находился

посол германского императора Рудольфа II Эрих Ласота. Прибыв в Сечь, посланцы Наливайки прежде всего испросили прощение у запорожских казаков от имени Наливайки за то, что он воевал против Косинского. А главное, Северин пообещал из собственных трофеев подарить казакам 1500 лошадей. Запорожцы не могли устоять перед таким подарком и резонно учли, что Наливайко состоял на службе Острожского задолго до начала войны с казаками и по феодальному праву не мог бросить своего воеводу в беде. В итоге запорожцы признали Наливайко казаком и заключили с ним союз.

Сам Наливайко стал вести себя как настоящий польский шляхтич. Он силой занял замок в Брацлове и выгнал оттуда старосту Юрия Струся. Мало того, Наливайко обложил налогом окрестную шляхту. Но, обратим внимание, король еще не считал его мятежником и не посылал на него коронное войско.

«Наливайко с козаками стал делать наезды на шляхту и во время этих наездов жестоко отмстил пану Калиновскому, обидчику своего отца. Наливайко чувствовал неугасимую ненависть к Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впоследствии с королем Сигизмундом III, высказал, что то была самая тяжкая из обид и самая непоправимая для него из всех потерь: “Ведь отец-то у меня был один!” Король требовал от Наливайко, чтобы он распустил свою ватагу и не делал обид населению, но Наливайко не обращал внимания на это приказание и все больше и больше стягивал к себе охотников до всякого рода приключений и войны.

Собрав около себя значительный отряд, Наливайко, наконец, оставил Брацлав и со своим отрядом направился в Килию. Он напал на город Тягин; город взял и сжег его, но крепости взять не мог и покинул ее. Отступив от Тягина, он распустил своих козаков загонами по нижнему Бугу и Пруту; тут он сжег более 500 турецких и татарских селений, захватил до 4000 обоего пола турецкого и татарского ясыря и с богатой добычей повернул назад»^[173].

Возвратившись из молдавского похода, Наливайко вновь расположился в Брацлаве. Местная шляхта обиделась и попыталась выбить Северина из Брацлова, но 5 октября 1594 г. была наголову разбита. Шляхта принесла жалобу Сигизмунду III, и король универсалом от 1 ноября 1594 г. приказал потерпевшим наказать как мещан города, так и самого Наливайко. Но приказание это осталось без последствий, как и другие его, более ранние указы относительно казаков. Для наказания Наливайко нужно было коронное войско, а его король не дал.

Царские, а особенно советские историки замалчивали тот факт, что

польские короли периодически закрывали глаза на разбои казаков и нападения на шляхту, чтобы не допустить ее чрезмерного усиления.

В середине ноября 1594 г. Наливайко двинулся к городу Бару. Туда же подошли запорожцы во главе с атаманом Григорием Лободой. Всего у обоих атаманов имелось до 12 тысяч казаков. Наливайко и Лобода распустили слухи о предстоящем походе в Валахию. Однако их воинство спокойно и безбедно дождалось в Баре до января 1595 г., а затем разошлось часть в Винницу, а частью – в Брацлав.

Весной 1595 г. началась большая польско-турецкая война, и паны попытались привлечь Григория Лободу на свою сторону, при этом они игнорировали Северина Наливайко. Лобода принял предложения поляков и 21 февраля выступил со своим отрядом к границам Молдавии, но затем остановился и начал опустошать земли польской короны. Тогда польский воевода Ян Замойский приказал казакам уйти от границ Молдавии, а в противном случае грозил поступить с ними «как с неприятелем». Лобода не стал спорить и вернулся в Овруч.

В середине августа того же года Наливайко уже оставил Острополь и со своим отрядом отправился через Семиградское княжество в Венгрию на помощь командующему имперской армией германскому эрцгерцогу Максимилиану в борьбе против турок. В Венгрии Наливайко оставался до поздней осени, а затем с большой добычей вернулся в Малороссию.

Германские авторы утверждают, что в Венгрии казаки Наливайко не столько воевали, сколько грабили и были выдворены оттуда имперскими войсками.

Собрав около двух тысяч казаков, Наливайко разгромил волынский город Луцк. При этом хитрый атаман накатал письмо Сигизмунду III, в котором утверждал, будто он зашел в Луцк с единственной целью сделать в нем военные запасы и потом предложить свои услуги коронному гетману, но встретил со стороны гетмана и польских панов ничем не объяснимую вражду: «Паны били и мучили хлопят, парубков и нескольких товарищей наших или на приставах или на пути к своим родителям»^[174].

Из Луцка Северин направился на Белую Русь и 6 ноября 1595 г. взял Слуцк. Из крепостных запасов он забрал себе 12 пушек, 80 гаковниц и 700 рушниц^[175].

30 ноября 1595 г. Наливайко штурмом взял город Могилев «и шляхетские маестности, он не мало причинил шкоды шляхте, мещанам и богатым панам: “Место славное побожное (т. е. на реке Буге или Боге) Могилев, дома, крамы, острог выжег; всех домов до 500, а крамов с

великими скарбами до 400; мещан, бояр, людей учтивых, мужей, жен. Детей малых побил, порубил, попоганил; с лавок и с домов неисчислимое число скарбов побрал»^[176].

Пока казаки «гуляли», к Могилеву подошел литовский гетман Криштов Радзивилл «с 14 000 литовских и 4000 татарских войск»^[177]. Терминология как советских, так и дореволюционных историков требует пояснений. «Литовские войска» – это русские православные ратники, уроженцы Белой Руси, состоявшие на службе литовского гетмана, а «татарское войско» – это не крымцы, а литовские татары.

Поначалу Наливайко хотел сесть в осаду в замке Могилева, но жители города, которых казаки уже допекли дальше некуда, сами подожгли замок, и Наливайко пришлось отойти на ближайшие к городу высоты – Илинскую гору. Тут казаки построили укрепления и установили многочисленные артиллерийские орудия. Тем не менее после упорного боя казаки отошли к Рогачеву, а затем – к Речице.

Из Речицы Наливайко вновь написал письмо Сигизмунду III. «В этом письме он предлагал свои услуги королю смирить всех непокорных ему людей, но для этого просил короля отвести козакам для поселения пустыни между Бугом и Днестром, на татарском и турецком шляху, между Тягинею и Очаковым, на пространстве 20 миль от Брацлава, где от сотворения мира никто не обитал; позволить самому Наливайке построить особый город с замком, сделать этот город центром всего козачества, выдавать козакам “станции”, поставить над ними гетмана, а в Сичи держать лишь помощника гетману. После всего этого Наливайко обещал королю держать в полной покорности всех “стационарных” козаков; новых лиц, приходящих к ним, или вовсе не принимать, или же возвращать назад, обрезав им предварительно носы и уши»^[178].

Так и не дождавшись ответа от короля, Наливайко, оставив Речицу, прошел через Туров и Городню и в конце января 1596 г. прибыл на Волынь и расположился в имениях князя Константина Острожского. На этот раз Наливайко не встретил даже слабого сопротивления со стороны князя. Дело в том, что Константин Острожский был ярким противником вводимой как раз тогда унии и был готов ради православной веры выступить против короля и взять в союзники хоть турецкого султана. Не стоит забывать и о том, что у Константина Острожского по-прежнему рядом был брат Северина священник Дамиан Наливайко.

Северин быстро оценил ситуацию и 14 февраля 1596 г. напал на владения Яроша Терлецкого, брата епископа Кирилла Терлецкого – одного

из столпов унии. Сам епископ в тот момент гостил у римского папы. Были разгромлены имения Яроша и его жены.

Затем Наливайко напал на Пинск, куда епископ Кирилл Терлецкий перед своим отъездом в Рим отправил на хранение свои документы и церковные драгоценности. Заодно было разгромлено и имение луцкого старосты Александра Семашко, ярого сторонника унии. Любопытно, что в разгроме имения Семашко участвовал и какой-то русский князь Петр Вороницкий.

Но мы забыли о запорожцах атамана Григория Лободы. Тот, постояв несколько недель в Овруче, в январе 1596 г. спустился по Днепру в Сечь. Но, услышав об успехах Наливайко, он не выдержал, собрал войско и отправился на судах вверх по Днепру, грабя окрестные местечки. В отличие от Наливайко, Лобода не поднимал знамени религиозной войны, а откровенно обещал казакам большую добычу.

В конце января 1596 г. Сигизмунд III решил, наконец, нарушить свой нейтралитет и отправить против Наливайко и Лободы коронное войско во главе с гетманом Станиславом Жолкевским.

У казаков была прекрасно налажена разведка и, узнав о движении коронного войска, Наливайко перешел с Волыни в Брацлавщину, в Лабунь, поближе к границе между Речью Посполитой и Турцией. Жолкевский хотел внезапно напасть на казаков. Но тут на сторону Наливайко перебежал пан Плоцкий вместе со своей ротой, состоявшей из этнических поляков. Мотив – несвоевременная выплата жалованья.

Лишь 25 мая 1596 г. Жолкевскому удалось покончить с бунтом Наливайко. Началась страшная резня, паны и жолнеры убивали всех, кто попадался под руку. Очевидец И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч».

Наливайко был привезен в Варшаву, где после долгих недель пыток его казнили 11 апреля 1597 года.

В 1621 г., после окончания войны с турками и Московским государством, польские магнаты потребовали урезать численность реестрового войска до 3 тыс. человек и заставить казаков строго выполнять условия договора, то есть не нападать ни на турок, ни на татар. Продолжались и гонения на православную церковь. Так, вожди киевских униатов войт Федор Ходька и мещанин Сазон сделали попытку насильственно опечатать православные церкви в Киеве.

Митрополит Борецкий немедленно отправил жалобу в Сечь гетману Коленику Андрееву. Тот прислал отряд запорожцев во главе с

полковниками Якимом Чисринцким и Антоном Лазаренко. По дороге к ним присоединились многие казаки крестьяне. В начале января (после крещения) полковники заявили в Киев и распечатали церкви. Войт Ходька и несколько десятков униатов были схвачены и заключены в темницу.

Иов Борецкий прекрасно понимал, что расправившиеся с униатами запорожцы не смогут защитить его и паству от коронного войска, и обратился за помощью к царю. «В феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: “Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепления об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавленьи видеть”.

Исакий отвечал: “У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государской милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде”»^[179].

Как видим, московское правительство теоретически было не прочь принять в подданство Малороссию, но при этом не желало затевать большую войну с Речью Посполитой.

Любопытно, что одновременно с демаршем Борецкого, принять казаков в подданство царя Михаила попросил... шведский король Густав Адольф, воевавший с Сигизмундом III. В Москву прибыло шведское посольство с грамотой, где говорилось, «чтоб царское величество послал к запорожским козакам свое повеление и отвел бы их от польской короны». На это в Москве ответили, что «этого сделать никак нельзя, потому что запорожские казаки люди польского короля, а не московского государя, а между королем и государем заключено перемирие». Но Густав Адольф на этом не остановился и в 1626 г. прислал в Москву новых послов с просьбой

пропустить их в Белоруссию и Запорожье. Король вел войну против Польши и хотел вовлечь в это дело и Москву, а главным образом – запорожских казаков. Но в Москве снова дали отрицательный ответ все на том же основании, что «в перемиренные лета сделать этого (пропустить послов и встать против Польши) нельзя, потому что это будет крестному целованию преступление и на душу грех»^[180].

А между тем в конце сентября 1625 г. в Малороссию вторглось 30-тысячное коронное войско во главе с гетманом Станиславом Конецпольским. Помимо шляхтичей в войске состояло свыше 3 тысяч немецких наемников. Момент нападения был выбран ляхами удачно. В среде запорожцев не было единства. Казаки попеременно выбирали в гетманы то Михайла Дорошенко, то Марка Жмайло.

Война Конецпольского с казаками закончилась вничью. В результате нового так называемого Куруковского договора, заключенного в октябре 1625 г. в урочище Медвежьи Лозы возле озера Куруково, городовые (малороссийские) казаки признавали себя подданными польского короля, король же увеличивал число реестровых казаков до 6 тысяч, а остальных велено было вывести за реестр и лишити всех казацкого звания. Такие люди были названы выписчиками и составляли огромное большинство против реестровых. Из шести тысяч реестровых казаков одна тысяча должна была по очереди находиться за Днепровскими порогами, не пускать неприятеля к переправам через Днепр и не допускать вторжения его в королевские земли. Всем казакам запрещалось выходить в море, предпринимать сухопутные набеги на земли мусульман и приказывалось сжечь морские лодки в присутствии польских комиссаров.

Из реестровых казаков было составлено шесть полков-округов: Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. Центром полка являлся город (по нему и дано было название), где находилась полковая старшина. Полки делились на сотни. Артиллерия реестра и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и др.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом.

Сразу оговорюсь: соглашение касалось только городовых казаков, запорожцев же статьи соглашения не касались^[181].

Но уже через несколько месяцев после Куруковского договора семьдесят запорожских чаек вышли в Черное море. В 1628 г. в Крыму был лишен престола хан Мухаммед-Гирей II, а его место занял Джанибек-Гирей. Свергнутый хан обратился за помощью к гетману Михаилу

Дорошенко, и тот, разумеется, без санкции короля повел казаков (реестровых, нереестровых малороссийских и запорожцев) в Крым. Однако в сражении с татарами в степном Крыму Дорошенко был убит, а его голову воткнули на кол на стене Кафы.

После смерти Михаила Дорошенко в Малороссии оказалось сразу два гетмана – Григорий Черный и Тарас Трясило, из которых первый был сторонником поляков, а второй – сторонником русских. Спасаясь от Черного, Трясило бежал в Сечь к запорожцам. Просидев там около полугода, Тарас вышел оттуда с войском в Малороссию. Шедшие с ним казаки распускали слухи, будто бы идут к Черному с покорностью. Черный поверил молве, но был схвачен запорожцами, доставлен к Трясило и изрублен на куски. После этого Тарас объявил себя гетманом и предъявил свои требования полякам: вывести из Малороссии жолнеров, уничтожить Куруковскую комиссию, ограничившую численность казацкого сословия, и выдать приверженцев Григория Черного.

Генеральное сражение поляков с казаками произошло в конце мая 1630 г. у города Переяслава. (С 1943 г. Переяслав-Хмельницкий.) Историк запорожского казачества Д.И. Яворницкий назвал эту битву «загадочной по своим последствиям». Судя по всему, обе стороны понесли большие потери, и в конце концов 29 мая был подписан мирный договор.

Основным источником русских (Соловьев и др.) и украинских историков (Яворницкий, Субтельный и др.) служат показания русского лазутчика Григория Гладкого, родом из Путивля, которые он дал в августе 1631 г. в Посольском приказе в Москве. По словам Гладкого: «Гетман Конецпольский осадил казаков в Переяславе. У польских людей с черкасами в три недели бои были многие, и на тех боях черкасы поляков побивали, а на последнем бою черкасы у гетмана в обозе наряд взяли, многих поляков в обозе выбили, перевозки по Днепру отняли и паромы по перевозам пожгли. После этого боя гетман Конецпольский с черкасами помирился, а приходил он на черкас за их непослушанье, что они самовольством ходят под турецкие города, и всем войском убили Гришку Черного, которого он прежде дал им в гетманы. Помирясь с черкасами, Конецпольский выбрал им на них же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольского польских и немецких людей и черкас лучших, которые от черкас пристали к полякам, 8000, а черкас было 7000».

Полякам действительно пришлось пойти на уступки. Так, число реестровых казаков было увеличено до восьми тысяч. Судьба же Трясилы (в русских документах он именуется Тарас Федорович) точно неизвестна.

Соловьев и Яворницкий считали, что его казнили в Варшаве, а более поздние историки (Субтельный, авторский коллектив «Истории Украинской ССР») отрицают это. Мало того, последние утверждают, что перед подписанием соглашения Тарас Федорович ушел с десятью тысячами казаков в Сечь, где был выбран гетманом^[182].

В 1632 г. в Польше умер король Сигизмунд III, и собравшийся по этому поводу сейм приступил к избранию нового короля. В это время на вальный (избирательный) сейм явились депутаты от нереестровых казаков. Ссылаясь на то, что казаки составляют часть польского государства, депутаты потребовали от имени войска обеспечения православной веры и права голоса на выборах короля. На это требование сенат Речи Посполитой ответил казакам, что хотя они действительно составляют часть польского государства, но такую, «как волосы или ногти в теле человека: когда волосы или ногти слишком вырастут, то их стригут. Так поступают и с казаками: когда их немного, то они могут служить защитой Речи Посполитой, а когда они размножатся, то становятся вредными для Польши». Относительно обеспечения православной веры казацким депутатам сказали, что этот вопрос рассмотрит будущий король Польши, а относительно участия в избрании короля ответили, что на избрание короля имеет право сенат и земское собрание.

Таким образом, казаки и жители Малороссии были признаны неполноценными гражданами, а Малороссия – колонией Польши.

В 1634 г. польский сейм постановил построить на Днепре мощную крепость с польским гарнизоном, чтобы отрезать Запорожскую Сечь от Малороссии. На эту затею сейм выделил из казны сто тысяч злотых. Место для крепости выбрали на высоком правом берегу Днепра чуть ниже впадения речки Самары. (Сейчас это окраина города Днепропетровска). Крепость получила название Кодак, поскольку находилась рядом с первым Кодачкиным порогом Днепра.

Строительство крепости шло в присутствии коронного гетмана Конецпольского и под его руководством. В июле 1635 г. строительство крепости завершилось. Забегая вперед, скажу, что сия фортеция неоднократно разрушалась, а затем восстанавливалась. Окончательно она была скрыта в 1711 г. по Прутскому договору.

Комендантом крепости Кодак назначили французского полковника Мориона. Он не только не пропускал вверх или вниз по Днепру вооруженных казаков, но даже запрещал ловить рыбу вблизи крепости. Двадцать казаков-нарушителей оказались в подвалах крепости.

Бравый француз арестовал бы и больше казаков, но тут, на его беду, в

начале августа 1635 г. показались чайки запорожского гетмана Сулимы, который возвращался с богатой добычей из дальнего похода по Черному и Азовскому морям. Подивились казаки на знатную фортецию, неведомо как выросшую у Кодачкина порога, ведь в поход они ушли два года назад и видели тогда лишь пустынные берега. Что говорили казаки, увидев крепость, неизвестно, да если бы и известно было, напечатать это все равно бы не дали. Доподлинно же известно, что Кодак был взят штурмом, польский гарнизон перебит, бравого француза лично «зарезал»^[183] Сулима. После чего гетман велел казакам «раскопать» крепость.

Далее Сулима с казаками пошел вверх по Днепру. Однако полякам удалось добиться раскола в казачьем стане. Сулима с пятью приближенными казаками был обманом захвачен поляками. Его отправили в Варшаву и там четвертовали. В конце 1635 г. Кодак вновь был занят поляками, которые немедленно приступили к восстановлению крепости.

В 1637 г. комиссар польского правительства Адам Кисель и польный гетман Николай Потоцкий произвели чистку реестра. В нем остались лишь те, за кого поручились старосты и подстаросты. Под давлением поляков реестровые казаки выбрали гетмана Василия Томиленко. Между тем в Крым двинулось войско запорожских и нереестровых малороссийских казаков во главе с Карпо Павлюком, по происхождению турком.

По возвращении в Малороссию Павлюк узнал о притеснениях казаков поляками и со своим отрядом овладел Черкасском, где хранилась артиллерия реестровых казаков. По приказу Павлюка пушки были вывезены в Сечь, туда же стали собираться все недовольные панам и их приспешником Томиленко.

Реестровые казаки тоже были недовольны Томиленко и в результате создали Раду, где новым гетманом избрали Савву Кононовича, выходца из Московии. Но Савва попытался угодить «и нашим, и вашим». В результате его схватили казаки Павлюка и привезли в городок Крылов. Там Савва Кононович и несколько старшин были публично расстреляны.

Теперь и реестровые казаки выбрали атаманом Карпо Павлюка. Он 11 октября 1637 г. написал универсал всему казачеству, мещанству и поспольству, призывая всех против «неприятелей народа русского христианского и древней греческой веры», то есть против поляков.

28 октября 1637 г. из польского города Бара против казаков двинулось 15-тысячное королевское войско под началом Николая Потоцкого. 6 декабря в бою под Кумейками казаки потерпели поражение, Павлюк с остатками войска отступил к Черкассам, но 10 декабря был окружен поляками в местечке Бородице. Полякам удалось поджечь деревянные

постройки, но казаки защищались с такой отвагой, что польский гетман был вынужден вступить в переговоры. В польский лагерь прибыли Павлюк, Томиленко и еще несколько старшин. Николай Потоцкий и Адам Кисель пообещали всем осажденным свободу, если они прекратят сопротивление. Старшина согласилась на капитуляцию, но едва казаки вышли из местечка, как их окружило коронное войско. Павлюк и несколько старшин были схвачены и в оковах отправлены в Варшаву, где их казнили в торжественной обстановке.

14 декабря 1637 г. казакам объявили условия Потоцкого: отныне реестр сокращался до шести тысяч человек, выборы командного состава отменялись, и командовать войском теперь будут только назначенные королем офицеры.

В 1638 г. поляки, наконец, восстановили Кодакскую крепость. Руководил работами французский инженер Боплан. На сей раз крепость стала намного сильнее. Восстановленный Кодак решил осмотреть сам коронный гетман Конецпольский. «Каков вам кажется Кодак?» – хвастливо спросил гетман у присутствовавших малороссийских старшин. «*Manu facta manu distruo*»^[184], – ответил гетману чигиринский сотник. Звали этого сотника Богданом, а прозвище было Хмельницкий.

Между тем повстанческое движение в Малороссии не утихало ни на один день. Крестьяне и мещане продолжали бежать в Запорожье. Туда же отступали разбитые повстанческие отряды. В Запорожской Сечи собирались силы для новых выступлений. Уже в феврале 1638 г. там под началом атамана Скидана скопилось пять-шесть тысяч человек.

Конецпольский, надеясь подавить восстание в самом начале, направил за пороги реестровое войско, а чтобы оно снова не перешло на сторону повстанцев, провел еще одну «чистку». Ранней весной 1638 г. за пороги был послан отряд жолнеров численностью 500 человек во главе с ротмистром Мелецким. Жолнеры должны были обманом выманить запорожцев из Сечи, пообещав им вписать всех без исключения в реестр. Для этого Мелецкий должен был составить фиктивный реестр, а если казаки не поверят ему, то разгромить Сечь с помощью реестрового отряда.

Мелецкий прибыл в Запорожье, но казаки отвергли все его предложения, а попытки взять Сечь силой закончились полным разгромом жолнеров и реестровых казаков. Самому ротмистру едва удалось спастись.

В начале 1638 г. запорожцы в Сечи избрали нового гетмана. Им стал Яцко Острянин – предводитель восстания на Левобережье в 1637 году. Одновременно на Дон отправились посланцы с просьбой о помощи. В марте, накануне похода, Острянин обратился к малороссийскому народу с

универсалом, где говорилось, что идет он «з войском на Украину для выдвигненья [освобождения – А.Ш.] вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему поспольству рода Русского и Малой России, по обоим сторонам Днепра мешкающего».

Ранней весной 1638 г. повстанцы начали боевые действия. Они разделились на три отряда. Первый, во главе с Остряниным, двигаясь левым берегом Днепра, занял Кременчуг и повернул на Хорол и Омельник. Запорожские чайки под началом Дмитро Гуни поднялись по Днепру и заняли переправы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирин-Дубраве. Третий отряд под началом атамана Скидана, шедший правым берегом Днепра, занял Чигирин.

Навстречу отряду Острянина двинулся Станислав Потоцкий с королевским войском. Острянин занял оборону в городке Голтва, на левом берегу одноименной речки, впадающей в Псёл, в полукружье, образованном этими двумя реками. Городок, обнесенный частоколом, имел замок, от которого до правого берега, болотистого и лесистого, тянулся длинный узкий мост. Казаки укрепили Голтву, насыпали вал, перегородив таким образом открытую сторону полукружья, а находившийся перед валом курган превратили в редут, где поставили пушки.

В конце апреля войско Потоцкого подошло к Голтве и заняло позиции. Свой лагерь осаждавшие от одной реки до другой обнесли валом. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег реки Псёл два полка иностранной пехоты и несколько тысяч реестровых казаков под началом Караимовича с заданием овладеть замком с противоположной стороны – от моста. Острянин разгадал этот план и послал в тыл Караимовичу отряд казаков. Караимович, перейдя реку, попытался по мосту подступить к замку, но был встречен сильным огнем. Потеряв многих убитыми и ранеными (сам Караимович тоже был ранен), он хотел вернуться к переправе, чтобы перейти на левый берег, но повстанцы преградили ему путь, сделав завалы из деревьев, и открыли оттуда уничтожающий огонь. Отряду Караимовича оставалось только бежать в болото, где он и был полностью истреблен казаками.

Потерпев поражение, Станислав Потоцкий 1 мая отвел свое войско к Лубнам – удобному для обороны месту, а оттуда послал к коронному гетману послов с просьбой о помощи. Станислав ожидал также подхода своего брата Николая Потоцкого и Иеремии Вишневецкого. А тем временем казаки Острянина шли следом за Потоцким, торопясь разбить

противника до подхода к нему подкреплений.

Повстанцы тоже ждали подхода к ним новых сил, и действительно, их войско вскоре увеличилось до 12 тысяч человек. 6 мая 1638 г. между повстанцами и польским шеститысячным войском Станислава Потоцкого началось сражение. Результат битвы был ничейным, причем обе стороны понесли большие потери. Однако ночью отряды Острянина стали отходить на северо-восток, а потом повернули к Миргороду.

Поляки настигли войско Острянина 31 мая под Жовнином близ впадения реки Сулы в Днепр. Казаки были разбиты, а Острянин с частью своего войска перешел русскую границу. Всего в Белгород с ним прибыло немногим более тысячи казаков.

Другая часть повстанцев во главе с Дмитро Гуней засела в Жовнине и продолжала сопротивление. 29 июля 1638 г. Николай Потоцкий заключил соглашение с повстанцами, часть казаков, несогласных с соглашением, бежала с Гуней в Сечь.

Поражение восстания привело к резкому усилению гнета польских феодалов. Как доносил в Москву белгородский воевода: «Их [казаков – А.Ш.] крестьянскую веру нарушают и церкви божие разрушаются, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили»^[185].

«После кровавого усмирения Конецпольским Украины-Руси (в 1638 г.) и введения “Ординации” для казаков, в Речи Посполитой началась “золотая лихорадка” – стремление поскорее и побольше захватить земель в этой “умиротворенной” и уже значительно заселенной части королевства, которую сами поляки называли “золотым дном” благодаря ее природным богатствам.

Кроме магнатов, землями (с живущими на них) владели многочисленные средние и мелкие шляхтичи, а также и монастыри и часть более зажиточного реестрового казачества.

При пожаловании (закреплении владения) королем, жаловалась не только земля, но и все, с владением этой земли связанное. Насколько далеко распространились права владельца – видно из сохранившейся жалованной грамоты короля Владислава магнату Потоцкому. Этой грамотой во владение Потоцкого отдавались “слободы Бутин и Вороновка со всеми другими слободами, островами, уходами, теперь существующими, или теми, которые будут создаваться...”

Положение еще ухудшалось наличием целой армии посредников между владельцами и его “подданными”. Обычно это были евреи, которые

брали от владельца на откуп разные статьи его доходов: шинки, пошлины в городах при внутренней торговле (“мито”), мельницы, право рыбной ловли, право пользования мостами через реки, плотинами (созданными трудом тех же крепостных), даже православными церквями, расположенными в границах пожалованных земель.

А нередко владельцы сдавали в аренду и целиком все поместье со всеми “доходными статьями”.

Посредники, желая выколотить побольше из всех “доходных статей”, изоощрялись в их взыскании, учитывая, конечно, по своему усмотрению и свой посреднический “заработок”. В случае же малейшего неповиновения к их услугам стоял весь полицейско-административный аппарат королевства.

Не имея непосредственного сношения со своими “панами”, “посполитые” имели дело обычно с посредниками-евреями, а потому их гнев, возмущение и негодование против всяких невыносимо тяжелых поборов обрушивался на евреев и вызывал резкие антиеврейские настроения...

В главе “Антисемитські мотиви в об’ясненнях Хмельниччини” (“Початки Хмельниччини? стр. 123) Грушевський пише:

“Євреї арендатори заарендовали все шляхи козацькі і заставили їх своїми шинками – на одній милі по три шинка ставили, вимушую козаків к покупці у них водки і меда, і не дозволяючи їм самим виготовлення цих напоїв для власного вжитку. Об цьому “дума” говорить: “Як іде український козак тай корчму минає, А жид выбігає, та українського козака за чуб хватає, Та ще його двома кулаками по потилиці затыняє: “Козаче-левице, за що я буду рату платити, Що ти мимо корчми йдеш тай корчму минаєш”...”

Заарендовали євреї все козацькі торги і брали “мыто-перемыто” от пешего і конного проезжего, от всякої клади, даже от выпрошеної нищими їх милостыні. Ото всіх забирали, что лучшее, а кроме того, говорить “дума”:

“І ще ж то жиди-рандари у тому не перестали – На славії України всі козацькі церкви заарендували: Котрому б то козаку альбо мужику дав Бог дытуну появи́ти. То не йди до попа благослови́тись; – да пиди, до жида рендаря,

То положи́ бытий талер щоби́ жид дозволив Церкву одчы́нити, тую дытуну охрести́ти”»^[186].

Глава 23

От Рады к Руине

К середине XVIII века бесчинства польских магнатов не только не прекращаются, но и принимают все больший размах. Вот, к примеру, крупный магнат Иеремия Вишневецкий в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городище Гайворон с окрестными селами, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного маршала А. Казановского город Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наймней 36 миль».

Польский шляхтич чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский в 1645 г. напал на хутор Субботово, принадлежавший его соседу чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Чаплинский захватил гумно, где находилось четыреста копен хлеба, и вывез его. Но хуже всего было то, что подстароста умыкнул любовницу сотника. Богдан недавно овдовел и вроде не прочь был жениться еще раз. Скорее всего, причиной налета и был спор из-за бабы, а не из-за копен хлеба. К тому же Чаплинский велел высечь плетью десятилетнего сына Богдана, после чего мальчик расхворался и вскоре умер. Самого Богдана Чаплинский четыре дня держал в цепях, но потом отпустил.

Богдан Хмельницкий с десятью казаками в январе 1646 г. прибыл в Варшаву и лично бил челом королю Владиславу на обидчиков своих.

По сведениям московского лазутчика Кунакова, бывшего в то время в Варшаве, старик Владислав посетовал Хмельницкому на свое бессилие перед беспределом панов. Король одарил казаков сукнами, а Хмельницкому, кроме того, подарил саблю со словами: «Вот тебе королевский знак: есть у вас при боках сабли, так обидчикам и разорителям не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; как время придет, будьте на поганцев и на моих непослушников во всей моей воле».

Задам риторический вопрос – могло ли быть такое в России, что при Алексее Михайловиче, что при Петре I или Екатерине II? Да физически быть не могло! И не только в России, но и в любом сильном централизованном европейском государстве. Беспредел магнатов – это свидетельство слабости государства и предвестник его гибели.

Но вернемся к судьбе чигиринского сотника. По возвращении в

Субботово Хмельницкий получил от гетмана Конецпольского приглашение на банкет. Но хитрый Богдан быстро смекнул, чем для него кончится сей банкет, и не поехал. Тогда Конецпольский послал двадцать всадников взять Богдана силой. Хмельницкий с четырьмя казаками отразил нападение на хутор: пять человек было убито на месте, а остальные бежали. Недолго думая, сотник с сыном Тимофеем и верные ему казаки оседлали коней и поскакали в традиционное убежище казаков – в Сечь.

Польский отряд из 300 поляков и 500 реестровых казаков отправился (видимо, из Кодака) в Сечь ловить Хмельницкого. Согласно казачьему преданию, Богдан отправил двух своих товарищей к реестровым казакам, которые объяснили им, что Хмельницкий – жертва поляков и т. п. Дело кончилось бунтом, реестровые казаки перебили ляхов, а сами подались к запорожцам.

Прибыв в Сечь, Хмельницкий обратился к запорожцам в присутствии кошевого атамана. Он красноречиво описал поругание иезуитов над православной верой и служителями святого алтаря, глумление сейма над казацкими правами, насилие со стороны польских войск над населением малороссийских местечек и городков, вымогательства и мучительства со стороны «проклятого жидовского» рода: «К вам уношу душу и тело, – укоряйте меня, старого товарища, защищайте самих себя, и вам тоже угрожает!» Тронутые этой речью, казаки ответили Хмельницкому: «Приймаемо тебя, пане Хмельницкий, хлибом-силью и щирным сердцем!»

«Бей панов!» – крикнул Богдан, и королевская сабля вылетела из ножен. В ответ на майдане взметнулись сотни казацких сабель. Дальнейшее общеизвестно. Богдан Хмельницкий вместе с крымскими татарами начал войну против поляков. Тут надо отметить, что как минимум первые два года Богдан вел войну не с королевской армией, а с «частными» армиями польских магнатов. (Вспомним Гришку Отрепьева и Тушинского вора, тогда 5 лет на Руси воевали частные польские армии).

А сейчас в Киеве предпочитают забывать, что с 1618 г. Москва строго придерживалась политики невмешательства в дела Малой Руси. Все просьбы гетманов, атаманов и церковных иерархов принять Малую Русь под высокую руку московского царя отвергались или в лучшем случае оставались без ответа.

Определенные проблемы постоянно возникали у русских пограничных воевод с потоками беженцев. Десятки тысяч крестьян, спасаясь от бесчинств панов, пересекали русскую границу.

Так, в августе 1647 г. польский посол в Москве пан Адам Кисель от имени короля потребовал выдачи беглых, мотивируя это тем, что они

являются крепостными, принадлежащими магнатам Вишневецкому и Конецпольскому. Однако московские власти и на сей раз, как и прежде, решительно отклонили требование поляков.

Сразу после поражения поляков на Желтых Водах киевский воевода Адам Кисель отправил гонцов к путивльскому и севскому воеводам с грамотами, в которых говорилось, что татары 22 апреля 1648 г. на Желтых Водах окружили польский отряд, высланный против изменников-черкас. Кисель смещал акценты и представил повстанческое войско Хмельницкого шайкой изменивших реестровых казаков, а четырехтысячный татарский отряд – огромной ордой.

Воеводы немедленно отправили гонцов в Москву. 20 мая царь Алексей Михайлович приказал своим ратным людям «сходиться с литовскими людьми и с ними заодно промыслять над татарами». Царя и бояр можно понять – татарские орды часто вторгались в Малороссию, а затем поворачивали и шли к Туле и Москве. Но тут пришли вести о Корсунском поражении, и в Москве постепенно стали понимать, что Кисель попытался их надуть. Теперь уже из Москвы пошло указание пограничным воеводам не ввязываться в конфликт на Украине. Тем не менее еще раньше севский и путивльский воеводы отправили гонцов к полякам для координации действий против татар.

Севский воевода отправил гонцом Григория Климова с грамотой к Киселю в город Гоц. Но в версте от Киева Климова перехватили татары. Как гласит летопись, «казаки, видя, что у него хохла нет, взяли его у татар к себе и отвели к гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоял в городе Мошнях, от Киева верстах во ста. Хмельницкий взял у него листы, назначенные к Киселю, и сказал: “Не по что тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту...” Хмельницкий говорил Климову: “Скажи в Севске воеводам, а воеводы пусть отпишут к царскому величеству, чтоб царское величество Войско Запорожское пожаловал денежным жалованьем. Теперь ему государю на Польшу и на Литву наступать пора. Его бы государево войско шло к Смоленску, а я, Хмельницкий, стану государю служить со своим войском с другой стороны”».

Обратим внимание, на дворе весна 1648 г., до Переяславской рады 5 (!) лет, а Хмельницкий напрашивается на службу царю.

В конце апреля 1649 г. казаки Хмельницкого учинили погром в Киеве. Как писал С.М. Соловьев: «На улицах началась потеха: начали разбивать католические монастыри, до остатка выграбили все, что еще оставалось, и монахов и ксендзов волочили по улицам, за шляхтою гонялись, как за

зайцами, с торжеством великим и смехом хватали их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретивши под смертною казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать шляхту в своем доме, и вот испуганные мещане погнались несчастных из домов своих на верную смерть; тела убитых оставались собакам. Ворвались и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложили книжки в руки. Три дня гуляли казаки и отправили на тот свет 300 душ: спаслись только те шляхтичи, которые успели скрыться в православных монастырях»^[187].

Одновременно Хмельницкий послал в Москву чигиринского полковника Вешняка с грамотой к царю. «Нас, слуг своих, – писал Богдан, – до милости царского своего величества прими и благослови рати своей наступать на врагов наших, а мы в божий час отсюда на них пойдем. Вашему царскому величеству низко бьем челом: от милости своей не отдаляй нас, а мы бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был».

Царь Алексей отвечал очень осторожно, что вечного dokonчания с поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское освободит, то мы тебя и все войско пожалуем, под нашу высокую руку принять велим».

В июле 1649 г. порубежные воеводы получили из Москвы инструкцию, в которой содержалось предписание не давать Польше не единого повода для претензий. Казаков из Малороссии принимать на царскую службу только женатых с семьями, а холостых отправлять на Дон. Но и семейных казаков не держать в пограничных с Польшей городах, чтобы избежать конфликта с Речью Посполитой, а отправлять их в городки на южные границы для защиты от крымских татар.

Как видим, царь Алексей Михайлович делал все, чтобы избежать войны с Польшей. Гетман прекрасно понимал, что воевать в одиночку с Речью Посполитой означало заведомо обречь себя на поражение. Поскольку Москва по-прежнему отказывалась принимать Малороссию в свое подданство, Хмельницкий отправил послов к турецкому султану. И вот в 1651 г. Мехмед IV признал Малороссию и запорожцев своими вассалами, пожаловав им тот же статус, которые имели Крым, Молдавия и Валахия.

Спору нет, Богдан страдал запоями, и, судя по фамилии, алкоголизм у него был наследственный, он был склонен к резким поступкам, но в этом случае гетман решил лишь попугать Москву. И, надо сказать, его замысел

полностью оправдался. Алексей Михайлович и его бояре поверили, что гетман решил податься к туркам, и начали форсировать мероприятия по возможному соединению Украины с Россией.

Осенью 1653 г. в Москве был созван Земской собор. На соборе было решено удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого и Войска Запорожского и принять православный украинский народ «под высокую руку» русского царя. 1 октября при закрытии собора царь Алексей торжественно заявил, что Россия будет вести войну с Польшей, если последняя будет удерживать Малороссию силой.

9 октября из Москвы на Украину выехало великое русское посольство в составе ближнего боярина Василия Бутурлина, окольничего Ивана Алферова, начальника московских стрельцов Артамона Матвеева и думного дьяка Лариона Лопухина. При посольстве были стольники, дворяне, стряпчие, толмачи и охрана из двухсот стрельцов.

31 декабря посольство прибыло в Переяслав. А незадолго до этого Хмельницкий разослал по всем казацким полкам универсал с указанием прибыть в Переяслав на великую раду представителям казачества, горожан, духовенства и других слоев населения. Все выборные должны были прибыть в начале января 1654 года.

Вечером 7 января 1654 г. (по старому стилю) у Богдана Хмельницкого с полковниками, судьями и есаулами состоялась тайная рада, и все собравшиеся единодушно «под государеву высокую руку поклонились». После тайной рады в тот же день была назначена и явная.

Исход выборов был предreshен заранее: толпа закричала: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!»

В XX веке условия подписания Переяславского договора стали предметом многолетних дискуссий. Канадский историк Орест Субтельный насчитал пять основных толкований Переяславского договора.

«По мнению русского историка права Василия Сергеевича (ум. 1910), соглашение 1654 г. относилось к разряду так называемых “персональных уний”, при которых две страны, имея общего монарха, тем не менее остаются самоуправляемыми.

Другой специалист по русскому праву, Николай Дьяконов (ум. 1919), доказывал, что коль скоро украинцы согласились на “личное подчинение” царю, они тем самым безусловно принимали поглощение их земель Московским царством, и потому это соглашение было “реальной унией”.

Украинский историк Михайло Грушевский, а также русский историк Венедикт Мякотин (умер в эмиграции в 1937 г.) полагали, что

Переяславское соглашение по форме являлось не чем иным, как вассалитетом – т. е. такой системой отношений, при которой более сильная сторона (в данном случае царь) соглашается защищать более слабую (украинцев), не вмешиваясь в ее внутренние дела и получая взамен налоги, военную помощь и т. п.

Другой украинский историк, Вячеслав Липинский, пошел еще дальше и предположил, что соглашение 1654 г. было не более чем временным военным союзом между Украиной и Москвией.

И совсем уж особняком стоит пятое истолкование Переяславского договора. В 1954 г., во время помпезного празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, в СССР было объявлено (правда, не историками, а коммунистической партией), что Переяславское соглашение стало естественной кульминацией векового стремления украинцев и русских друг к другу, а союз двух народов явился главной целью восстания 1648 г.»^[188].

Любопытно, что никто не обратил внимания, что царя Алексея к единству с Россией пригласили лишь старшины и казаки, ну а селян никто не спрашивал. Понятно, что дело тут не в отношении селян, поскольку подавляющее большинство их было за союз с Москвой, а в том, что гетман и старшина уже тогда, в 1654 г., рассматривали селянство исключительно как движимое имущество.

Меня же лично заинтересовал вопрос, почему-то не поднимавшийся ни официальными русскими, ни советскими историками, ни украинскими националистами. В обстоятельном сборнике архивных документов^[189] присоединению Украины к России отведено лишь 15 страниц. В этом сборнике есть только три документа, относящиеся к 1648–1654 годам: «1648 г. 8 июля. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Черкас царю Алексею Михайловичу, с сообщением о победах над польским войском и желании украинского народа объединиться с Россией», «1653 г. октября 1. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией» и «1654 г. января 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией».

Любопытно, что названия заголовкам придумали составители, а вот в текстах всех трех документов слово «Украина» ни разу не встречается. Мало того, в первом документе гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий просит царя принять его и Войско Запорожское под высокую руку. В постановлении собора говорится: «А о гетмане о Богдане

Хмельником и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку»^[190].

В третьем документе говорится: «...мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское за милость неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем»^[191].

Прошу в очередной раз у читателя извинение за длинные цитаты, но вопрос-то деликатнейший! Получается, что сохранилось всего три документа, и в них ни разу не упоминаются ни Украина, ни Малороссия, ни воевода Киевский, ни Киевская земля, ни иные названия земель, входящих в нынешний состав Украины. Везде фигурируют лишь гетман и Войско Запорожское, а о реестровых и малороссийских казаках нет ни слова!

Строго говоря, вопрос о подданстве Войска Запорожского должен был решаться не в Переяславле, а в Сечи. Но под каким-то предлогом запорожцы от присяги увильнули вообще. Московские бояре в марте 1654 г. по этому поводу даже специально запросили Хмельницкого. Богдану ничего не оставалось делать, как ответить отпиской: «...запорожские казаки люди малые, и то из войска переменные, и тех в дело почитать нечего».

Вопреки мнению «оранжевой» профессуры, нет ни единого документа, где бы Богдан Хмельницкий или другой гетман говорили о независимости Украины, да и вообще этот термин – «Украина» – тогда практически не употреблялся. Любопытно начало письма запорожцев к царю Алексею Михайловичу: «Мы, твои *Малороссийские* украины...»

Каждый гетман, полковник или старшина, который хоть какое-то время воевал против царских войск, сейчас объявляется официальным Киевом «украинским патриотом». Историк же Сергей Родин дал им совсем иное определение – этнические мутанты: «Этнический мутант затрудняется в оценке своей национальной принадлежности, так как чувствует в своей душе борение противоположных, взаимоисключающих начал. Многие представители казачьей старшины эпохи Гетманщины как раз и представляют такой *национально мутированный тип*: Русские по крови, они по своей психологии, социальному быту, культурным предпочтениям примыкали к полякам и ориентировались на шляхетско-кастовые ценности. Историческая судьба распорядилась так, что

окончательно ассимилироваться в польский этнос им не было суждено, но и русскими они себя уже не чувствовали, хотя по инерции еще и называли»^[192].

«Мутанты» желали «шляхетских вольностей», то есть быть неограниченными господами над своим селянством, но не иметь никакой власти над собой, разве что символической – какого-либо монарха, наподобие королевской власти в Речи Посполитой. Ну а кто таким монархом будет, особой роли не играло – польский король, царь, султан или шведский король.

Вернемся еще раз к Историческому атласу Украины для 8-го класса. Там, как уже говорилось, показаны огромные территории, поболее Франции, именуемые Гетманскими украинами Ивана Выговского и Петра Дорошенко. Увы, никакими суверенными правителями эти персонажи не были. Имела же место драка всех против всех, причем одновременно существовало по несколько гетманов, претендовавших на власть. Ни один из них *никогда* не контролировал и пятой части территории, указанной в фальшивке, именуемой «Историческим атласом Украины».

Как русские, так и «незалежные» историки тщательно обходят тот факт, что царские войска в Малороссии в первые 20 лет после Переяславской рады появлялись лишь эпизодически и занимали лишь локальные территории. Иной раз в Малороссии царских ратей не было по 2–3 года, но война там шла непрерывно. За что? За вильну Украину? Увы, нет. За земли, города и хлопов. Причем каждый гетман норовил использовать против противников иностранные войска – ляхов, крымских татар, турок, а позже Мазепа – и шведов.

Результатом этих войн стал геноцид населения и полнейшее разорение Малороссии, названный в конце XVI века самими малороссами Руиной.

Чтобы избежать обвинений в пристрастности, приведу страшную таблицу из книги современных украинских историков (весьма склонных к национализму) Ю. Мирошниченко и С. Удовика.

Потери населения [Малой] Руси в результате военных действий 1648–1676 гг. ^[193]

табл

«В монастыре под Батуриным долгое время хранилась запись одного из архимандритов XVII века. Название ее говорит само за себя: “Руина”, и

содержит она описание “деяний и злодеяний гетманов и прочих вождей народа малороссийского”, давая следующий их перечень:

Выговский Иван – клятвонарушение, братоубийство, привод татар на уничтожение народа малороссийского, продажа Руси католикам и ляхам, сребролюбец велий.

Хмельницкий Юрий – клятвопреступник трижды, христопродавец веры и народа ляхам и бусурманам; привод татар.

Дорошенко Петр – мздоимец, лихоимец, клятвопреступник, виновник братоубийства и мук народных от татар претерпленных, слуга бусурманский.

Тетеря Павел – сребролюбец, клятвопреступник и холоп добровольный ляшский. Подстрекатель Ю. Хмельницкого на измену.

Многогрешный Дамиан – раб лукавый, двоедушный, к предательству склонный, благовременно разоблаченный и кару возмездия понесший.

Самойлович Иван – муж благочестивый, веры греческой, православной и народу русскому привержен»^[194].

И это то самое славное время, воспеваемое ныне «оранжевыми» историками – время вольности и процветания Украинской державы.

Глава 24

Беспредел на русской окраине

26 апреля (6 мая) 1686 г. в Москве был подписан «вечный мир» между Россией и Речью Посполитой. Согласно его статьям граница между двумя странами в Малороссии от города Лоева шла по Днепру вплоть до впадения в него реки Тясмины.

За Россией уже окончательно был закреплен маленький, но очень ценный правобережный анклав – Киев и Печерский монастырь с окружающей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающейся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII века).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России, и в отношении которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Итак, к 1700 г. владения малороссийского гетмана были ограничены узкой полоской (150–200 м) на левом берегу Днепра и городом Киевом с окрестностями – на правом.

К началу XVIII века в Гетманщине проживало около 1,2 млн человек. Но были ли они свободны? Даже Михаил Грушевский вынужден признать, что после изгнания польских помещиков из Левобережья в 1648–1649 гг. «остались поместья православных монастырей и церквей, по-старому хозяйничавших в них. Сохранили свои поместья некоторые шляхтичи, присоединившиеся к казацкому войску и выпросившие себе пожалования на свои поместья от царского правительства. По их примеру начали испрашивать себе грамоты на поместья и казацкие старшины.

Заняв место польской шляхты в управлении краем, казацкая старшина, как уже было отмечено, склонна была считать себя привилегированным классом, призванным занять место шляхты в общественно-экономических отношениях.

Старшинские роды принимают шляхетские гербы, отыскивают или сочиняют себе родословные, выводя свой род от различных шляхетских родов Польши и Литвы»^[195].

Кстати, а сколько было старшины в Малороссии? К 1721 г. в 10 малороссийских полках – Киевском, Переяславском, Лубенском, Гадицком, Миргородском, Полтавском, Прилуцком, Стародубовском, Черниговском – состояло 128 сотен казаков. «Полковой старшины» в наличии было 60 человек, а «сотенной старшины» – 407 человек^[196].

Фактически гетман и эти люди правили всей Гетманщиной. Они явочным порядком возродили крепостное право, бывшее при польских помещиках. Причем, власть старшины над селянами не была ограничена законом, за отсутствием такового.

Хорошей иллюстрацией нравов на Гетманщине служит служебная записка камергера Г.Н. Теплова, отправленная генерал-прокурору князю А.А. Вяземскому в начале царствования Екатерины II. «В Малороссии, по словам Теплова, все управлялось не правом и законами, а силою и кредитом старшин и обманом грамотных людей. Вследствие такого управления число свободных землевладельцев чрезвычайно уменьшилось, число крепостных земледельцев, напротив того, увеличилось. При поступлении Малороссии под державу Всероссийскую было населено менее чем вполовину против настоящего, а между тем свободных крестьянских дворов было гораздо больше, чем теперь; свободные козаки обращены в крепостное состояние старшинами и другими чиновными и богатыми людьми. По смерти гетмана Скоропадского по ревизии, произведенной великорусскими офицерами, свободных дворов было 44 961. Из этого числа по 1750 год роздано не больше 3000 дворов. Что составляет самую малую разность, особенно если принять во внимание увеличение народонаселения; и несмотря на то, нынешний гетман граф Разумовский и четырех тысяч дворов свободных не нашел, о прочих же ему донесено, что все крестьяне в Польшу побежали, где, однако, по достоверным известиям, крестьянам в подданстве у польских панов гораздо труднее жить, чем в Малороссии, потому что польские паны все имение крестьянское почитают своим собственным и берут подати, когда сколько им вздумается. В самом же деле нашлось, что все государевы дворы и с землями раскупили старшина и другие богатые люди у самих мужиков, которые, будучи свободны, по этому самому будто бы могли сами себя и с землями продавать. А так как необходимо, чтоб всякая купчая утверждена была в присутственном месте и подписана сотником той местности, где находится продаваемая земля, то многие фальшивые купчие обличаются и тем, что сотник произведен в этот чин, например, в 1745 году, а купчая скреплена им как сотником в 1737 году. Старшины все это знали, но так как они всячески стараются, чтобы все государевы земли

переходили в частные руки, то никакого препятствия этому не делали.

Искоренение козаков, т. е. переход их в помещичьи крестьяне, происходило так быстро оттого, что достаточный козак всегда откупался от службы, а недостаточный, избегая ее, предпочитал жить под именем крестьянина, чем идти в поход; кроме того, оставаясь козаком, он должен был платить с имения своего большую подать, которая доходила до рубля и больше, а назвавшись мужиком, не имеющим земель, ни собственности, платил в год алтын или две копейки по раскладке наравне с другими подсосудками; а во всякое время сами козаки плачивали помещикам, чтобы те приняли от них на их земли купчихи и таким образом избавили их от обязанности идти в поход.

Малороссийские города, местечки, села, деревни, слободы и хутора с пахотными и сенокосными землями не имеют никакого обмежевания, все основывается на старинном будто занятии и на крепостях, большею частию фальшивых, но иные владеют землями просто вследствие наезда сильного на слабого. Наезды сопровождаются смертоубийствами, что ведет к бесконечным разорительным процессам. Козаки, оставшиеся незакрепощенными, живут разбросанные по разным местам, вдали от своего сотника и находятся в руках разных помещиков...

Избрание в сотники происходит таким образом: как скоро придет весть, что сотник умер, то, прежде чем об этом узнает гетман, полковые старшины посылают надобного им человека в сотню для управления ею до определения нового сотника. Этот человек не сомневается, что сотня его, и, приехав на место, выкатывает несколько бочек вина безграмотным козакам, подкупает священника и дьячка, те соберут рукоприкладства от пьяных – и выбор готов. Избранный истратит несколько червонных в высшем месте и утверждается сотником. Эти сотники воспитываются таким образом: люди из лучших фамилий, выучив сына читать и писать по-русски, посылают его в Киев, Переяславль или Чернигов для обучения латинскому языку; не успеет молодой человек здесь немного поучиться, как отец берег его назад и записывает в канцеляристы, из которых он и поступает в сотники, хотя козаки, которые его выберут, и имени его прежде не слыхивали»^[197].

Замечу, что и националист Грушевский вынужден был признать утрату былых вольностей казачества: «Войсковая рада перестала собираться уже со времен Самойловича; некоторое воспоминание о ней оставалось только при избрании гетмана, и то лишь в виде простой формы. Все важнейшие дела решала рада старшины, созываемая гетманом; дела текущего управления или не терпевшие отлагательства решались совещанием гетмана с наличной генеральской старшиной и полковниками...

Самоуправление осталось только в казачьих общинах. Даже сотников обыкновенно назначали своей властью полковники, хотя по закону сотника или кандидатов на сотничество должна была избирать сама сотня, впрочем, это право выбора признавалось не за сотенными казаками, а за сотенной старшиной, и если выборы происходили, то производились этой последней.

Таким образом, от казацкого самоуправления не осталось почти ничего, и если вообще и осталось еще какое-нибудь самоуправление в землях, выходивших за пределы сельской или городской общины, то было оно всецело старшинским, лежало в руках старшинских родов, которые под названием товарищей бунчуковых “значковых” и “значных войсковых” составили наследственный привилегированный класс, “шляхетство”, как оно себя называло, и все гетманское управление XVIII века имеет характер аристократический, панский (старшинский)»^[198].

Уже упоминавшиеся Мирошниченко и Удовик признают: «Полковнические должности, сулившие большие финансовые доходы, практически перестают быть выборными и de facto закрепляются за влиятельными старшинскими родами. Так появляются полковнические и отчасти сотнические династии. В Миргородском полку – Апостолов (1639–1736, в т. ч. бессменный в 1682–1727 гг. полковник Даниил Апостол), в Прилучком – Горленков (1661–1708, в т. ч. Дмитрий Горленко – в 1692–1708 гг.), в Нежинском – Жураковских (1678–1782). Михаил Миклашевский управлял Стародубским полком в 1689–1706 гг., Иван Минович – Переяславским в 1692–1706 гг. Черниговского полковника Якова Лизогуба (1687–1698) сменил его сын Ефим (1698–1704)»^[199].

По мере увеличения богатств гетманов и старшин постоянно снижалась боеспособность гетманских войск. С 1650 г. по 1730 г. они сократились в три раза – с 60 до 20 тысяч человек.

Еще Богдан Хмельницкий завел себе гвардию из иноземных наемников, и все остальные гетманы продолжали эту традицию. Тот же Мазепа сформировал свою гвардию – сердюков – из валахов, поляков, татар и немцев.

Классический пример небоеспособности гетманской армии – взятие Алексашкой Меншиковым гетманской столицы Батурина с отрядом из 5 тысяч драгун без артиллерии. А в сильнейшей гетманской крепости находился гарнизон численностью 15–20 тыс. человек и более 70 орудий. Почему «более 70»? Дело в том, что Меншиков вывез из Батурина 70 орудий, а наиболее тяжелые пушки взорвал.

Как жилось селянам в Гетманщине, мы уже знаем. Ну а каково было

горожанам? В 1760 г. правовой статус «мещанина» имели только 34 тысячи (!) человек при общей численности населения более 1,2 млн. человек. Городское население Гетманщины составляло менее 3,3 %, то есть по западноевропейским меркам попросту отсутствовало^[200].

В 1731 г. в Киеве население составляло 10–12 тыс. человек^[201]. Для сравнения, в 1760 г. в Москве проживало 300 тыс. жителей.

«Полковой и сотенной старшине удалось подмять под себя слабо развитое городское сообщество. За исключением Киева, который мог апеллировать к имперской власти, мещане большинства городов Гетманата находились в полной зависимости от казачьей старшины. Поскольку эти города одновременно являлись полковыми и сотенными, старшина попросту игнорировала Магдебургское право. Фактически, городское судоустройство и администрация находились в руках казацкой старшины. Да и сами города по европейским меркам городами не являлись. В Европе городом назывались населенные пункты, где проживало более 10 тыс. мещан...

Маленькие города Гетманата имели не магистраты, а ратуши, выборные чиновники которых определялись городским казачьим атаманом и целиком зависели от него. Поэтому в ратушных и сотенных городах правили казачьи атаманы, но именно как в городах – административных центрах полково-сотенной структуры Гетманата. Эти города не являлись городами ни в западноевропейском понимании, ни в отношении самоуправления, ни как финансово-торгово-промышленные узлы экономики государства. Это были скорее мобилизационные узлы военной автономии...

Ситуацию осложняло и наличие самостоятельной церковной юрисдикции. Она распространялась не только на духовенство и церковнослужителей, но и на монастырских селян. Около трети посполитых селян принадлежало церкви. Самым крупным землевладельцем являлась Киево-Печерская лавра. Перед секуляризацией во владении монастыря было три города, семь местечек, 120 сел и хуторов с 56 тысячами фактически закрепощенных селян. Монастырю принадлежали сотни мельниц, мануфактур, шинков и различных торговых учреждений»^[202].

Население Гетманата постепенно спивалось. Забавная ситуация: в 40-х годах XVIII века в Запорожской Сечи проживало 20–25 тыс. казаков, на которых приходилось 370 (!) шинков.

С начала XVIII века и до упразднения Гетманата Екатериной II в Киеве

шла настоящая война между казаками и мещанами за право... торговли спиртным. Дело в том, что в городских шинках выпивалось 25–30 тысяч ведер водки в год, что давало Киеву доход 9 – 10 тыс. рублей^[203]. «Винокурни были разбросаны по всему Киеву. На Приорке и Куреневке, где было 84 хутора, 64 хутора имели винокурни. На Сырце насчитывалось 29 винокурен. Территория Крещатной долины принадлежала двум монастырям: Михайловскому и Пустынно-Никольскому, которые имели здесь 24 винокурни. Михайловский монастырь имел одну винокурню на три котла, дававшую ежегодно 480 ведер водки...

Пустынно-Никольский монастырь содержал одну винокурню, а остальные 92 винокурни монахи сдавали в аренду...

Киево-Печерская лавра имела на Печерске 14 шинков, т. е. на каждой улице по одному. Здесь торговали как монастырской, так и покупной водкой. В течение одного года (с ноября 1747 г. по декабрь 1748 г.) она продала в 16 ларях “горилки” простой 10 600 ведер, водки – 41 ведро, пива – 98 мер, меду – 36 мерок. Общая прибыль составила свыше 7 тыс. руб. В 1766 г. лавра продала 9 640 ведер водки и получила прибыли 3342 руб., т. е. 30 ком. с каждого ведра...

За Васильевскими воротами Печерской крепости, в слободке Васильковские Рогатки была винокурня на два котла, дававшая 100 ведер вина в год. Здесь работало 12 наемных рабочих с платой от 16 до 20 коп. в неделю на хозяйских харчах. В лаврской слободке была винокурня, в которой работало 5 монахов и 11 рабочих за годовую плату: восемь рабочих получали 8 руб., двое по 12 руб., а главный винокур – 15 руб. Кирилловский монастырь имел винокурню в Плоском, где вырабатывалось 100 ведер вина, что давало монастырю 1200 руб. прибыли в год. Здесь же находились еще четыре винокурни, принадлежавшие “подданным” монастыря. За аренду хат под винокурни монастырь взимал по 4 и 8 руб. в год.

В Плоском киевский сотник Михаил Гудим основал большую винокурню с шестью котлами, которые давали 1200 ведер вина»^[204].

Ну а как вершилось правосудие в Гетманате? Приведу лишь несколько фактов, собранных украинским писателем Олесем Бузиной. В 1722 г. некий Акеменко был обвинен в супружеской измене. Не известно почему, но, разобрав дело, Пирятинский суд постановил отобрать у развратника коня, вола и корову в пользу суда^[205]. Неужели после этого у супругов наладилась жизнь?

Женщин за убийство собственных младенцев закапывали в землю и

пробивали колом. Стандартный приговор гласил: «Колом живую пробити, их бы прочии имели страх»^[206].

Ну а геев веселые украинцы в первой половине XVIII века («века просвещения») без особых церемоний сжигали на костре. Лишь в отдельных случаях их забивали киями, то есть большими палками.

«В 1772 году генерал-губернатор Малороссии фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский обратился к императрице с сообщением, что в селе Мосонец казачья дочь Христина Водяникова убила своего жениха “казачьего сына Иосифа Беденко”, после чего ее не только ПРИКОВАЛИ к мертвому телу убитого, но и закопали после суда вместе с загубленным женихом. Генерал-губернатора особенно возмутило, что местный священник Гловинский “не только к тому допустил, но и приказал бывшим при погребении людям вязать ее канатом и самую положить под гроб”»^[207].

Замечу, что артикул 6 раздела 11 Литовского статута, гласил, что жена, убившая мужа, лишалась не только всего имущества, но и подвергалась следующей казни: ее волокли по рыночной площади, при этом клещами отрывая от тела куски мяса. Потом женщину сажали в кожаный мешок вместе с собакой, курицей, змеей и кошкой, зашивали и топили в том месте, «где найглубей».

В 1700 г. суд города Полтавы сослался на эту статью Литовского статута и полностью ее процитировал, вынося приговор некой Денисике, обвиняемой в убийстве мужа. Но поскольку подобная казнь была в Малороссии не принята, судья постановил мужеубийцу всего лишь четвертовать, то есть отрубить ей сначала ноги, потом руки и, наконец, голову.

Несладко жилось и ведьмам в Гетманате. «В 1709 году шляхта и селяне подвергли купанию некую пани Яворскую по подозрению в чародействе. Ее раздели догола, связали особым манером, установленным для подобного рода испытаний – то есть большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги, и таким же образом другую руку и ногу, а затем продели между связанными конечностями веревку и принялись окунать подозреваемую на блоках в реку и подымать ее верх. Так как она при этом тонула, то признана была невиновной»^[208].

Напомню, что в Российской империи смертную казнь отменила императрица Елизавета Петровна в 1741 г. Екатерина II восстановила смертную казнь, но применяла эпизодически.

Ну а в юго-западной части империи существовали совсем иные законы – людей закапывали живьем в землю, сажали на кол (в Запорожской Сечи),

ТОПИЛИ И Т. П.

Глава 25

Как Палий запалил Правобережье

Согласно русско-польскому договору «о вечном мире» 1686 года на Правобережье Россия присоединила маленький, но очень ценный правобережный анклав – Киев и Печерский монастырь с окружавшей его территорией, ограниченной речушками Ирпенью с севера и Стугной с юга и оканчивающийся на западной окраине окрестностей Киева у местечка Васильково (крайний западный пограничный пункт России до конца XVIII века).

Южнее устья реки Тясмины и до Запорожья территория по левую сторону Днепра принадлежала фактически и формально Войску Запорожскому, которое, согласно мирному договору, ставилось в вассальную зависимость с этих пор только от России, и в отношении которого с Россией польский король обязался не вмешиваться.

Отдельно был решен вопрос о принадлежности разоренных многолетней войной XVII века украинских городов на правой стороне Днепра, откуда бежало все население. Поскольку поляки не захотели уступать их России, то было постановлено, что города Ржищев, Трактемиров, Канев, Мошны, Сокольня, Черкасы, Боровица, Бужин, Воронков, Крылов и Чигирин, а также вся прилегающая к ним территория от местечка Стайки до устья реки Тясмин не будут ни заселяться, ни восстанавливаться, и останутся пустынными до тех пор, пока сейм и король не дадут полномочия на окончательное решение их судьбы, и потому дело об этой территории откладывалось обеими сторонами до лучших и благоприятных времен.

Фактически на Правобережье, особенно в его южной части, власть польских магнатов к 1686 г. была номинальной. Что же касается королевской власти, то она была номинальной во всей Речи Посполитой. Реальная власть на Правобережье принадлежала казацким старшинам.

Польский король Ян Собеский для борьбы с турками решил возродить на Правобережье казачество. В 1683 г. он приказал шляхтичу Куницкому начать набор казаков, и к концу года таковых набралось около 8 тысяч. Но в начале 1684 г. казаки убили Куницкого и выбрали своим гетманом Могилу.

Но к 1686 г. уже ни Могилы, ни единого командования у правобережных казаков не было, а значительная часть Правобережья

оказалась под властью самозванных казацких полковников. Наибольшую известность среди них приобрел Семен Филиппович Гурко, получивший прозвище Палий, то есть поджигатель.

Палий сделал своей резиденцией город Фастов или, как его тогда называли, Хвастов. Палий в молодые годы жил в Сечи и всегда поддерживал тесные связи с запорожцами.

Полякам как-то удалось схватить Палия и заключить его в башню в городе Немирове. Но Семен смог бежать оттуда. Освободившись, он узнал, что Фастов захвачен частной армией католического епископа. Палий собрал казаков, взял Фастов и перебил там всех ксендзов. Именно с тех пор он стал непримиримым врагом католической церкви.

В 1688 г. Палий обратился в Москву с просьбой о принятии его в подданство. Но правительница царевна Софья не желала войны с ляхами, и Палию было рекомендовано вместе с казаками перебраться в Запорожье.

Однако честолюбивый Палий не захотел стать местечковым полковником, а то и есаулом, и остался в Правобережье. У поляков не было возможности, а может и желания, отправлять большое войско против Палия и других полковников.

Статус у Палия и других полковников на правом берегу был более чем странным. Так, в 1693 г. войско Палия вместе с казаками Мазепы разгромили татар на реке Кодыме, за что получили от царя Петра ценные подарки.

Казаки Палия повсеместно громили панские усадьбы. Так, например, при разгроме двумя сотнями пливских казаков имения пана Стецкого один из вождей повстанцев, некий Прокоп, громко заорал: «За Вислу ляхов прогнати, щоб их тут и нога не ступала!»^[209].

Уверен, что подобный лозунг использовался всеми православными Правобережья.

На грабежи казацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба шляхты Киевского воеводства. Польский коронный гетман отправил к полковнику посланцев с требованием уняться. А Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, заявив: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король – царь турецкий, а гетман – господарь волоский, – бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничего не маш»^[210].

Сотник Палиева полка Цвель со своими казаками напал на каптурового ^[211] судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. «Козаки, встретивши его на дороге, закричали: “Бийте ляхов, бийте! Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!” С такими

словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили»^[212].

А, с другой стороны, Палий периодически отправлял письма к польскому королю, в которых стремился показать себя верноподданным Речи Посполитой, терпящим постоянные обиды от панов и ксендзов.

В 1700 г. коронный гетман послал под Фастов воеводу Цинского с 4 тысячами поляков. Пан Цинский подошел к Фастову, сжег посад, а затем ретировался. По версии украинских историков, отряд казаков напал с тыла на ляхов, и те были вынуждены отойти от Фастова. Поляки же утверждают, что Палий прислал Цинскому несколько бочонков с деньгами, и на том кампания была закончена ко всеобщему удовлетворению.

Любопытно, что некоторые польские паны привлекали казаков Палия для решения своих личных дел. Так, зимой 1700/1701 г. пан Микульский поссорился со своей соседкой панной Головинской, взял от Палия «привоведный лист» для набора своевольных казаков и с этими казаками напал на имение Головинской, выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей.

Польские паны ситуацию на Правобережье начали сравнивать со временами Богдана Хмельницкого в конце 40-х годов XVII века.

Примерно с 1694 г. отношения между Палием и Мазепой начали портиться. Фастовский правитель был слишком популярен на обоих берегах Днепра, а Мазепе в общем и целом было плевать и на православие, и на народ малороссийский, его основной целью было удержать гетманскую булаву. Поэтому Мазепа пытался всеми средствами дискредитировать Палия.

В 1701 г. поляки направили в Правобережье большие силы, в основном состоявшие из частных армий. Полковник Самусь отправил Мазепе грамоту с просьбой о помощи и осведомлялся о возможности ухода на левый берег в случае полной победы ляхов. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле»^[213].

А в своем донесении в Москву Мазепа высказывал соображения, что Самусь делает это по чужому наущению, поскольку сам он человек простой и необразованный, и едва ли без чужого совета додумался до этого. «Бунт распространяется быстро, – писал гетман, – уже от низовий Днестра и Буга по берегам этих рек не осталось ни единого старосты, побили много мещан – поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат,

что наступает новая хмельница. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может уживаться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут домогаться Киева и всей Украины»^[214].

По царскому указу в августе 1702 г. Мазепа пригласил Палия принять участие со своими казаками в войне против шведов. Палий ответил, что рад бы служить царю, да не смеет выйти, потому что на него собираются польские войска в Коростышове, и как только он выйдет, так они и Фастов разорят, и людей православных перебьют. «Всему свету известно, – выражался Палий, – что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине»^[215].

Полковник Самусь решил не ждать польских войск, а сам осадил Белую Церковь. 7 сентября из своего табора под Белой Церковью Самусь разослал всем казацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ малороссийский» быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе». Далее в универсале говорилось, что в настоящее время Самусь с казацким войском находится под Белой Церковью напротив неприятелей-поляков и будет добиваться, чтобы ляхи навсегда ушли из Малороссии и более не возвращались. Самусь писал: «Прошу вас, господа, приложите все старание ваше, соберите из всех городов поднестранных [приднестровских] охотное товариство в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, ты не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов»^[216].

Универсал этот был послан и к приднестровским казацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Самусь недаром обратился в Приднестровский край. Начавшись от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру. «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись...». Город за городом, село за селом избавлялись от господства поляков, и вскоре восстание докатилось уже до Каменца. Подоляне прислали к Палию гонцов просить его быть «патроном» народного восстания против ляхов.

Две недели простоял Самусь под Белой Церковью, и тут приехал к нему эмиссар от коронного гетмана Любомирского пан Косовский и

объявил, что если Самусь сложит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и евреи. Самусь отвечал: «Мы тогда будем желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской»^[217].

А тем временем на помощь Самусю подошел и сам Палий с 15 тысячами казаков. На выручку крепости двинулось и большое польское войско во главе с Яковом Потоцким и региментарем Рущицем. Ляхи заняли город Бердичев.

16 октября казаки Самуся внезапно ворвались в Бердичев и учинили там резню ляхов. Потоцкий и Рущиц бежали с небольшой частью своего воинства.

К концу ноября 1702 г. пала Белая Церковь. Трофеями казаков стали 28 пушек и большие запасы пороха. Палий въехал в город в карете, запряженной шестеркой лошадей, и объявил себя полковником белоцерковским. Казацкие полковники Палий, Самусь и Истра отправили Мазепе грамоту с просьбой принять Белую Церковь под власть царя.

А отряды Самуся двинулись на город Немиров. Местные казаки перешли на сторону повстанцев, и город был взят с ходу. Всех поляков и евреев казаки перебили, за исключением нескольких, согласившихся принять православие. Вскоре судьбу Немирова разделил и город Бар.

Зимой 1702/1703 г. появился в Подолии «полковник Войска Запорожского» Федор Шпак. Он объявил, что пань утесняют крестьян вопреки королевской воле. Шпак отличался тем, что не только резал католиков и евреев, но и продавал их целыми толпами татарам.

В числе восставших крестьян и казаков оказался и дворянин Данило Братковский. Он был, наверное, последним из русских дворян в Малороссии, сохранивший верность православию. Еще раньше Братковский напечатал по-польски сочинение под названием «Мир, пересмотренный по частям» («Swiat poczesci przejrzanu»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества.

Естественно, что Братковскому не нравилась религиозная политика ляхов в Подолии после изгнания оттуда турок. Так, королевским указом в Каменце не дозволялось селиться православным. Весь Подольский край в церковном отношении был изъят из ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно литовскому униатскому владыке, как будто там уже и не было, и не должно было быть православных.

Братковский в 1701 г. стал распространять свои сочинения в защиту

православной церкви. Полякам удалось схватить Братковского, его долго пытали и 25 ноября 1702 г. казнили в Луцке «мучительной смертью».

Гетман Мазепа не помогал восставшим на Правобережье. Тем не менее в ноябре 1702 г. он получил от царского резидента в Варшаве князя Григория Долгорукова следующее письмо: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20 000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов»^[218].

Под давлением казацкой старшины Мазепа написал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палия Белую Церковь в царское владение. Петр же вместо этого вновь приказал Мазепе усилить караулы на Днепре, дабы не пускать правобережных казаков на помощь повстанцам.

Царь отправил к Палию генерала Паткуля уговорить его передать захваченные территории королю Августу. Палий фиктивно согласился, но делать ничего не стал.

Во второй половине 1703 г. войско польского гетмана Сенявского сумело отбить у Самуся город Немиров, причем сам полковник ушел в Богуслав. Затем Сенявский осадил город Ладыжин, где с несколькими тысячами казаков засел полковник Абазын. Ляхи штурмом взяли город. Абазына посадили на кол. По разным сведениям, было перебито от двух до десяти тысяч казаков.

В феврале 1704 г. киевский воевода^[219] Потоцкий разбил отряд Федора Шпака. По приказу Потоцкого всем хлопам, заподозренным в участии в восстании, отрезали левое ухо и, по свидетельству современника, такому наказанию было подвергнуто до 70 тысяч человек. Польские суды по обвинению в мятеже приговаривали к смерти жителей целых селений. Их казнили скопом – правых и виноватых.

В январе 1704 г. Самусь и корсуньский полковник Истра бежали на левый берег и были приняты на службу к Мазепе.

В апреле 1704 г. Петр I приказал гетману Мазепе двинуть малороссийское войско на правый берег «чинить промысел над

нерасположенными к королю Августу панами, нещадно опустошая огнем и мечом их маетности»^[220].

Между тем Мазепа строчил царю донос за доносом на Палия, что тот сносится с панами Любомирскими и хочет поступить на службу к шведскому королю Карлу XII.

В мае Мазепа отправил 1300 казаков на помощь польскому королю Августу. 15 июля к войску Мазепы, стоявшему на польской территории, подошел отряд Палия. Гетман радушно принял полковника и обильно угостил его горилкой.

1 августа Мазепа пригласил в очередной раз в свою ставку Палия, арестовал его и отправил в заключение в Батуринский замок.

Между тем Петр I приказал Мазепе возвращаться домой. На Правобережье гетманская армия не вела боевых действий, а лишь грабила имения магнатов, перешедших на сторону короля Стася и шведов, как, например, тех же Любомирских.

12 октября 1704 г. Мазепа отправился с войском обратно и уже 29 октября прибыл в Батурин.

В августе 1704 г. Мазепа отправил на помощь полякам и саксонцам 10-тысячный отряд казаков под командованием переяславского полковника Ивана Михайловича Мировича. Казаки участвовали в обороне Львова и ряде других сражений. Поляки и немцы третировали казаков. В конце концов почти весь этот и другие ранее посланные отряды казаков погибли или разбежались, и в Малороссию в ноябре 1704 г. вернулось лишь несколько десятков человек вместе с полковниками Мировичем и Апостолом.

Петр 10 декабря издал указ, что оба полковника достойны смертной казни «за распускание казаков и за самовольный уход со службы», но по ходатайству гетмана простил их.

В начале 1705 г. Мазепа направил царю очередную кляузу на Палия, заявив, что держать его в Малороссии опасно. По царскому указу Палия в марте 1705 г. доставили в Москву, а в конце лета отправили в Сибирь в Томск на вечное поселение.

Глава 26

Измена Мазепы и первое изгнание запорожцев

Подробности Северной войны выходят за рамки нашего повествования. Но несколько слов о столь колоритной персоне, как гетман Мазепа, не сказать нельзя.

Почти три столетия иностранные и отечественные историки спорят, насколько измена гетмана Мазепы повлияла на решение Карла повернуть на юг. Не меньший предмет споров вызывает и сама личность гетмана.

Возьмем для примера нашего великого специалиста по Петру I Н.И. Павленко: «Иван Степанович Мазепа принадлежал к числу тех людей, для которых не было ничего святого. В нем в одном сосредотачивались едва ли не все пороки человеческой природы: подозрительность и скрытность, надменность и алчность, крайний эгоизм и мстительность, коварство и жестокость, любопытство и трусость. В случае надобности он умел под личиной покорности скрывать злобу, ловко плести интриги, мог быть беспредельно подобоострастным, внешне покладистым»^[221]. Увы, сей портрет ничего не имеет общего с реальным гетманом Мазепой.

Чего же на самом деле хотел Мазепа? Тот же Кочубей, а вслед за ним сонм отечественных историков, стали утверждать, что-де Мазепа хотел передаться польскому королю и включить Левобережную Украину в состав Речи Посполитой. Причем никто не замечает очевидной бредовости таких утверждений. Какому королю хотел поддаться Мазепа – шведскому ставленнику Стасю или отказавшемуся от престола Августу? Кстати, к этому времени польский сейм официально лишил их обоих власти и хотел выбрать третьего короля, но депутаты не сошлись в кандидатурах и на том разошлись.

Да, Мазепа мог собрать больше сабель, чем у обоих королей, вместе взятых. Главное же то, что и до войны власть польского короля была номинальной, и отдать Левобережную Украину Польше означало отдать ее под власть жадных и жестоких магнатов, гонителей православия. Естественно, этого не хотел ни простой народ, ни украинские шляхтичи. Мазепа мог писать чего угодно, обещать чего угодно, но его желание было – себя наследственным государем.

Повторяю, до поворота шведов на Украину Мазепа верой и правдой служил царю Петру. Когда к гетману пришла весть, что Карл от Смоленска повернул на Украину, он воскликнул: «Дьявол его сюда несет! Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу!»

Мазепа лучше, чем кто-либо другой в Малороссии, знал и лично видел 300 – 400-верстовую зону выжженной земли, которую делали русские перед шведской армией. И он не без оснований предполагал, что война обратит Малороссию в руины. Был у него и личный мотив. Ведь разорение Малороссии припишут не королю или царю, а ему лично. Поэтому даже в случае победы Петру придется менять гетмана. А претендент уже был – Алексахка Меншиков давно метил в гетманы и всеми правдами и неправдами лез в малороссийские дела.

Когда же Мазепа решил вступить в союз с неприятелем? Этот вопрос до сих пор вызывает споры историков. Во всяком случае, доносы на Мазепу с обвинениями в сношениях с королем Стасем и шведами шли уже как минимум два года.

23 октября 1708 г. племянник гетмана Андрей Войнаровский приехал в Борзну с известием, что вслед за ним едет в Борзну сам Меншиков и прибудет к обеденному времени в воскресенье. Сам Войнаровский говорил, что убежал от Меншикова тайно, бросив и свои возы и прислугу, потому что услыхал, как один офицер немецкого происхождения говорил другому офицеру: «Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах». «Я не знаю до сих пор, – пишет передающий события тех дней Орлик, – точно ли слышал это Войнаровский или Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех обольщать».

Но из письма Меншикова к царю видно, что Меншиков действительно имел тогда намерение посетить Мазепу.

Гетман, получив известие о приезде к нему Меншикова, тотчас «порвался как вихорь», по выражению современника, и поспешил в свой Батури́н. За ним поехали бывшие при нем старшины. В Батури́н он прибыл к ночи 23 октября. Последняя ночь, проведенная Мазепой в своей резиденции, прошла в распоряжениях. Нужно было отпустить царского полковника Анненкова, и гетман отправил его к Меншикову с письмом, в котором просил прощения своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно от Меншикова, и называл его поступок легкомысленным. Так под благовидным предлогом гетман успел удалить из Батурина царского наблюдателя, не смевшего, разумеется, подозревать за Мазепой ничего дурного.

Затем гетман поручил Батурин сердюцкому полковнику Дмитрию Чегелю, арматному (то есть пушечному, артиллерийскому) есаулу Кенигсену, немцу по происхождению, и батуринскому сотнику Димитрию. С ними в Батурине было оставлено четыре сердюцких полка (Чегелов, Покотиллов, Денисов и Максимов) и часть городских полков – Лубенского, Миргородского и Прилуцкого, другую часть этих полков гетман увел с собой.

Начальники, оставляемые в Батурине, уже знали о замысле Мазепы. Гетман наказывал им не сдавать города, если придут русские, отбиваться от них и дожидаться шведской помощи. Он уверял, что вернется скоро к ним на выручку и приведет с собой самого шведского короля с его храбрым войском.

Утром 24 октября гетман простился навеки с своей столицей, переправился через Сейм и в тот же день к вечеру прибыл в Короп^[222], переночевал там и утром 25 октября переправился через Десну у Оболонья^[223].

Вечером 28 октября Мазепа приехал к шведскому королю. Гетман представился ему на другой день, 29 октября.

Вместе с гетманом перешли всего 3–4 тысячи малороссийских казаков.

Но помимо гетманских казаков были и запорожцы! Об их позиции большинство отечественных историков предпочитают помалкивать.

Запорожцы постоянно конфликтовали с Мазепой. Они неоднократно писали, что прежние гетманы были им отцами, а Мазепа стал отчимом. По словам известного украинского историка Д.И. Яворницкого, «идеалом простой казацкой массы было сохранить вольности предков, но под верховенством “доброго и чадолюбивого монарха российского”»^[224].

Петр понимал это и 30 октября 1708 г. сразу после получения известия об измене Мазепы написал в Сечь на имя кошевого атамана Кости Гордиенко грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верным русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить» к ним свою милость, которой они раньше того были лишены из-за наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу.

В Запорожской Сечи возник раскол: старые казаки стояли за Петра, молодые же во главе с кошевым атаманом Костей Гордиенко были против. В конце концов запорожцы согласились поддерживать царя, но на следующих условиях: 1) Чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи. 2) Чтобы все мельницы

по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозки через Днепр у Переволочны, запорожцам отдать. 3) Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона скрыть.

Таким образом, запорожцы предлагали провести кардинальные изменения в Малороссии, но они непосредственно не задевали интересов России, да и лично царя. Однако личные амбиции Петра не позволили ему принять предложение запорожцев или хотя бы взять его за основу для переговоров. Максимум, на что был готов царь – на подарки старшине и жалование Войску Запорожскому. Русские войска начали занимать позиции для борьбы с запорожцами.

В самом начале марта 1709 г. царь писал князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьявол кошевой, уже явные изменники стали, и зело опасно Богородицкова не для города, но для артиллерии и амуниции, которой зело там много, а людей мало; того ради зело потребно один конный полк, хотя из тех, которые с Кампелем, послать в оную, и велеть оному там побыть, пока из Киева три полка будут в Каменный Затон, из которых велеть сот пять водоютуда отправить на перепену сему конному; впрочем извольте сами сему подобных дел смотреть; ибо я, отдаления ради, не всегда и не скоро могу слышать все»^[225].

В ответ 19 марта 1709 г. делегация из 80 запорожцев прибыла в Великие Будища – резиденцию Карла XII. Казаки получили аудиенцию у короля, который отнесся к ним крайне благосклонно. Во все время пребывания своего в Будищах запорожские депутаты предавались веселью до излишества. На прощание фельдмаршал Реншильд объявил десяти казакам, что они снова будут допущены к прощальной аудиенции у короля, но с условием не пить вина раньше обеда, так как король не переносит пьяных. Запорожцы, много пившие в последние дни, с трудом выдержали такое требование и простились с королем трезвыми, получив от него грамоту ко всему Войску Запорожскому.

В конце зимы 1709 г. начались стычки русских с запорожцами. Так, у местечка Царичанки 800 запорожцев атаковали бригадира Кампеля, у которого было три полка драгун (три тысячи человек). Запорожцы изрубили 100 драгун и 115 захватили в плен, потеряв своих только 30 человек. Молодое Запорожское войско и примкнувшая к ним малороссийская вольница составили почти 15-тысячное войско. Запорожцы вскоре овладели городками по рекам Орели, Ворскле и Днепру и везде оставляли в них по сильному гарнизону.

27 марта 1709 г. кошевой атаман Гордиенко с отрядом казаков прибыл в Великие Будища, где был принят шведским королем. 28 марта запорожцы

заключили договоры как с Мазепой, так и со шведским королем. Карл объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока Украина и Запорожье не будут совершенно изъяты у москалей.

Петр приказал Меншикову посадить три пехотных полка в Киеве на суда и отправить вниз по Днепру, чтобы покарать запорожцев. Параллельно по берегу должны были идти драгунские полки. Командовал карательной экспедицией полковник Петр Яковлев.

16 апреля Яковлев напал на местечко Келеберду, население перебил, местечко сжег. Затем наступила очередь городка Переволочны, где было около тысячи запорожцев и две тысячи местных жителей. Казаки и все население было перебито, в плен взято лишь 12 казаков и одна пушка. В Переволочне и вокруг нее были сожжены все дома, мельницы, лодки и т. п.

Отмечу, что полное разорение Переволочны стало впоследствии одной из главных причин гибели шведской армии. Затем Яковлев двинулся вниз по Днепру и сжег городки Новый и Старый Кодак.

10 мая Яковлев осадил Запорожскую Сечь. Яковлев потребовал капитуляции казаков, но те ответили, что признают власть русского царя, но солдат Яковлева в Сечь не пустят. В это время в Сечи не было кошевого, и среди казаков был разлад – большинство предпочитало помириться с Петром, другие предпочитали воевать. У Яковлева были все шансы кончить дело миром и вернуть запорожцев в русское подданство. Но он предпочел начать бомбардировку Сечи, а затем предпринял штурм. Сотни русских солдат на лодках устремились к острову. Казаки подпустили их на близкое расстояние, а потом в упор ударили из пушек и ружей. Свыше 300 солдат было убито, а несколько человек во главе с полковником Урном взяты в плен. Урн был казнен казаками.

Яковлев оказался в затруднительном положении и уже собирался отступить. Но 14 мая берегом к нему подошла подмога – большой отряд конницы, который возглавлял полковник Игнат Галаган, сам в прошлом казак.

Запорожцы издали увидели подходящую конницу и решили, что им на выручку идет кошевой с запорожцами и татарами. Запорожцы пошли на вылазку, но были отбиты. На плечах отступающих русские ворвались в Сечь. На острове завязался упорный бой. Но тут выскочил вперед полковник Игнат Галаган и закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали отбиваться, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда казаки бросили оружие. Но это был обман. Над сдавшимися казаками была устроена дикая расправа. Яковлев,

и в особенности Галаган, действовали при этом с неслыханной свирепостью. «Учинилось у нас в Сече то, что по Галагановой и московской присяге, товариству нашему голову лупили, шею на плахах рубили, вешали и иныя тиранския смерти задавали, и делали то, чего и в поганстве, за древних мучителей не водилось: мертвых из гробов многих не только из товариства, но и чернецов откапывали, головы им отсекали, шкуры лупили и вешали»^[226]. После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерло, 156 человек атаманов и казаков казнено, причем несколько человек было повешено на плотях, а плоты пущены вниз по Днепру на страх другим.

27 июня 1709 г. шведская армия была разгромлена под Полтавой^[227]. Карл был вынужден отступить к Переволочне.

Однако на берегу Днепра шведов ждала катастрофа, сопоставимая с Полтавой, а может, даже еще большая. Вода в Днепре поднялась, а переправочных средств в районе Переволочны не оказалось.

Добраться до правого берега Днепра удалось лишь трем тысячам шведов и запорожцев. Раненый король был переправлен на коляске, установленной на импровизированный понтон, состоявший из двух лодок.

30 июня в 11 часов утра генерал Левенгаупт, командовавший шведами, оставшимися на левом берегу Днепра, капитулировал перед русскими войсками. В плен сдалось 20 тысяч человек.

Карл и Мазепа вместе с уцелевшими запорожцами через 7 дней после переправы через Днепр достигли Буга и оказались в турецких владениях. Сколько осталось запорожцев при Карле XII – тоже неизвестно, во всяком случае, их было не более 3 тысяч человек.

17 июля 1709 г. новый гетман Иван Ильич Скоропадский подал на утверждение государя 9 статей, на основании которых Малороссия входила в состав Великой России. В 7-й статье говорилось о запорожцах: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы через измену утратили Сичь; но малороссияне пользовались оттуда солью, рыбою и зверями; поэтому просим, чтоб позволено было нам ездить туда за добычею и чтоб ни каменнотонский воевода, ни гарнизон не делали промышленникам обид и препятствий»^[228].

Однако царь был настроен против запорожцев, и на эту статью ответил: «На сей счет будет сделано последнее определение после, а теперь того позволить невозможно, потому что под этим предлогом бунтовщики запорожцы могут возгнестись на прежних местах и устроить бунтовския

собрания»^[229].

После разгрома царскими войсками Чортомлыцкой Сечи уцелевшие казаки во главе с атаманом Якимом Богушем ушли по протокам Днепра на турецкую территорию и поселились в урочище Алёшки почти у самого Днепровского лимана (ныне город Цюрюпинск). Однако большинство запорожцев оказалось в Бендерах.

После Полтавской виктории юг Правобережья был занят русскими войсками и казаками гетмана Скоропадского. Однако катастрофа на реке Прут в июле 1711 г. кардинально изменила ситуацию на Правобережье. Царю пришлось заключить с Оттоманской империей два крайне невыгодных договора 5 апреля 1712 г. и 13 июля 1713 г.

Согласно условиям договоров, Петр срыл укрепления Таганрога и вернул Азов туркам. На Днепре русскими были срыты Каменный Затон и Новобогородицкая крепость.

Царь обещал «запорожских козаков оставить в полном покое и не “вступаться” в них. “Его царское величество весьма руку свою отнимает от козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки”»^[230]. То же самое касалось и казаков-некрасовцев.

Петр обещал вывести все свои войска из Речи Посполитой. Особенно волновали турок русские полки на Правобережье.

В течение почти четырех месяцев продолжалась эвакуация русских войск и малороссийского населения с Правобережья. Лишь в конце 1714 г. царские войска покинули Белую Церковь и ушли за Днепр.

Запорожцы решили воспользоваться выводом русских войск и захватить Правобережье. Уже в ноябре 1712 г. кошевой атаман Костя Гордиенко послал своих людей на Умань и Корсунь.

Однако турки не были заинтересованы в усилении запорожцев, которое неизбежно привело бы Стамбул к войне с Россией и Речью Посполитой. Султан фактически санкционировал занятие Правобережья поляками. Большое польское войско под предводительством коронного гетмана Адама Сенявского оккупировало Правобережье, запорожцы же были вынуждены отступить в турецкие владения.

Запорожцы не только были изгнаны Петром из родных мест, но и после заключения мира лишились большей части своих доходов.

Как говаривали запорожцы: «Что такое казак без войны?! То же, что писарь без правой руки – без войны он и наг, без войны он и голоден.

Казаку воевать с басурманами – что соловью петь!»^[231].

Татары же охотно брали запорожцев с собой в набеги, но заниматься «индивидуальной трудовой деятельностью» категорически запрещали. Вот характерный пример. Ватага из 30 казаков, руководимая Грицьком Ковалем, отправилась в пограничный район красть коней. На Шаковом шляху они захватили три воза, охранявшиеся девятью татарами. Татары разбежались, а казаки разграбили содержимое возов: там оказались деньги, дорогие ткани и т. д., которые и разделили между собой. «После этого дележа гультаи разошлись в разные места степи и блукали до осени. Из них некоторые приблизились к Днепру и отогнали у миргородского полковника несколько коней»^[232]. Из сказанного не ясно, переправились ли запорожцы через Днепр или миргородский полковник пас лошадей на правом берегу?

«За такое разбойство запорожского гультайства поплатилось все запорожское войско. В Сичь прислан был от хана бей о полутора ста коней с татарами и потребовал с куреней удовлетворение за убытки по 100 талеров за каждого грабителя. Войско заплатило по сто талеров, давши в уплату и имущество грабителей, оказавшееся в Сиче; многих из гультьев потребовало в Сичу и одного из них повесило, все-таки уплатив и за него потерпевшим купцам 100 талеров. Всей суммы татары взяли с Коша на 5000 золотых, да такую же сумму, на 5000 золотых, войско оставило татарам на целый год от своих базарных доходов»^[233].

Кроме всего прочего, подавляющее большинство запорожцев испытывали ностальгию по родным местам и ощущали свою связь с Россией. Ну, поссорились с царем, обе стороны виноваты, так почему бы не покаяться и не вернуться в подданство Москвы? Никакой «вильной Украины» и не снилось запорожским казакам. Замечу, что подобных настроений не было среди некрасовцев – те принципиально не хотели возвращаться. Любопытно было бы спросить нынешних киевских профессоров: «Если казаков-запорожцев первой четверти XVIII века, рвавшихся в царское подданство, вы называете борцами за независимость, то как назвать тогда некрасовцев?»

Глава 27

Возвращение запорожцев и явление гайдамаков

С 1714 года Запорожское войско подчинялось и Крымскому ханству, и Турции. Любопытно, что хотя Чертомлыкскую Сечь и пространные территории по обе стороны Днепра запорожцы считали своими, в правовом отношении их положение в Османской империи было крайне неопределенным.

У султана запорожцы надеялись получить те же льготы, что и у царя, то есть исключительное право распоряжаться землями и природными ресурсами, льготы в торговле и ежегодное жалованье в виде продовольствия (зерна), тканей, боеприпасов и т. д. За это они обязывались охранять границы Московского государства и участвовать в его военных кампаниях. Однако подобная модель не устраивала ни Турцию, ни Крым. За все время пребывания под патронатом Крымского ханства запорожские казаки не получили никаких документов, подтверждавших их автономный статус. И прежде всего, запорожцы не получили исключительного права на пользование землей. Она передавалась им лишь во временное и ограниченное пользование, хотя в отношении природных ресурсов – рыбной ловли и охоты – ограничений не было. Для хранения рыбы казаки получили доступ к крымской соли, но после того, как они стали перепродавать ее украинским чумакам, ее доступные объемы были резко сокращены.

Первое время запорожцы получали хлебное и денежное жалованье от крымского хана, но в результате наступившего двадцатилетнего перемирия между Россией и Оттоманской империей Крым отказался от субсидирования казаков. Теперь жалованье и боеприпасы выделялись только тем запорожцам, которые привлекались к конкретным карательным акциям Крымского ханства против ногайцев и кубанских адыгов-черкесов, которые боролись за независимость от Крымского ханства. В карательных акциях в разные годы принимало участие до тысячи сечевиков, то есть каждый седьмой запорожец.

В качестве оплаты крымский хан позволял казакам брать пошлины за переправы через Днепр. Сбор пошлин с купцов на днепровских переправах был выгодным делом, и сечевые казаки на протяжении всей своей истории

стремились взять под свой контроль все транзитные пути через Днепр и облагать купцов и чумаков дополнительными налогами за «услуги по переправе» и «охрану». Естественно, купцы и чумаки были не в восторге от навязываемых им услуг.

Казаки получали огромные барыши не только от транзитной торговли и других видов деятельности, например, разведения скота, но и от эскортных услуг и торговли пленными, в том числе и шведами – своими союзниками, которых они с чистой совестью продавали в ясырь татарам.

Нападали казаки и на земли Гетманата и Слободской Украины и уводили в плен к татарам украинских селян и казаков.

1 октября 1727 г. в городе Глухове с одобрения Петербурга малороссийским гетманом был избран 70-летний миргородский полковник Даниил Апостол. Это возбудило надежды запорожцев на прощение и разрешение вернуться. Новая власть уже была не против возвращения казаков, но принципиально не хотела конфликта с турками.

23 мая 1728 г. в Сечи в Алёшках была собрана широкая рада. На той раде кошевым атаманом вновь избрали Костю Гордиенко. Судя по всему, это была победа богатых казаков. На следующий день к Алёшкам причалили 40 лодок с «гультиями». Произошел переворот, и новый кошевой Гордиенко с войсковым судьей оказались в кандалах.

Затем казаки разбили все армянские и греческие лавки, разграбили найденный в них товары, распили все шинковые напитки, а самих торговцев заставили бежать из Сечи в Крым. Разгромив торговцев и купцов, казаки начали отбирать у богатых казаков конские табуны и стада скота. Так, у одного только казака Шишацкого, которого в тот момент не было в Сечи, захватили около 500 лошадей.

Забрав все добро и соединившись с казаками новой Сечи, приезжие запорожцы переправились под Казыкерменем через Днепр и двинулись вверх к месту старой Сечи. А для тех казаков, которые жили ниже новой Сечи, прибывшие запорожцы послали 30 судов с несколькими казаками, которые приглашали всех поспешить в старую Сечь. Было велено: как только «низовые казаки» придут на перевоз и сядут на суда, тут же разобрать все строения в новой Сечи и поджечь, а людям идти на старую Сечь.

24 мая новая Сечь была уже пуста, а все казаки, которые жили по Днепру, по байракам и по лесам в особых пасеках и куренях, направились в старую Сечь (на Чортомлыке).

Царская бюрократия тянула время, и лишь 5 июня 1728 г. дело о возвращении запорожцев было рассмотрено на Верховном тайном совете в

Петербурге. Там приняли решение запорожцев не выдворять из старой Сечи, но и не пропускать их в Малороссию, за исключением малых групп, идущих с повинной.

А между тем и султан, и крымский хан слали гонцов к запорожцам с предложениями вернуться обратно в Алёшки. В конце концов запорожцы, прожив два года в Чортомлыцкой Сечи, вернулись опять в подданство султана. Но на этот раз они избрали местом для Сечи не Алёшки, а устье реки Каменки, составлявшей в то время границу между владениями Турции и России.

После возвращения в турецкое подданство запорожцы оказались в куда более невыгодном положении, чем до ухода. Ранее запорожцы пользовались большими угодьями, не платили налогов, а наоборот, получали от крымского хана жалованье – «ай лик». Позже вместо жалованья запорожцам разрешили беспошлинно (или с незначительной пошлиной) брать соль из лиманов и озер вблизи Перекопа.

В 1730 г. они лишились этой привилегии. Теперь «козаки должны были посылать в поход по первому призыву хана в помощь татарам 2000 и более того человек с кошевым атаманом во главе, причем ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцев в поход. Так, однажды запорожцы вместе с ханом ходили в поход на черкес и дошли до реки Сулак. Этот поход они считали очень убыточным и обременительным для себя. Кроме того, за ту же ханскую протекцию запорожцы не раз должны были ходить на Перекоп и бесплатно принимать участие в работах при возведении перекопских укреплений числом 300 и более того человек. Последнее требование более всего не нравилось козакам, имевшим особые понятия о чести “лыцаря”, несовместимые с понятием землекопа»^[234].

Запорожцам строжайше запрещалось иметь в Сечи пушки. Турки отобрали у казаков все остававшиеся при них пушки и впредь запретили им держать какую-либо артиллерию. Однажды в Запорожье произошел такой случай: запорожские рыбаки заметили после малой воды у левого берега Днепра, в урочище Каратебень, небольшую пушку и сообщили об этом кошевому атаману. Атаман решил лично проверить сообщение рыбаков и обнаружил у днепровского берега еще 50 пушек. Опасаясь, что найденные пушки отберут турки, он отдал строжайший приказ содержать их в одном зимовнике тайно от запорожской черни. Кроме того, турки запретили запорожцам строить какие бы то ни было укрепления как в самой Сечи, так и в других казацких поселениях.

Теперь запорожцам запрещалось сношаться с Россией и ездить в русские города, вести торговлю в Очакове и Крыму. Позволялось лишь

получать там товары и отвозить их не дальше Сечи. В самой же Сечи разрешалось торговать только крымцам, очаковцам, грекам, евреям и армянам.

Татары сурово карали казаков за содействие побегу невольников-христиан. «Если у татар исчезали какие-нибудь пожитки, табуны коней, стада волов, отары овец или же пропадали сами хозяева-татары, если при этом казаки уличались в покраже скота или в убийстве хозяев-татар, то за скот с них взымались деньги вдвойне или втройне, а за людей брались виновные и невинные козаки; в случае несостоятельности виновных козаков, татары накладывали пени на весь курень, а в случае отказа со стороны куреня, виновных брали головой и только в редких случаях при обоюдных ссорах и захватах с той и другой стороны допускали обмен скотом и людьми»^[235].

Хан запретил казакам нападать на панские владения на Правобережье. Так, однажды по жалобе панов хан взыскал с запорожцев огромную по тем временам сумму – 2400 рублей.

Здесь мне бы не хотелось представлять запорожцев разбойниками, обижавшими культурных и добропорядочных панов. Паны сами были отпетыми разбойниками.

В 20 – 30-х годах XVIII века польские магнаты приступили к заселению пустующих земель – Чигиринского, Черкасского и Каневского уездов. Туда паны силой и посулами сгоняли десятки тысяч малороссийских крестьян. Характерный пример – князь Ксаверий Любомирский велел своим «окличникам провозглашать на ярмарках, что «кто придет к нему с чужой женой и чужими волами, он такого не выдаст и за такого будет стоять».

Помещики на берегу ставили «фигуры», то есть кресты с повешенными на них снопом жита, цепом и серпом – знак приглашения и увольнения от повинностей. Число колышков на столбе означало количество лет без повинностей и податей^[236].

Так поляки вопреки «вечному миру» заселили Чигиринский, Черкасский и Каневский уезды и восстановили в них укрепленные городки.

Полякам удалось уничтожить на Правобережье малороссийское казачество. Зато там появляются гайдамаки. Впервые о них упоминается в 1717 г. в универсале региментария (главного воинского начальника на Правобережье) Яна Галецкого: «Милостивых панов моих, господ помещиков, всех вообще, усиленно прошу немедленно извещать моего наместника, пана Ольшевского, о пребывании своевольных куп

гайдамацкой сволочи, где бы таковые ни находились, особенно же в воеводстве Брацлавском и части Киевского, то есть в Украине, вовсе их не охраняя; особенно же панов губернаторов (то есть управляющих) и войтов прошу обратить внимание на то, что они будут отвечать перед Речью Посполитою в случае, если обнаружится связь кого-либо из них с своевольными людьми».

Судя по всему, слово «гайдамак» пошло от турецкого слова «гайда», то есть изгой, смутьян. Население же Правобережья и даже Галиции стало гордиться этим названием, вспомним песню: «Мы гайдамаки, мы вси однакі».

Понятно, что значительную роль среди гайдамаков играли запорожцы. Хотя официально Запорожское войско не участвовало в восстании, но отдельные отряды постоянно отправлялись на Правобережье.

Сохранились показания взятых в плен гайдамаков. Казак Андрей Суляк сообщил, что в тех местах, где он побывал со своим отрядом, «уже не оказалось ни одного еврея, так как здесь раньше побывали запорожские казаки... Жалованья же никакого казаки не получают, но им позволено грабить евреев и ляхов и убивать первых». Казак Петр Демьянович показал, что в Замехове они нашли на берегу реки, в тростниках, двух спрятавшихся евреек, которых они и убили. Казаки удивлялись небрежности своих предшественников, говоря: «Что это за казаки, по уходе которых еще оказываются ляхи, жида и ксендзы; после нас ничего уже не останется, всех перебьем».

Украинский историк Владимир Антонович в «Исследовании о гайдамачестве» подчеркивает тот факт, что «гайдамачество исключительно проявлялось в польской Украине, и никогда не обращалось на Малороссию»^[237].

Гайдамаки часто скрывались от преследования поляков на Левобережье, считая «колонию России» дружественной территорией, и старались воздерживаться от разбоев.

Поляки «беспрестанно толкуют о “врожденной хлопской злости” (innata malitia), о склонности крестьян забывать “законы, как Божественные, так и государственные по отношению к помещикам”, о необходимости строго наблюдать за ними и т. д. “Хлопы там бешенные, склонные ко всем дурным предприятиям”, – говорит офицер Скульский, описывая свой поход на Украину. “Ледуховские, не обращая внимания на то, что подданные в Украине склонны ко всякому своевольству, не измышляют достаточных средств для их усмирения”, – говорит шляхтич Трипольский в жалобе на своих соседей. “Подданные из местечка

Норинска, поступая по негодному своему обычаю, исполненные гайдамацкой дерзости... и естественной ненависти и злорадства к католической вере”, бесчинствуют против шляхтичей, – по словам жалобы дворянина Гулевича»^[238].

1 (11) февраля 1733 г. в Варшаве умер приехавший на сейм король Август II. Началось «бескорольевье». Людовик XV решил возвести на польский трон своего зятя – отставного короля Станислава Лещинского. Саксонцы предложили своего курфюрста Августа, сына покойного Августа II. В итоге в Речи Посполитой началась очередная гражданская война. В августе 1733 г. генерал-аншеф П.П. Ласси с Рижским корпусом через Курляндию двинулся в Литву.

Литовские паны не оказали никакого сопротивления русским войскам. Некоторые паны приезжали к Ласси и высказывали поддержку действиям русской императрицы.

Полная индифферентность населения к вторжению иноземных войск, возможно, вызывает удивление у современного читателя, однако польские паны давным-давно привыкли призывать иноземные войска для решения своих внутренних распрей, да и передвижение армий других государств по территории Польши было тогда скорее нормой, чем исключением.

В мае 1734 г. французский флот прибыл в Данциг и высадил три пехотных полка. «Избирательная кампания» набирала силу по всей Речи Посполитой.

В ходе оной кампании в Правобережье вступил русский корпус князя Шаховского «для разорения местности сторонников Станислава Лещинского». Население Правобережья восстало и начало громить польских панов, не разбирая их политической ориентации. Замечу, что в составе корпуса было около 30 тысяч малороссийских казаков под началом Якова Лизогуба.

Когда русские войска вошли в Умань, их штаб разослал воззвание к сторонникам саксонской партии, приглашая их присоединиться к нему и присылать своих дворовых казаков и других людей, чтобы общими силами действовать против сторонников короля Стася. Получив такое воззвание, начальник дворовых казаков князя Любомирского Верлан стал распространять среди населения слухи, что царица Анна прислала указ, призывающий население подниматься, избивать поляков и евреев и записываться в казаки. И для этого московское войско вместе с казацким идет в Малороссию. А когда Малороссия будет очищена и «заведется в ней казацкое устройство», тогда ее отберут из-под власти Польши и присоединят к Гетманщине. Слухи эти произвели на население сильное

впечатление, и народ начал активно записываться в казаки, заводил у себя «казацкое устройство», стали организовываться казацкие десятки и сотни. Верлан принял титул полковника и назначал от своего имени сотников и прочую старшину.

Таким образом, собрав значительные силы, Верлан начал совершать набеги. В Брацлавском воеводстве он разрушал польские и еврейские усадьбы, поднимал население и велел присягать на подданство царице. Затем Верлан со своим воинством перешел в соседнюю Подолию, где занимался тем же. Следующей стала Волынь, где Верлан в нескольких стычках разгромил небольшие польские отряды, и вот уже его казацкие разъезды стали появляться в окрестностях Каменца и Львова, взяли Жванец и Броды.

Тем временем на «выборах» победил саксонский кандидат, который и был коронован 25 декабря 1734 г. в Кракове под именем Августа III. После этого Россия оставила свои войска на Правобережье, но они не только не помогали гайдамакам, но в ряде случаев действовали против них. Тут при желании можно обвинить императрицу Анну Иоанновну и ее правительство в предательстве населения Правобережья. Но тут у Анны есть ряд смягчающих обстоятельств. Во-первых, русское правительство ничего не обещало гайдамакам и селянству. Ну а во-вторых, Россия сама оказалась в крайне тяжелом положении. Луи XV, обиженный на зятя, двинул две армии в Германию, а оттуда направил войска в Польшу. В ответ в июне 1735 г. русская армия под командованием генерал-аншефа Ласси двинулась из Польши в Силезию и на Рейне соединилась с австрийской армией принца Евгения Савойского. Появление русских на Рейне вызвало шок в Версале. Луи XV отозвал зятя Стася из Польши и приступил к мирным переговорам.

В том же 1735 году началась русско-турецкая война. Как видим, Россия не имела физической возможности затевать еще и войну с Речью Посполитой, тем более что ее королем был Август III, пришедший к власти на русских штыках.

Тем не менее, русские власти в большинстве случаев смотрели сквозь пальцы на гайдамаков, скрывавшихся на Левобережье.

Но вот 5 октября 1763 г. в Дрездене умирает саксонский курфюрст и по совместительству польский король Август III.

Вновь начинается «предвыборная кампания». Однако к тому времени на территории Польши уже находился «ограниченный контингент» русских войск. Русские штыки и русские червонцы сделали свое дело. С 5 (16) по 15 (26) августа 1764 г. тихо прошел избирательный (элекционный) сейм.

Граф Понятовский был единогласно избран королем под именем Станислав Август IV. Паны этим были крайне удивлены и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало. В Петербурге тоже сильно обрадовались, Екатерина писала Панину: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали».

В сентябре Репнин приступил к выплате гонораров. Королю Стасю он выдал 1200 червонцев, но тут вмешалась Екатерина и прислала еще 100 тысяч червонцев. Август-Александр Чарторыйский получил от Репнина 3 тысячи червонцев. Премасу Польши обещали 80 тысяч, но пока выдали лишь 17 тысяч. Персонам помельче и давали соответственно. Так, шляхтич Огинский, автор знаменитого полонеза, получил на содержание своей частной армии всего только 300 червонцев.

Россия и Пруссия издавна требовали от поляков прекратить гонения на диссидентов, под которыми тогда понимались не политические оппоненты, а православные и протестанты. Еще в 1653 г. посол царя Алексея Михайловича князь Борис Александрович Репнин потребовал от польского правительства, чтобы «православным русским людям вперед в вере неволи не было, и жить им в прежних вольностях». Польское правительство не согласилось на это требование, и следствием этого стало отделение Малороссии. Через сто с небольшим лет посол императрицы, его праправнук Николай Васильевич Репнин предъявил те же требования.

Под нажимом Репнина, стянувшего русские полки к Варшаве, сейм 21 февраля 1768 г. утвердил предоставление православным и протестантам свободы совести и богослужения, избавление их от юрисдикции католических судов, частичное уравнивание в гражданских правах представителей всех конфессий. Разумеется, о полном равенстве конфессий речи не было. Католицизм по-прежнему считался государственной религией. Переход из католичества в другую веру считался уголовным преступлением и т. д.

Решение сейма, формально обязательное для всей страны, вызвало обратную реакцию. Вот донесения русских агентов, собранные в канцелярии президента Малороссийской коллегии Румянцева: «Особым привилеем король Станислав-Август позволял свободу исповедания православным жителям Украины. От имени короля и по его приказанию вице-канцлер коронный Млодзиевский писал внушительные письма униатскому митрополиту и епископам, а также главнейшим украинским помещикам Яблоновскому, Любомирскому и Сангушке, требуя прекращения гонений на православных и законного с ними обращения. Независимо от того Мелхиседеку выданы были из коронной метрики за

королевскою печатью копии грамот прежних королей на свободное исповедание православной веры...

Гонения между тем на православных не прекращались во все время путешествия Мелхиседека, продолжавшегося около года. Когда же с возвращением его началось в украинских церквах чтение королевского привилея, ограждавшего свободу православия, это, с одной стороны, высоко подняло дух народной массы, с другой – довело до исступления их врагов и вызвало этих последних на новые жесточайшие преследования исповедников православия.

Польша находилась тогда в периоде полного разложения; то была пора полного бессилия закона и всякой власти не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась над выданным королевским привилеем, указывая для него самое непристойное назначение; шляхтич Хайновский азартно кричал: “и королю отрубят голову за то, что схизматикам выдал привилей”.

Возвращение к православию только что приневоленных “боем нещадным” к унии сочтено было бунтом, ходатайство Мелхиседека пред императрицею и королем – тяжким преступлением, сам он объявлен бунтовщиком, достойным самой тяжелой кары. Такой декрет выдан был на него и на всех непокоряющихся унии от радомысльской униатской консистории. Видно, упомянутые письма вице-канцлера ценились еще менее, чем королевский привилей. Этим декретом отпавшие от унии священники объявлялись лишенными своих мест и подлежащими строгому телесному наказанию и изгнанию, на непокорные громады налагались огромные денежные штрафы, с обращением их на постройку миссионерского дома и содержание миссионеров унии. И все это должны были привести в исполнение агенты помещичьей власти, под опасением суда латинской консистории...

Сам Мелхиседек потребован был к суду униатского официала Мокрицкого. Командам пограничных форпостов на Днепре отдан был строжайший приказ не пропускать никого в Переяслав, сношения внутри в такой степени были стеснены, что, по выражению Мелхиседека, никуда не пускали “а ни человека, а ни жида”. Всякая попытка пробраться к епископу для рукоположения, получения антимины или иной надобности наказывалась самым жестоким, киев в триста, боем.

На одном из таких форпостов схвачен был и Мелхиседек, возвращавшийся из Переяслава, и, после всевозможных личных над ним насилий и издевательств, завезен был в кандалах на Волынь и там, в м. Грудке, замурован в каменной тюрьме, где едва не лишился жизни.

Вступившее пред тем в Украину польское войско, так называемая украинская партия, под командою Воронича, навела ужас на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народ массами сгоняли на работы в обоз под м. Ольшаной. Воронич рассылал летучие отряды для усмирения бунтующихся, т. е. не желающих принять унии, и карал жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека в Переслав сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова в конюшне, млиевский ктитор Даниил Кушнир всенародно сожжен в обозе под местечком Ольшаной. В то же время униатский официал Мокрицкий, утвердивши свою резиденцию в Корсуне, с толпою инструкторов и инстингаторов, с отрядами вооруженных козаков, разъезжал по Украине, брал с бою церкви, ловил монахов и священников, бил их смертно заковывал в железа, забивал в кандалы и под караулом отправлял в Радомысль, где им снова давали по 600 и 800 ударов, бросали в смрадные ямы, заставляли тачками возить землю.

Не лучше было и положение мирян: над ними производили неизобразимые и неисчислимые насилия, иных до смерти забивали, другим рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское щеголяли друг перед другом в изобретении мук и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволие спорили с фанатизмом и непримиримою злобою. Так называемые похвалки, или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятение и ужас народа. Нередко целым громадам объявлялся смертный приговор, назначался день и час казни, или же без означения срока грозили всех истребить поголовно. “Людам смертным страх мечтался, и все лишения имущества и живота ожидали”. По местам действительно готовились к смерти, надевали чистые рубахи, исповедовались, приобщались, на веки прощались; в других местах поголовно оставляли жилища, уходили в леса, горы и дебри.

В глумлениях, издевательствах шляхты и причитаниях при совершении истязаний ясно слышалось, против кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: “ото тебе бьет благочестие твое”; “о то тоби за государыню, за короля, за св. правительствующий синод, за архиерея и за вся православные христиане”; “а пу-те-ж, нуте лучше того грека”. Били “смертно розками, дисциплинами, барбарами”, били нагаями и киеми, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: Помилуй мя, Боже и Блажени непорочнии, били “духу послухаючи”, т. е. пока душа в теле держалась. А со стороны народа один был ответ: “отнимите у нас жизнь, но мы не хотим быть в унии”. “Пристань, ксиенже, на едність, то велю сейчас из пушек палить”, – говорил комиссар Еаменский Мелхиседеку, попавшему в руки

униатов и не раз бывшему уже на волос от смерти; но тот отвечал: “хотя и безвременно пропаду, но за веру пострадаю; на унию-ж не пристану”»^[239].

Однако магнаты не ограничились расправами над православными на местном уровне, а решили начать полномасштабную гражданскую войну (большой рокош). В начале 1768 г. недовольные паны собрались в городке Баре в 60 верстах к западу от Винницы и создали там конфедерацию. Они выступали против решения сейма и самого короля Станислава-Августа Понятовского. Во главе конфедерации стали подкормий Рязанский Каменский и известный адвокат Иосиф Пулавский.

Конфедераты начали боевые действия против русских войск и частных армий магнатов – сторонников короля Стася.

В ходе одной из операций конфедераты посадили на кол нескольких казаков в местечке Смилянщина. Среди казненных оказался и племянник матренинского игумена Мелхиседека – эконома переяславского архиерея. Разгневанный игумен решил отомстить, но вместо сабли взялся за перо и очень ловко подделал указ Екатерины II: полный титул императрицы был написан золотыми буквами, имелась государственная печать и т. д. В указе содержался призыв защищать веру православную и бить нещадно польских панов.

Этот указ Мелхиседек показал нескольким запорожским казакам, прибывшим на богомолье в Переяслав^[240]. Старший среди запорожцев Максим Железняк отвечал игумену, что с несколькими десятками запорожцев он не может начать этого дела. Тогда игумен сказал ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас».

Любопытно, что поддельный указ Екатерины был очень похож на настоящий, а главное, полностью соответствовал интересам как правительства, так и русских войск, воевавших с конфедератами. Поэтому, когда Румянцеву доложили об «указе», то он поначалу обиделся, почему указ отправлен казакам в обход его, главы Малороссийской коллегии, и сделал соответствующий запрос в Санкт-Петербург.

На следующее утро по обретению «указа» восемьдесят запорожцев во главе с Железняком форсировали Днепр и пошли гулять по Правобережью. Как писал С.М. Соловьев, они «поднимали крестьян и казаков, истребляя ляхов и жидов. На деревьях висели вместе: поляк, жид и собака – с надписью: “Лях, жид, собака – вера однак”»^[241].

Далее Соловьев писал: «Пришло требование Барской конфедерации, чтобы выслали в Бар всю милицию и казаков воеводы киевского. Но воевода распорядился иначе: он велел Цесельскому забрать всех казаков и поставить их на степи, над рекою Синюхою, составлявшею границу с Россиею, а к Пулавскому написать, что вместо казаков, которые будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованьем и провиантом в Бар. Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны воеводской сформированием милиции, назначили на этот предмет чрезвычайный подбор с казаков – и все это когда казацкий бунт кипел по соседству и уманьские казаки стояли в степи, на Синюхе, под начальством сотников – Дуски, Гонты и Яремы, готовые союзники для Железняка.

Одни жида чужали беду и явились к Цесельскому с представлениями, что надобно остерегаться Гонты, тем более что он теперь главный: Дуска умер в степи. Жиды говорили, что Гонта наверное сносится с Железняком; что есть слух, будто Гонта предлагал Дуске соединиться с Железняком, но будто тот отвечал: “Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать”.

Напуганный жидами, Цесельский послал приказ Гонте немедленно явиться в Умань. Тот прискакал и был сейчас же закован в кандалы, а на другой день уже вели его на площадь, под виселицу. Но со счастливой руки Хмельницкого казацких богатырей все спасали женщины. И тут взмолилась за Гонту жена полковника Обуха: “Оставьте в живых, я за него ручаюсь”. Тронутся Цесельский просьбами пани Обуховой и отпустил Гонту – опять в стан на Синюху начальствовать казаками! Жиды увидели, что судьба их в руках того, кого они подвели было под виселицу: они наклали брыки с сукнами и разными материями, собрали денег и отвезли Гонте с поклоном: “Батюшка! Защити нас!” Гонта сказал жидам: “Выхлопочите у пана Цесельского мне приказание выступать против Железняка”. Жиды выхлопотали приказ; но Цесельский велел троим полковникам принять начальство над казаками. Эта мера не помогла; на дороге Гонта объявил полковникам: “Можете, ваша милость, ехать теперь себе прочь, мы в вас уже не нуждаемся”. Полковники убрались поскорее в Умань, а Гонта соединился с Железняком. Скоро вся толпа явилась под Уманью; в ближнем лесу разостлали ковер, на котором уселись Железняк с Гонтой, казаки составили круг, и какой-то подьячий читал фальшивый манифест русской императрицы. Потом началась попойка и шла всю ночь»^[242].

На следующий день Умань капитулировала перед казаками. Паны Младанович и Рогашевский договорились с казаками, что «1) казаки не

будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут; 2) в жидах и их имении казаки вольны»^[243].

После заключения капитуляции все поляки пошли в костел, а казаки ворвались в город и начали убивать евреев, но затем вошли в раж и перебили шляхту.

Окрестные крестьяне, не дожидаясь гайдамаков, резали поляков и евреев, вооружались и шли к Умани. Железняк объявил себя воеводой киевским, а Гонта – брацлавским.

Ненависть гайдамаков к евреям хорошо иллюстрирует устный рассказ, записанный Пантелеймоном Кулишем. Во время стоянки гайдамаков в Матрешинском лесу атаман за какую-то провинность отчитал казака и назвал его жидом. Казак дико заорал: «Тик я жид!», схватил пистолет и в упор застрелил атамана. Казаки схватили стрелявшего и собрались его казнить, но тот взмолился: «Послушайте, Панове. Да где ж видано, чтоб казака да жидом ровняли? Так и вы уси жида, коли я жид». Те казаки выслушали всю причину и сказали: «Правда – собаке собачья смерть!»

Любопытна и оценка восстания гайдамаков, данная польским королем Станиславом-Августом Марии Жоффрэн: «Восстание этих людей не шутка! Их много, они вооружены и свирепы, когда возмутятся. Они теперь побивают своих господ с женами и детьми, католических священников и жидов. Уже тысячи человек побито. Бунт распространяется быстро, потому что фанатизм религиозный соединяется у них с жаждою воли. Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечом против фанатизма католического и шляхетского. Верно одно, что без Барской конфедерации этого нового несчастья не было бы»^[244].

Независимо от гайдамаков войну с конфедератами вели и русские регулярные войска. Формально они выполняли просьбу польского сената, который 27 марта 1768 г. просил Екатерину II «обратить войска, находившиеся в Польше, на укрощение мятежников».

Подполковник Ливен с одним батальоном пехоты занял Люблин, конфедераты бежали без боя. Полковник Бурман взял Гнезно. Главным начальником войск, действовавших против Барской конфедерации, был назначен генерал-майор М.Н. Кречетников. Вскоре он взял Бердичев, генерал-майор Подгоричани разбил сильный отряд конфедератов, шедший на помощь Бердичеву, генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом, генерал-майор князь Прозоворский побил конфедератов у Брод.

Честно говоря, ратные подвиги не мешали нашим отцам-командирам грабить. Посол Репнин отправил в Петербург полковника Кара, чтобы тот

рассказал «о мерзком поведении» Кречетникова. В письме Репнина говорилось: «Корыстолюбие и нажиток его так явны, что несколько обозов с награбленным в Россию, сказывают, отправил и еще готовыми имеет к отправлению. Все поляки и русские даже в его передней незатворенным ртом его вором называют».

Вот этому генералу Кречетникову императрица и поручила подавить бунт гайдамаков, поскольку конфедераты в панике бежали от казаков. Повстанцы получили от русского командования предложение о совместном нападении на Могилев. Гайдамаки расположились поблизости от русского лагеря. Вечером 6 июня 1768 г. Кречетников пригласил к себе на ужин ни о чем не подозревавших Железняка, Гонту и других атаманов и тут же арестовал их. Русские солдаты напали на оставшихся гайдамаков и перехватили большинство из них.

Железняка как русского подданного «варвары московиты» отправили в Сибирь, а Гонту и 800 гайдамаков, родившихся на Правобережье, передали полякам. Просвещенные пань подвергли Гонту квалифицированной казни, которая длилась несколько дней. Там было и снятие кожи, и четвертование, и т. д., что представляет больший интерес для психиатров, занимающихся проблемами садизма, нежели для историков.

Восстание гайдамаков было подавлено, но бесчинства панов конфедератов продолжались по всей Речи Посполитой. Станислав Понятовский оказался слабым политиком, но, я думаю, что будь на его месте и волевой человек, и он не сумел бы прекратить буйство панов.

Глава 28

Як селяне та козаки тикали с Вильной Украины

Ну а как малороссийский народ относился к польскому, а позже к гетманскому беспределу? Он голосовал против, причем самым надежным и неподдающимся фальсификации способом – ногами!

Осенью 1675 г. запорожский кошевой атаман Серко вместе с донским атаманом Фролом Минаевым, приведшим 200 казаков, и царским окольным Иваном Леонтьевым (2000 стрельцов) ходили на Крым.

У Перекопа Серко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями Запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем среди них и были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Подавляющее большинство пленников составляли уроженцы Малой России. Там уже 22 года нет поляков, существует, как говорят в Киеве, «суверенна украинска держава». А чуть ли не каждый второй не хочет возвращаться в вильну Украину, а предпочитает рабство у басурман.

Серко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Серко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда господня, вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную без прощенья гибель».

От беспредела панов, а позже гетманов, полковников и старшин в Малой России в XVI–XVIII веках бежали миллионы крестьян и казаков.

С середины XVI века Россия постоянно отодвигает границы на юг, постепенно колонизируя полосу за полосой Дикого поля.

С 1580 г. по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей – Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны,

Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты – остроги.

В 1635 г. Московское правительство начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии – Белгородской черте, протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. Белгородская черта проходила от Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Усерд, Ольшанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 с лишним лет.

И куда же бежали сотни тысяч беженцев с запада?

Казаки, крестьяне и мещане из Малороссии перемещивались с потоком переселенцев из центральных районов России. Активно участвовала в переселенческой политике и Русская православная церковь. Так, например, Святогорский Успенский монастырь на Донце ниже Изюма существовал уже в 1624 году. Раньше других селений был основан и Дивногорский монастырь на Дону в 7 верстах ниже Коротояка.

Откроем великолепное описание Российской империи, сделанное в 1725–1727 гг. обер-секретарем Сената Иваном Кирилловым. Вот, к примеру, описание «Белгородской провинции»: «Прежде разделения губерней до 710 году был украинский Белгородский полк или Белгородский разряд... А с 724 году все те украинцы положены в подушной оклад на полки армейские и гваризонные против крестьян, да с них же вместо помещикова дохода до 40 копеек з души и содержится на тех четьрегравенных деньгах выбранная ис тех укранцов конная лантмилиция»^[245].

Показать бы это описание самостийным историкам. То-то бы они радовались: оказывается, Белгород в 1725 г. был украинским городом! Увы, нет, не украинским, а украинным, то есть пограничным, и конная лантмилиция была пограничной охраной. Русский язык нужно знать, господа самостийники, – «Сидоров поехал ЗА границу: в Малороссию, в Германию, в Англию, а Петров – НА границу (на Украину)»!

Отметим, что все фамилии, упомянутые Кирилловым в Белгороде, великорусские: воевода Петр Лачинов, купеческий фискал Иван Панкратов и т. д. А в Чугуеве к 1725 г. было 214 казаков из крещеных калмыков, из

тех, которые в 1709 г. пришли к Полтаве с Аюк-ханом.

В уездах Белгородской губернии были пять донских слободских полков – Сумской, Ахтырский, Рыбенский, Изюмский и Харьковский. Все они с 1726 г. подчинялись Военной коллегии, то есть входили в состав русской армии. Кроме того, в Белгородской губернии дислоцировались четыре драгунских полка – Новгородский, Ингерманландский, Астраханский и Пермский. К ним были приписаны 241 076 душ в Белогородской провинции.

Рядом с Белогородской находилась Севская провинция. В Севске дислоцировался украинный Севский полк (опять-таки пограничный полк). Главными городами провинции были Карачев, Брянск, Рыльск, Путивль. Как видим, многие из этих городов знакомы нам по драме «Борис Годунов». Они принадлежали России еще при Василии III.

Любопытна история основания Харькова, данная Грушевским: «В 1654 году встречаем первых поселенцев в Харькове, на следующий год они строят здесь город»^[246].

Вот и все. Сами, мол, щирые украинцы пришли и город основали.

Позже возникла целая мифология об основании Харькова. По одной из версий, город основал атаман Иван Каркач, по другой – некий Харитон по прозвищу Харько (надо полагать, из-за размеров «харизмы»). Наиболее романтична история о некоем Андрее Квитко, который якобы похитил малолетнюю дочь киевского воеводы и бежал с ней в места не столь отдаленные, где и основал город.

На самом деле на месте нынешнего Харькова было русское городище домонгольского периода. 28 марта 1656 г. царь Алексей Михайлович отправил указ чугуевскому воеводе Сухотину (Чугуевская крепость в 86 верстах от Харькова) строить крепость Харьков. Строителем крепости был назначен Воин Селифантов. Крепость была построена к 1658 году.

Если бы большевики росчерком пера не отдали бы Харьков Украине, стоял бы воеводе Сухотину и военному инженеру Воину Селифантову на пьедестале в центре Харькова. Но москалям не место на современной Украине, даже если они построили первую столицу СССР. Из всех мифологических персонажей самостийники выбрали Харько. Кандидатура Квитко тоже рассматривалась, но у него с происхождением неладя – есть в роду москаля, да и не должен щирый украинец соблазнять дочек московских воевод. И вот 22 августа 2004 г. в Харькове был открыт конный памятник гарному казаку Харько с копьём в руке и колчаном с луком и стрелами. Автор памятника – вездесущий Зураб Церетели.

В книге Грушевского за главой «Слободжанина» следует глава

«Культурная жизнь Восточной Украины». Цитирую: «С точки зрения общественной, как видим, Гетманщина и Слобожанщина с их строем все более теряли свою ценность. Народное и казацкое самоуправление отчасти было уничтожено московским правительством, а что в нем не было отменено – приобрело характер старшинского панского самоуправления. Мещанское самоуправление было придавлено, духовенство также. Сельское население порабощено»^[247].

Браво, Михаил Сергеевич! Нынешним либеральным и самостийным «геббельсам» у него учиться надо. Ловкость рук, и две принципиально разных территории – Гетманщина и Слободская Украина – объединились в одно целое, да и административное устройство у них одинаковое.

Ну а дальше на семи страницах «украинский Карамзин» ведет речь только о Гетманщине, и ни слова о культуре Слободской Украины. Нечего сказать и мне. Слободская Украина была пограничным форпостом России. Набеги крымских татар случались чуть ли не ежегодно. Население представляло собой причудливую смесь великороссов, малороссов, сербов, валахов и т. д. Высшее начальство из Москвы и Санкт-Петербурга в Слободской уkraine не бывало и не навязывало местным помещикам свой образ жизни. Кто носил «оселедец», кто – бороду, кто – немецкий парик. Все поселенцы разговаривали на русском языке, пусть на разных диалектах, но всегда понимали друг друга. Управление велось непосредственно из Москвы или Петербурга, суд велся по царским законам (Уложению царя Алексея Михайловича от 1648 г.).

К середине XVIII века Слободская Украина все больше походит на центральные губернии империи, хотя часть населения с малороссийскими корнями сохраняет свои бытовые особенности и малороссийский диалект русского языка. Екатерине II оставалось лишь законодательно уравнивать административное устройство Слободской Украины с остальной империей.

Указом российской императрицы от 28 июля 1765 г. был принят манифест «Об учреждении в слободских полках приличного гражданского устройства, и о местопребывании канцелярии губернской и провинциальной». Этим манифестом было ликвидировано деление Слобожанщины на полки и образована Слободско-Украинская губерния.

Глава 29

Конец беспредела, или как Екатерина лишила вольности Украину

В любом городе современной Украины вам всегда ответят на вопрос, где вулиця Шевченко, где парк Шевченко, оперный театр Шевченко а в некоторых городах, как, например, в Севастополе, есть еще и рынки Шевченко. Правда, чем торговал там Тарас Григорьевич, никто не знает. Главный секрет Украины, какой процент местных жителей сам, без принуждения – сдавать экзамен, по доброй воле читает Тараса Григорьевича? Кстати, господин Шевченко три четверти своих произведений писал по-русски, а об остальных можно спорить – это украинский новояз или суржик? Другой вопрос, что «незалежные письменники» постоянно редактируют Тараса Григорьевича. Так, он писал «Кобзарь», а его переправили – надо «Кобзар» и т. д.

Даже интимные дневники великий украинский письменник вел на русской мове. Не буду спорить, но по моему мнению, если бы водка и венерические болезни не отправили бы Тараса Григорьевича на тот свет в 47 лет, то он, наверное, повторил бы судьбу своего друга и подельника по Кирилло-Мефодиевскому братству (организации, писавшей регламент Российской империи) Пантелеймона Александровича Кулиша. Кулиш тоже был в ссылке и освободился одновременно с Шевченко. Пантелеймон меньше пил, был куда умеренней в личной жизни, и в зрелые года, а умер он в 76 лет, пришел к пониманию огромной роли Екатерины Великой в истории Украины.

Увы, сейчас Кулиш старательно забыт «оранжевыми» политиками и учеными. Там сейчас культ Шевченко – дедушка Ленин отдыхает! Ну а Екатерина Великая представляется в виде дьявола. Она лишила украинский народ вольности и ввела на Украине крепостное право.

Да, действительно, Екатерина 10 декабря 1764 г. издала указ о ликвидации гетманов в Малороссии. Указ императрицы вызвал бурю ликования по всему гетманшафту. Небось злыдни-москали славили Екатерину Великую? Нет, Екатерина не была тогда великой. Наоборот, это была немка, незаконно узурпировавшая трон и не имевшая никаких заслуг перед Россией. Зачем же она пошла на такой вроде бы рискованный шаг? Да приспичило! Гетманство и беспредел на окраине допек петербургскую

администрацию, равно как и селян, и мещан Малороссии.

Последний гетман Украины Кирилл Разумовский, внук свинопаса и брат любовника Елизаветы Петровны, постоянно жил в Петербурге, предоставив управление Малороссией чиновнику Теплому.

Если гетман Иван Мазепа имел 11 тысяч душ крепостных («души», естественно, были только мужского пола), то у Кирилла Разумовского в Малороссии было 45 тысяч душ, а в Великороссии – свыше 74 тысяч. В империи он был вторым после графа Шереметьева землевладельцем. Годовая прибыль от владений Разумовского превышала 100 тыс. рублей.

Только на содержание obsługi гетманского дворца в Батурине, где Разумовский бывал довольно редко, тратилось в год 60 тыс. рублей.

Кирилл Разумовский много лет мечтал сделать гетманскую власть в Малороссии наследственной. Мало того, в 1754 г. его посланцы вели тайные переговоры с французскими властями о возможности отделения гетманата от Российской империи.

Грабеж и беспредел семейства Разумовских допек и старшин, и мещан. Кто-то шумно радовался, кто-то помалкивал, но никто не выступал против отмены Гетманата.

Ну а как с крепостным правом? Так что, злодейка Катерина вывезла помещиков из Московии и подчинила им вольных поселян? Увы, нет, она лишь модифицировала и упорядочила крепостное право, то есть тот образ жизни, который терпели уже много поколений селян.

Крестьяне только выиграли от реформ Екатерины. Их теперь нельзя было сажать на кол и даже просто вешать. Замечу, что и в Речи Посполитой, куда входили русские войска, офицеры первым делом приказывали спиливать виселицы в панских имениях.

И вот как на левом, так и на правом берегу Днепра Екатерина-матушка окончательно покончила с панскими (старшинскими) междусобойчиками, которые зачастую кончались пушечной стрельбой. Маленькая деталь: пушки для своих полков малороссийские полковники заказывали сами глуховским или иным литейщикам. Они сами определяли тактико-технические данные орудий и приказывали отливать на них собственные гербы.

С конца XVIII века до 1914 г. на территории малороссийских губерний не зафиксировано ни одного боестолкновения, чего не было ни до, ни после в истории края. Екатерина II присоединила к империи добрую половину территории современной Украины и основала чуть ли не треть нынешних украинских городов.

Ну а за прекращение беспредела Екатерина даровала малороссийской

старшине дворянство Российской империи. Да ладно, если бы одной старшине! Дворянство давалось кому попало – кто громче всех орал, что он «балшой человек».

Во времена Богдана России присягнули 300 шляхтичей, точнее, старшин и казаков, считавших себя шляхтой, а во времена Екатерины в дворянство пролезло 100 тысяч (!) старшин, казаков, попов, мещан и селян.

Заведующий Московским архивом Министерства императорского двора профессор Л.М. Савельев писал по сему поводу: «Сподручнее и легче было доказывать свое непростонародное происхождение через посредство Польши. Лях и шляхтич всегда был в глазах малоросса одно и то же; престиж шляхетства всегда окружал все польское. И вот какой-нибудь самый обыкновенный казацкий сын Василенко (по Василью-отцу), выдвинувшись на маленький уряд, начинает подписываться на польский манер Базилевским, Силенко-Силевичем, Гребинка-Грабянкою и т. д.; а то и просто берет любую польско-шляхетскую фамилию, без всякого на то основания, как например, сделали Будлянские родственники Разумовских, да и казаки Розумы по тому же приему превратились в Разумовских...

Конечно, малорусское панство заинтересовано было в польском своем происхождении исключительно постольку, поскольку с ним было легче доказать свое шляхетство. А за шляхетство пан готов был объявить себя не только поляком, но венгром, сербом, греком, кем угодно, так как лишь домашнее свое малорусское происхождение клало бесповоротно клеймо простонародности. Карновичи производили себя от дворянского рода, Кочубеи – от татарского мурзы, Афендики – от кого-то молдавского бурколаба, Капнисты – от мифического венецианского графа Капнисси, жившего на о. Занте, Иваненки – от не менее мифического волоха дубоссарского гетмана Ивана Богатого Ионенка»^[248].

Вся Малороссия хохотала над хождением во дворянство свыше 100 тысяч малороссийских старшин, мещан и попов. В «самиздате» ходили десятки пародий и памфлетов типа «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны»:

И за купця у Остеръ отдав свою дивку,
Зъ казенного мужика зробывся я паномъ^[249].

Самое интересное, что ни я, ни авторы многочисленных памфлетов конца XVIII – начала XIX века ничего не преувеличивали. Взгляните на сегодняшнюю Украину. Там только ленивый не подался в казаки, шляхтичи

или даже гетманы.

Гетманами Войска Запорожского последовательно стали все четыре президента Украины, начиная с Кравчука. Самое интересно, что после ни один из них не отдал булавы, так что впервые в истории Запорожского казачьего войска оказалось четыре гетмана. К 2010 г. на Украине оказалось 29 казачьих организаций, каждая со своим гетманом, генерал-полковниками, генералами, есаулами, полковниками, но... без рядовых казаков.

Поскольку в Войске Запорожском не было гетманш, да и баб вообще, Юле Тимошенко (наполовину армянке, наполовину еврейке) присвоили чин «берегини». Спросите у щирых историков, что такое «берегиня», они вас обзовут империалистом и русским шовинистом.

Президент Виктор Ющенко ко всему прочему оказался и потомком гетмана Петра Калнышевского, поскольку Витя ухитрился родиться в 40 км от места рождения гетмана.

Эх, Гоголя нет на всю эту компанию! А нам лишь осталось повторить за Николаем Васильевичем: «Скучно жить на белом свете, господа!»

Список использованной литературы

Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.

Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). М.: Издательство Московского университета, 1999.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1986.

Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев? Киев, 1964.

Бузина О. Воскрешение Малороссии. Киев: Арий, 2012.

Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007.

Бузина О.О. Тайна история Украины-Руси. Киев: Издательство «Довіра», 2007.

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.

Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985.

Воронянский А.В. История Украины. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Харьков: Парус, 2008.

Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792.

Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006.

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследие Золотой Орды). Казань: Татарское книжное издательство, 1995.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: «Сварог и К», 2001.

Грушевский М.С. История Украины-Руси. В 11 т. Киев: Наукова думка, 1991–1993.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Грушевський М.С. З біжучої хвилі. Статті й замітки на теми дня. 1905–1906 рр. Київ, 1907.

Губарев В.К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; BALTRUS, 2005.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994.

Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов, Шидблм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960.

Дикий А. Пропавшая грамота. Неизвращенная история Украины-Руси. М.: Алгоритм, 2007.

Дорошенко Д.І. Історія України. 1917–1923. Т.2. Киев, 2002.

Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995.

Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного, М.: Наука, 1975.

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г., Кирилловой и А.В. Подосинова. Т. III. Восточные источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Железный А.И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999.

Иванов Н.М. История Литовско-Русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей). Историко-генеалогическое исследование-обобщение. В двух книгах. СПб.: Книга, 2003.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969.

История Киева. В двух томах / Под ред. В.А. Голубицкого. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963.

История Украинской ССР. В 10 томах / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982.

Каргер М.К. Древний Киев. М. – Л-д, 1959.

Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.:

Наука, 1977.

Климовский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев: Стилов, 2005.

Коган В.М., Домбровский-Шалагин В.И. Князь Рюрик и его потомки, Историко-генеалогический свод. СПб.: Паритет, 2004.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992.

Котрял Н.Ф. Даниил, князь Галицкий. СПб., Алетейя, 2008.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003.

Кулиш П. Записка о Южной Руси. Киев, 1994.

Левит И. В Речи Посполитой (Серия «Сказки доктора Левита»). СПб.: Торгово-Издательский Дом «Ретро», 2010.

Летопись по Ипатскому списку. СПб, 1871.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев. Вып. 1. 1890. Вып. 2. 1896.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань: Казанский Государственный педагогический университет, 2002.

Иван Федоров. М.: Наука, 1985.

Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. СПб: Петербургское востоковедение, 1998.

Погодин А.Л. История Польши. Кутшеба С. История государственного и общественного строя Польши. Шумов С., Андреев А. Польская хроника. М.: Монолин-Евролинц-Традиция. 2002.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Составители А.А. Сазонов, Г.Н. Герасимова, О.А. Глушкова, С.Н. Кистерев. М.: Русская книга, 1992.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет. М.: Международные отношения, 1995.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006.

Рудеок В.Я. Чернигов: из века в века. Чернигов: РИК Деснянська правда, 2011.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М.: Вече, 1998.

Савельев Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археологический центр, 1994.

Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990.

Смирнов А.С. История Южной Руси. М.: Алгоритм, 2008.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен, М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959–1961.

Соловьев С.М. Сочинения. М. Мысль, 1993.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994.

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995.

Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград: Наука, 1972.

Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990.

Ширококорд А.Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

Ширококорд А.Б. Запорожцы – русские рыцари. История Запорожского войска. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008.

Ширококорд А.Б. Мифы и реалии Полтавской битвы. М.: АСТ МОСКВА; Владимир: ВТК, 2010.

Ширококорд А.Б. Наша великая мифология. Четыре гражданские войны с XI по XX век. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008.

Ширококорд А.Б. Польша. Непримируемое соседство. М.: Вече, 2008

Ширококорд А.Б. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. М.: Вече, 2004.

Ширококорд А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2004.

Ширококорд А.Б. Спор о Русском море. М.: АСТ; АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010.

Ширококорд А.Б. Тайная история Украины. М.: Вече, 2008.

Ширококорд А.Б. Татары и русские в едином строю. М.: Вече, 2012.

Ширококорд А.Б. Украина – противостояние регионов. Разве все украинцы за Украину стояли? М.: АСТ, 2009.

Ширококорд А.Б. Русь и Польша. Тысячелетняя вендетта. М.: АСТ;

Владимир: ВТК, 2011.

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев – Москва: ЕВРОЛИЦ, 2003.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

<http://www.umoloda.kiev.ua/number/986/274/35810/>

<http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12440>

<http://antisys.wikispaces.com>

<http://ogin.mybb3.net/viewtopic.php?t=194>

http://prioratos.blogspot.com/2011/03/blog-post_31.html

http://www.youtube.com/watch?v=vb_froM-V_U&feature=channel

<http://belgorod-dnestrovskiy.ru/istoriya-iudejskoj-xazarii/>

http://www.corsairs-harbour.ru/readarticle.php?article_id=7

<http://bratstvoprav.narod.ru>

<http://www.philology.ru/linguistics3/zhuravsky-78.htm#1>

<http://www.voskres.ru/bratstvo/kunyaev1.htm>

<http://www.lovestuff.ru/culture/world/30.html>

Фото с вкладки

Веселая компания основателей града Киева: Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Фото А. Широкограда

Киевская фортеция, «основанная» в VI веке

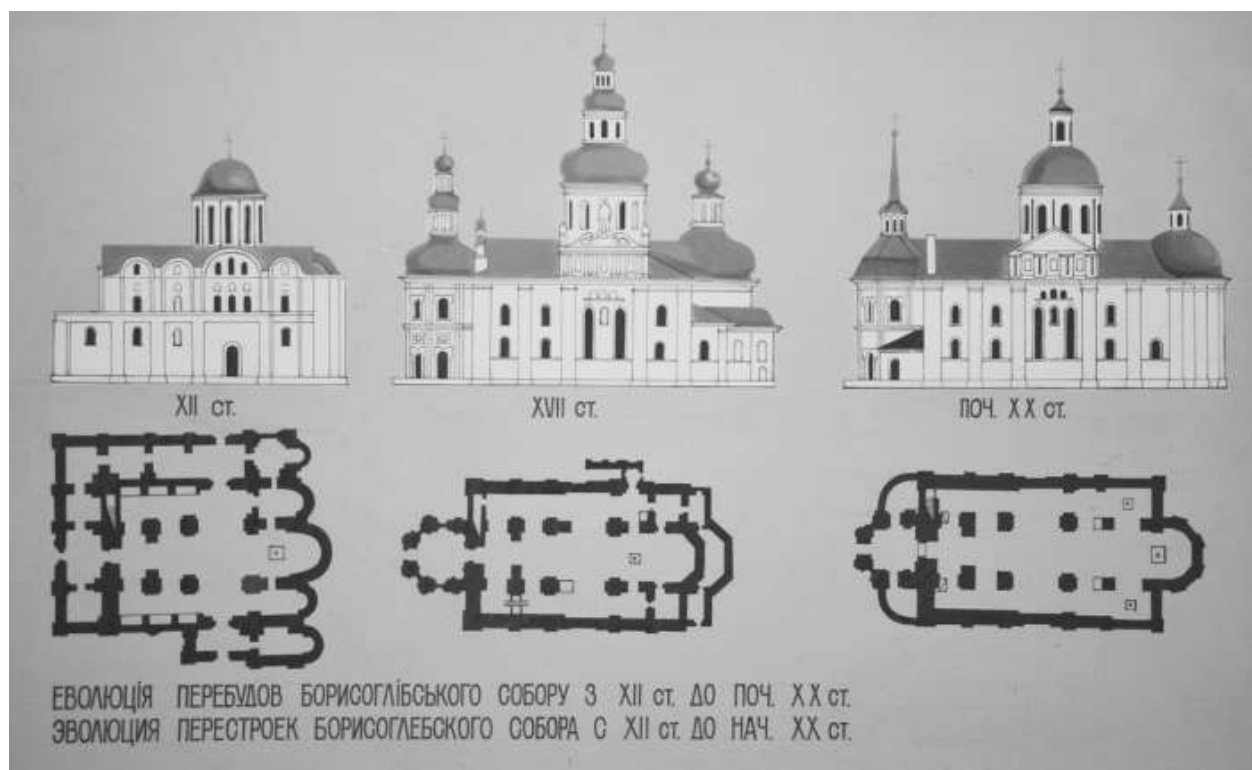

Воины-«укры» IV–VI веков на современных «незалежных» марках

Бородатый Ярослав Мудрый в Ярославле и усатый Ярослав Мудрый в
Киеве. Фото А. Широкограда

Еволюція переоборудування рускими и поляками Борисоглебского собора в Чернигове

Борисоглебский собор в Чернигове. Современный вид. Фото А. Широкограда

Ян Матейко. Витовт под Грюнвальдом

Ян Матейко. Димитр из Горая отговаривает Ядвигу от взлома двери в королевский замок в Кракове

Аскольдова могила. Церковь над ней отдана униатам. Фото А. Широкограда

Ян Матейко. Брестская уния

Рубенс. Король Польский и Великий князь Литовский Сигизмунд III

Рембрандт. Лисовчик (польский офицер начала XVII века)

Ревнитель православия Константин Острожский. Его потомки примут католичество (неизвестный художник 1-й половины XVII века)

Гетман Юрий Хмельницкий

Казак Мамай

Главный противник Богдана Хмельницкого князь Ярема Вишневецкий

1-фунтовая пушка «Чаша изобилия». Отлита в Несвиже в 1600 г. Фото А. Широкограда

Пушки, отлитые в Глухове в 1713 – 1717 гг. по индивидуальным заказам полковников Михаила Милорадовича и Ивана Черныша. Фото А. Широкограда

Национальный герой Иван Мазепа на 10-гривенной купюре

Казак и польские паны. Литография XIX века

Шевченко в Киевском университете им. Т.Г. Шевченко. Фото А. Широкограда

Вездесущий Тарас Шевченко: Шевченко в оперном театре им. Т.Г. Шевченко в Киеве. Фото А. Широкограда

Главный «незалежный» историк Михайло Грушевский. Фото А. Широкограда

Напротив здания администрации «державной прикордонной службы» гордо высится памятник первому пограничнику – запорожцу. Хорошо бы поставить на Лубянке в Москве памятник Стеньке Разину. Фото А. Широкограда

---

notes

Примечания

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 323.

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 323.

3

Там же.

Там же. С. 324.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Ленинград: Наука, 1972. С. 3.

Там же. С. 89.

Материалы сайта <http://www.umoloda.kiev.ua> number/986/274/35810/

Сокуров С. Мираж Четвертого Рима. Материалы сайта
<http://russkie.org/index.php?module=fullitem&id=12440>

Материалы сайта <http://antisys.wikispaces.com>

Сокуров С. Мираж Четвертого Рима.

Материалы сайта: <http://ogin.mybb3.net/viewtopic.php?t=194>

Материалы сайта http://prioratos.blogspot.com/2011/03/blog-post_31.html

Губарев В.К. История Украины. Конспект лекций для студентов и преподавателей. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004. С. 10.

«Киев, основанный одним из польских языческих князей Кием, и получил название от этого имени». (Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 224.)

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: «Сварог и К», 2001. С. 42.

История Киева / Под ред. В.А. Голубицкого. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. Т. I. С. 13–14.

Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев? Киев, 1964. С. 36–37.

Климовский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории.
Киев: Стилов, 2005. С. 21.

История Киева. / Под ред. В.А. Голубицкого. Т. I. С. 40.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим: Гешарим, 2003. С. 75.

Виноградов Г. История иудейской Хазарии. Материалы сайта:
<http://belgorod-dnestrovskiy.ru/istoriya-iudejskoj-hazarii/>

862 год от Рождества Христова.

Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) /Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Повесть временных лет // Изборник...

Уингейт Ф., Миллард Э. Викинги. М.: Росмэн, 1995. С. 40.

Так, в 1876 г. германский историк Вильгельм Томсен прочитал в Оксфордском университете лекцию «Начало русского государства», где утверждал, что «русь IX века – это шведы».

Здесь и далее я буду Старую Ладугу называть Ладогой, как она и называлась до Петра Великого, основавшего Новую Ладугу.

Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 3–4.

Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного, М.: Наука, 1975. С. 244.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 90–91. Следует заметить, что некоторые авторы относят это описание к более раннему и неизвестному современным историкам набегу россов.

Кривичи – славянское племя, обитавшее на территории современной Смоленской области.

Маджусами арабы называли язычников, огнепоклонников, а также тех, кто сжигал покойников. Так именовали, например, персов, индусов, русов.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г., Кирилловой и А.В. Подосинова. Т. III. Восточные источники. М: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 38.

Древняя Русь в свете зарубежных источников... С. 117.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества, М.: Наука, 1993. С. 308.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. Кн. I. С. 141–142.

Соловьев С.М. История России... С. 193–194.

Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

Василевс – титул византийского императора.

Цит. по: Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. СПб: Петербургское востоковедение, 1998. С. 73–74.

Вышгород – княжеское село недалеко от Киева.

Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872. С. 257.

Альта – небольшая речка, приток Трубежа, левого притока Днепра.

Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990. С. 7.

Там же.

Цит. по: Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995. С. 46–49.

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 506.

Интересную мысль высказала историк Фанна Гимберг: все славянские имена оканчивались на – мир или – слав (Ярослейф – Ярослав, Вартилаф – Брячислав), и варяги автоматически удлиннили имя Борис – Борислав. Гимберг считает имя Борис не славянским, а тюркским. По мнению автора, могло быть и наоборот – в ходе гражданской войны Борис сам решил славянизировать свое имя и стал Бориславом. Кстати, христианские имена Бориса и Глеба – Роман и Давид.

Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Ладомир, 1994. С. 109.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 236.

Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного.
С. 64.

О походе войска Святополка Окаянного в земли древлян сведений нет ни в одном источнике.

Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 510.

Ряд историков, в том числе Г.М. Филист, говорят об осени 1018 г.

Цит. по: Филист Г.М. История «преступлений» Святополка Окаянного. С. 79.

Речка Судома в Порховском уезде Псковской губернии.

Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2006. С. 54.

Река к югу от Киева.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 369.

Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 582.

Даниил Романович (1201–1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила. Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. С. 587.

Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871. С. 336.

Там же. С. 373.

Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007. С. 77.

Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). С. 287.

Губарев В.К. Корсары Черного моря: период Средневековья //
Материалы сайта: http://www.corsairs-harbour.ru/readarticle.php?article_id=7

Воинские повести Древней Руси / Составитель Н.В. Поньрко.
Ленинград: Лениздат, 1985. С. 91.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 162–163.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 142–143.

Предположительно, ее отец Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань: Казанский государственный педагогический университет, 2002. С. 126.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М.: Вече, 1998. С. 399.

Михаил Всеволодович был сыном польской королевы Марии Казимировны.

См. Мартынов А.И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973.

В XIX в. одноименное местечко Гайсинского уезда Подольской губернии.

По другим источникам, это произошло в конце 1253 г.

Климовский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории.
Киев: Стилов, 2005. С. 58.

Здесь и до конца абзаца в кавычках взяты выражения М.С. Грушевского (Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев, 1891).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 564.

Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1986. С. 38–39.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). М.: Издательство Московского университета, 1999. С. 211.

Калита – кожаная сумка для денег в Древней Руси, калиту носили на ремне у пояса.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград: Лениздат, 1990. С. 8–9.

Цит. по: Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). С. 102

Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 52.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 58.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев, 1891. С. 478–481.

Правда, некоторые историки, в том числе и Н.М. Иванов, считают Федора родным братом Гедимина, однако документальных подтверждений этому нет.

Схизматиками католики называли православных.

Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.

С 1939 г. Вильнюс.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 83–84.

Егоров В.Л. Историческая география... С. 84.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. С. 215.

Боплан Гийом (Guillaume le Vasseur de Beauplan) – инженер-строитель, автор «Описания Украйны», родом француз. Он служил более 17 лет в польской службе при королях Сигизмунде III и сыне его Владиславе IV в звании старшего капитана артиллерии и королевского инженера. Большую часть этого времени он провел в Малороссии, занимался здесь постройкою слобод и крепостей, в 1637 г. участвовал в сражении между поляками и казаками под Кумейками (возле Корсуня). В своих разъездах по Украйне Боплан хорошо ознакомился с украинскими степями и течением Днепра (от Киева до Александровска, ныне г. Запорожье), произвел множество измерений и близко наблюдал как самих казаков, так крымцев и буджакских татар. Около 1649 г. вернулся на родину, во Францию, и в следующем году издал свою книгу: «Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie jusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble leurs mœurs, faç ons de vivre et de faire la guerre». В 1660 г. вышло 2-е «Описание Украйны» издание, а через два года оно появилось в латинском переводе, в известном сборнике «Geographia Blaviana», во 2-м томе. Все сочинение делится на 7 глав: в 1-й («Описание Украйны») описаны физические свойства страны, города и замечательные места, в особенности Днепровские пороги, и затем нравы и обычаи запорожских казаков. Во 2-й главе («Описание Крыма») дается подробное описание Таврического полуострова, в 3-й («О крымских татарах») – описание их образа жизни, набегов и сражений с казаками и Польшей; в 4-й («Об украинских казаках») говорится о житъе украинских казаков, их нравах и обычаях, а также о морских их походах и разорении ими малоазийских городов (по рассказам казаков); 5-я глава («Об избрании королей польских») посвящена рассказу об избрании польских королей, о составе сеймов, о коренных законах и правах королевских; в 6-й главе («О вольностях польского дворянства») указываются права и привилегии польских дворян; и, наконец, в 7-й («О нравах польского дворянства») описывается образ жизни поляков. Боплан, используя польские карты и лично снятые планы местностей, опубликовал три подробные карты Малороссии, которые неоднократно переиздавались в Европе и в России.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896. Вып. 2. С. 320.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1. С. 51.

Грушевский М.С. История Украины-Руси. Киев: Наукова думка, 1993.
Т. 4. С. 86–87.

По другой версии, киевляне дали «тысячу червонцев выкупа, да 30 червонцев дали монахи Киевско-Печерского монастыря».

Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. II. С. 353–354.

Гришин Я.Я. Польско-литовские татары (Наследие Золотой Орды).
Казань: Татарское книжное издательство, 1995. С. 19.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. С. 235.

Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб.: Наука, 2004. С. 69.

Климовский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории.
Киев: Стилов, 2005. С. 79.

История Киева. В двух томах / Под ред. В.А. Голубицкого. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1963. С. 100.

Там же. С. 113.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; BALTRUS, 2005. Т. I. С. 96.

Имеется в виду территория, где проживали этнические литовцы.

Огицкий Д.П. Великий князь Войшелк. Материалы сайта
<http://bratstvoprav.narod.ru>.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 13.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. Т. I. С. 189–190.

См. Сацук С. «Не скифы мы, не азиаты...», «Белорусская деловая газета», № 774, 27.05.2000.

Материалы сайта: <http://www.philology.ru/linguistics3/zhuravsky-78.htm#1>

Цит. по: Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 503.

Погодин А.Л. История Польши. Кутшеба С. История государственного и общественного строя Польши. Шумов С., Андреев А. Польская хроника. М.: Монолин-Евролинц-Традиция. 2002. С. 12.

Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедемина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне ростовской.

Погодин А.Л. История Польши. Кутшеба С. История государственного и общественного строя Польши. Шумов С., Андреев А. Польская хроника. С. 26.

Староста управлял городом, творил суд над местной шляхтой. Каштелян – второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

Володарь Ростиславич, правнук Ярослава Мудрого, княжил в Перемышле с 1092 г., умер в 1124 г.

Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Любопытно, что воевода и боярин Даниил Васильевич Щеня по происхождению был Ольгердовичем. Его прадед Патрикий Наримантович, внук Ольгерда, приехал на службу в Москву в 1408 г. Женат Даниил Щеня был на дочери удельного суздальского князя Ивана Васильевича Горбатого. От Щени пошел род князей Щенятьевых, который пресекся в царствование Ивана Грозного. Внук Патрикия Наримантовича Василий Федорович получил земли на р. Хованке недалеко от Волоколамска. От него пошел знаменитый род князей Хованских. От Патрикея Наримантовича пошли роды князей Голицыных и Куракиных.

Малороссийский Стародуб, не путать со Стародубом на Клязьме.

Субтельный О. Украина. История. Киев: Либідь, 1994. С. 101.

Боюсь, что тут у определенной части читателей возникнет аналогия с репрессиями в конце 30-х годов XX в. в Красной Армии. На самом деле аналогия тут чисто внешняя, т. е. похожи факты, но суть совершенно иная. Иван IV уничтожал профессиональных воевод. Так, десятки князей Курбских участвовали в походах Ивана III, Василия III и Ивана IV и честно сложили головы за землю Русскую. Репрессии же конца 30-х годов XX в. были направлены в основном на героев Гражданской войны – выдвиженцев председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Вместо них пришли новые командиры, которые и выиграли Великую Отечественную войну, в которой уцелевшие герои Гражданской войны не сыграли особой роли. Аналогичная ситуация была и во Франции, когда десятки и сотни генералов, сделавших молниеносную карьеру во времена Революции, ушли со сцены в конце XVIII в., а Европу покоряли совсем другие люди, которые к 1793 г. были лейтенантами, а то и просто рядовыми.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 614.

Князь Криштоф Радзивилл (1547–1603), каштелян трокский, воевода виленский, великий гетман литовский, позже получил за свои военные таланты прозвище «Piorun» («Перун», т. е. «Гром»).

Цит. по: Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. Минск: Лучи Софии, 2002. С. 96.

Цит. по: Беднов В.А. Православная Церковь... С. 102–103.

Так в Польше в XVI–XVIII вв. называли протестантов.

Грабенський В. Історія польського народу. Мінск: МФЦП, 2006. С. 224–225.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет.
М.: Международные отношения, 1995. С. 391.

Цит. по: Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. С. 111–112.

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 18.

Цит. по: Куняев С. Шляхта и мы. Материалы сайта: <http://www.voskres.ru/bratstvo/kunyaev1.htm>

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851. Кн. 1. С. 101.

Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. С. 357.

Немировский Е.Л. Иван Федоров. М.: Наука, 1985. С. 160.

Там же. С. 124.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 323.

Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве. С. 115.

Левит И. В Речи Посполитой (Серия «Сказки доктора Левита»). СПб.: Торгово-издательский Дом «Ретро», 2010. С. 53–54.

Булгарин Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. С. 38–39.

Занков Д. «Блуд бывает всякий...» // «Родина» № 12/2004.

Лев-Старович Збигнев. Секс в польской культуре // Материалы сайта
<http://www.lovestuff.ru/culture/world/30.html>

В некоторых источниках их называют Чарторыйскими или Чарторижскими.

Ряд историков называют и другие даты.

Православное имя Дмитрий, а языческое – Корибут.

Бузина О.О. Тайна история Украины-Руси. Киев: Издательство «Довіра», 2007. С. 192.

Яворницький Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 53.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 55–56.

Там же. С. 71.

Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. Киев, 1904.

Подробнее о походах запорожских казаков можно узнать в соответствующих изданиях, в т. ч. в монографиях А. Широкограда «Запорожцы – русские рыцари» (М.: АСТ, 2008), «Казачество в Великой Смуте. От Гришки Отрепьева до Михаила Романова» (М.: Яуза; ЭКСМО, 2007).

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 145.

Цит. по: Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Нью-Йорк: Правда о России, 1960. Т. 1. С. 391.

Там же. С. 388.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 250, 402, 403.

Там же. С. 403.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 1. С. 388–389.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 1. С. 389–390.

Полонська-Василенко Н. Історія України. Київ: Либідь, 1992. Т. 2. С. 608.

Марковин И. Очерк истории запорожского казачества // Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев – Москва: ЕВРОЛИЦ, 2003. С. 95–96.

Корж Н.Л. Устное повествование бывшего запорожца // Шумов С. Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 255–256.

Марковин И. Очерк истории запорожского казачества // Шумов С.
Андреев А. История Запорожской Сечи. С. 131.

Д.И. Яворницкий. (История запорожских казаков. Т. 2. С. 70)
ошибочно считает, что Киев был взят Косинским.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 96.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 98.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 103.

Взятые в Слуцке гаковицы, естественно, не имели ничего общего с гаубицами второй половины XIX – начала XXI века. Это были небольшие короткоствольные огнестрельные орудия, потомки тюфяков XIV–XV веков. Видимо, они имели зарядную камору. Стрельба производилась только настильно. Основной боезапас – каменные ядра. Рушницы – это нечто типа тяжелых мушкетов или затынных пицалей.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 104.

Там же.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 104.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 441.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 159.

Далее для удобства читателей я, вслед за рядом дореволюционных авторов, буду называть городских казаков малороссийскими, чтобы не путать их с запорожцами, донцами и др. Эта замена тем более уместна, что после 1625 г. я не встречал термина «городовые казаки».

История Украинской ССР. Т. 2. С. 430.

Для редакции: слова «зарезал», «раскопать» взято из оригинальных документов, и желательно их не выбрасывать, дабы сохранить как точность повествования, так и колорит эпохи!

«Что руками создается, то руками и разрушается» (лат.).

Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851. Кн. 1. С. 101.

Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 1. С. 176, 178–179.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. С. 551.

Субтельный О. Украина, История. Киев: Либідь, 1994. С. 175–176.

Под стягом России. Сборник архивных документов / Составители А.А. Сазонов, Г.Н. Герасимова, О.А. Глушкова, С.Н. Кистерев. М.: Русская книга, 1992.

Под стягом России... С. 44.

Там же. С. 47.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 305.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. Т. 1. С. 554–558.

Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2006. С. 324–325.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: «Сварог и К», 2001. С. 362.

Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 170.

Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. XIII. С. 325–327.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 416–418.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. С. 593.

По данным: Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. С. 638.

История Киева. Т. I. С. 181.

Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л. Русь-Украина. Становление государственности. С. 638, 651, 639.

История Киева. Т. I. С. 190.

История Киева. Т. I. С. 191–192.

Бузина О. Воскрешение Малороссии. Киев: Арий, 2012. С. 208.

Бузина О. Воскрешение Малороссии... С. 209.

Там же. С. 213.

Бузина О. Воскрешение Малороссии... С. 238.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 130.

Там же.

В Польше во время бескоролья упразднялись прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 131.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 134–135.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 135.

Там же.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 136.

Там же.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 140.

Киев давным-давно был в составе России, но хвастливые поляки сохранили у себя должность киевского воеводы.

Костомаров Н.И. Мазепа. М.: Республика, 1992. С. 150.

Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994. С. 261.

Позже заштатный город Кролевецкого уезда на реке Короле.

Позже местечко Кролевецкого уезда на реке Десне в 38 верстах от Кролевца.

Яворницький Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 289.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 305.

Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 8. С.
201

Увы, описание Полтавского сражения выходит за рамки нашего труда, а интересующихся я отправляю к моей книге «Северные войны России». Замечу лишь, что ни в одной из многочисленных монографий, посвященных Полтавскому сражению, не указывается число запорожцев, малороссов и поляков, участвовавших в битве на стороне шведов. Любопытно, что вместе со шведами дрался и Станислав Понятовский, отец последнего польского короля, а на стороне русских – полковник Палий, возвращенный Петром из ссылки после измены Мазепы.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 345.

Там же. С. 345–346.

Там же. Т. 3. С. 374.

Яворницький Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 495.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 384.

Там же.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 414.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 415.

Кулиш П. Записка о Южной Руси. Киев, 1994.

Материалы сайта <http://litopys.org.ua/anton/ant18.htm>

Там же.

Переписка графа П.А. Румянцева о восстании на Украине 1768 го– да
// Киевская старина № 3, 1882 г. С. 527–528.

Переяслав находился на территории Российской империи на левом берегу Днепра.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. С. 455–456.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. С. 456–457.

Там же. С. 457.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. Кн. XIV. С. 236.

Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 174.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 420.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. С. 422.

Савельев Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археологический центр, 1994. С. 162, 163.

Киевская старина. Исторический журнал. Киев, 1882. Т. 1. С. 225.